

Ибероамериканские тетради —→ №01

Том VIII
2020

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219

Cuadernos Iberoamericanos

Ибероамериканские тетради

• №01

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-1

Том VIII
2020

В научном журнале рассматриваются тенденции
и перспективы политического и экономического развития
Иberoамериканского региона.

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год.

→ Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

→ Главный редактор

Габарта Анджей Артурович

→ Заместитель главного редактора

Попов Иван Владимирович

→ Редакторы выпуска

Неклюдов Никита Яковлевич
Павлов Владимир Владимирович
Самойловская Наталия Александровна
Ткач Дмитрий Николаевич

Компьютерная верстка: Талалаевский Алексей Владимирович

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

© МГИМО МИД России, 2020

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Cuadernos Iberoamericanos

• No. 01

ISSN (Versión papel) 2409-3416
ISSN (Electrónico) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-1

Vol. VIII
2020

La revista se dedica al estudio de las tendencias
y perspectivas del desarrollo político y económico
de la región iberoamericana.

Año de creación: 2013.

Periodicidad: 4 números al año (trimestral).

→ Fundador

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú
adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación
de Rusia (Universidad MGIMO)

→ Presidente del Consejo Editorial

Andrzej A. Habarta

→ Vicepresidente del Consejo Editorial

Ivan V. Popov

→ Redacción

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach

Diseño editorial: Alexey V. Talalayevskiy

Esta revista es indizada por el Índice de Citación Científica de Rusia

© Universidad MGIMO, 2020

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Cuadernos Iberoamericanos
tiene el certificado registral de los medios
ПИ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-1

Vol. VIII
2020

The academic journal focuses on important trends and scenarios of political and economic development of the Iberoamerican region.
Established in 2013.
Published on a quarterly basis.

→ Founder

Federal State Autonomous Institution of Higher Education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

→ Editor-in-Chief

Andrzej A. Habarta

→ Deputy Editor-in-Chief

Ivan V. Popov

→ Editors

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach

Desktop Publishing: Alexey V. Talalayevskiy

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index

Международный редакционный и научно-экспертный совет

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России, председатель Совета

А.А. Габарта, кандидат экономических наук, МГИМО МИД России, главный редактор

И.В. Попов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России, заместитель главного редактора

Н.Е. Аникиева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

П. Ботта, доктор международных отношений, Католический университет Аргентины

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, Университет Гранады, Испания

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, ИЛА РАН

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, МГИМО МИД России

А.Л. Дюффе Монтальван, доктор филологии, Университет Ренн 2, Франция

Х. Касальс Льяно, доктор экономики, Центр исследований международной политики (CIP), Куба

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

М.В. Ларионова, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, МГИМО МИД России

Р. дель Мораль, доктор филологии, Президент Европейской ассоциации преподавателей испанского языка, Испания

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, Национальный университет заочного обучения, Испания

И.Ю. Окунев, кандидат политических наук, МГИМО МИД России

А.А. Орлов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России

К. дель Прадо Игера, доктор истории, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, ИМЭМО РАН

Э. Сан Мигель Перес, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

А. Санчес Андрес, доктор экономики, Университет Валенсии, Испания

У.А. Санчес Ньето, Американский университет, США

А.В. Шестопал, доктор философских наук, МГИМО МИД России

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

Consejo Internacional de Expertos Científicos

Presidente del Consejo Internacional de los Expertos Científicos
Dr. A. L. Okuneva (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Presidente del Consejo Editorial
Dr. A. Habarta (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Vicepresidente del Consejo Editorial
Dr. I. Popov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. N. Anikeeva (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. P. Botta (Universidad Católica Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Centro de Investigaciones de Política Internacional (CIP), Cuba)

Dr. V. Davydov, Miembro–Correspondiente de la Academia de ciencias de Rusia (Instituto de Latinoamérica de la Academia de ciencias de Rusia)

Dr. D. Degterev (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. A.L. Duffé Montalván (Universidad Rennes 2, Francia)

Dr. R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España)

Dr. J. de Hoyos Puente (Universidad Nacional de Educación a Distancia, España)

Dr. S. Khenkin (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. E. Kozhokin (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. M. Larionova (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. B. Martynov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. R. del Moral (Presidente, Asociación Europea de Profesores de Español, España)

Dr. I. Okunev (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. A. Orlov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. C. del Prado Higuera (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dra. I. Prokhorenko (Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de ciencias de Rusia)

Dr. E. San Miguel Pérez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A. Sánchez Andrés (Universitat de València, España)

W.A. Sánchez Nieto (Universidad Americana, Estados Unidos)

Dr. A. Shestopal (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. O. Volosyuk (Universidad ESE, Federación de Rusia)

International Editorial and Expert Advisory Board

President of the Board
Dr. L. Okuneva (MGIMO University, Russian Federation)

Editor-in-Chief **Dr. A. Habarta** (MGIMO University, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief
Dr. I. Popov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. N. Anikeeva (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. P. Botta (Catholic University of Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Centre for Studies of International Politics (CIP), Cuba)

Dr. V. Davydov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences)

Dr. D. Degterev (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. A.L. Duffé Montalván (University Rennes 2, France)

Dr. R. Guzmán Tirado (University of Granada, Spain)

Dr. J. de Hoyos Puente (National University of Distant Education, Spain)

Dr. S. Khenkin (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. E. Kozhokin (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. M. Larionova (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. B. Martynov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. R. del Moral (President, European Association of Professors of Spanish, Spain)

Dr. I. Okunev (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. A. Orlov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. C. del Prado Higuera (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. I. Prokhorenko (Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)

Dr. E. San Miguel Pérez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A. Sánchez Andrés (University of Valencia, Spain)

W.A. Sánchez Nieto (American University, USA)

Dr. A. Shestopal (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. O. Volosyuk (HSE University, Russian Federation)

Содержание • Índice

200 лет независимости Мексики • 200 años de la Independencia de México

→ **8** От главного редактора • Editorial

Политика • Política

→ **10** **Gustavo López Montiel**
El nuevo sistema político mexicano: reconfiguración de capacidades y poder

Густаво Лопес Монтиель
Новая политическая система Мексики: реконфигурация возможностей и власти

Интервью • Entrevista

→ **28** **Интервью с В.М. Давыдовым**
Мексика: 30 лет неолиберальной парадигмы

Interview with Vladimir Davydov
Mexico: 30 years of neoliberal paradigm

→ **36** **Интервью с А.Н. Боровковым**
«"Левый поворот" в Мексике представляет собой новое явление»

Interview with Anatoliy Borovkov
"The Left Turn' in Mexico is a new phenomenon"

75 лет Великой Победы • 75 años de la Gran Victoria

→ 46

Marcos Pablo Moloeznik

A 75 años de la finalización de la segunda conflagración mundial: consideraciones sobre la participación de México como beligerante

Маркос Пабло Молоезник

75 лет после окончания Второй мировой войны: соображения об участии Мексики в конфликте

Экономика • Economía

→ 61

И.А. Гулиев, Ю.В. Соловова

Энергетическая отрасль Мексики. Смена политического курса и переосмысление результатов энергетической реформы

Igbal Guliyev, Yulia Solovova

Energy industry in Mexico. Policy change and rethinking of energy reform results

Актуальная тема • Tema actual

→ 75

Aida Cecilia Acosta

México: COVID-19 ¿virus de letalidad sobre la economía azteca o la posibilidad de generar anticuerpos al subdesarrollo?

Аида Сесилия Акоста

Мексика: COVID-19 – смертельный вирус для экономики ацтеков или возможность выработки антител против отсталости?

Двусторонние отношения • Relaciones bilaterales

→ 84

Р.О. Райнхардт

Россия и Мексика: 130 лет отношений сквозь призму дипломатии и русской поэзии

Roman Reinhardt

Russia – Mexico: 130 years of relations through the lens of diplomacy and Russian poetry

→ 97

А.Н. Пятаков

Отношения между Турцией и Мексикой: сравнительный анализ, история и современность

Andrei Piatakov

The Relations between Turkey and Mexico: a comparative analysis, history and modernity

Для авторов • Para los autores

Уважаемые читатели,

Вашему вниманию предлагается первый номер журнала «Иberoамериканские тетради» за 2020 г.

В этом году в нашем журнале произошли изменения. Для того чтобы соответствовать высоким требованиям академического мира и идти в ногу со временем, мы решили перезапустить «Иberoамериканские тетради». Преобразования коснулись как самого формата журнала, так и состава его редакции, научно-экспертного совета и главного редактора.

В 2020 г. «Иberoамериканским тетрадям» исполняется семь лет. Журнал возник как совместный проект Иberoамериканского центра и Института международных исследований МГИМО. За эти годы «Иberoамериканские тетради» стали известным журналом с междисциплинарной тематикой. В издании публикуются статьи по актуальным проблемам стран Латинской Америки и Пиренейского полуострова. Хотелось бы поблагодарить основателя журнала и его первого главного редактора Александра Арсеньевича Орлова и его команду за titанические усилия, приложенные для популяризации иberoамериканской тематики в нашей стране. Без Александра Арсеньевича журнал «Иberoамериканские тетради» не состоялся бы как полноценный проект.

Мы сохраним сложившиеся традиции, но при этом внесем ряд изменений в формат журнала. Обновленная редакция ставит перед собой цель проиндексировать «Иberoамериканские тетради» в международных системах Scopus и Web of Science. Поэтому журнал будет концентрироваться на публикации материалов исключительно в области истории, политологии, международных отношений, социологии и экономики. Обновленная редакция намерена сделать журнал «Иberoамериканские тетради» востребованным ресурсом не только среди регионоведов-испанистов и латиноамериканистов в России, но и среди более широкой публики в странах Евразии и Иberoамерики.

В обновленном журнале Вы увидите научные статьи, интервью с ведущими специалистами-международниками и практиками, полемику экспертов, публикации сценариев и ситуационных анализов, а также содержательные рецензии на труды наших коллег-иberoамериканистов. Все материалы будут проходить двойное «слепое» рецензирование. Журнал будет продолжать выходить четыре раза в год на двух языках – русском и испанском. В будущем для расширения нашей аудитории и состава авторов мы собираемся также начать публиковать статьи на английском языке.

Частая смена политических ориентиров в странах Латинской Америки и сопровождающие ее экономические потрясения говорят о продолжающемся в странах региона поиске успешной парадигмы развития. Процессы в странах Иберийского полуострова также зачастую порождают много новых вопросов. Сформировавшаяся там «средиземноморская модель капитализма», считавшаяся переходным этапом к континентальной модели капиталистически развитых стран, оказалась не временным, промежуточным звеном, а социально-экономическим гибридом, который начал жить собственной жизнью. Тенденции, которые наблюдаются сегодня в иberoамериканском мире, являются вызовом для исследователей и экспертов. Происходящие процессы требуют не только глубокого и качественного осмысления, но и прикладного анализа – для

принятия взвешенных решений. Для того чтобы лучше понять суть актуальных проблем ибероамериканского региона в стремительно меняющемся мире, мы собираемся сделать каждый номер журнала тематическим, посвященным отдельной стране и процессам, происходящим в ней.

Первый номер посвящен одному из латиноамериканских гигантов – Мексике. В канун 200-летия независимости Мексики мы предлагаем Вам публикации российских и зарубежных авторов, в том числе о 30-летних результатах воплощения в жизнь не-олиберальной парадигмы в Мексике, об изменениях, произошедших на политическом олимпе данной страны в прошедшие месяцы и эволюции политической системы Мексики на современном этапе. Мы также не смогли обойти стороной актуальные темы 2020 г.: пандемию вируса COVID-19 в Мексике и вызовы, которые она поставила перед страной, воздействие обвала нефтяных цен на международных рынках на энергетическую отрасль Мексики, а также вклад государства в победу во Второй мировой войне в свете 75 годовщины Великой Победы. Кроме того, в журнале освещаются взаимоотношения нашего близкого соседа и партнера – Турции – с Мексикой, а также тема двусторонних российско-мексиканских отношений сквозь призму дипломатии и русской поэзии.

В следующих номерах мы продолжим обсуждение актуальных региональных тем. Желаем Вам приятного знакомства с нашим обновленным журналом и занимательного путешествия в таинственный мир Мексики!

А.А. Габарта, главный редактор

Политика • Política

El nuevo sistema político mexicano: reconfiguración de capacidades y poder

Gustavo L. Montiel

→ Resumen

Existen diversos elementos que construyen la idea del sistema político como tal, en el contexto de lo mexicano, pero que además se diferencian de características del pasado, por lo que podemos ubicar entonces el planteamiento de un nuevo sistema con características que se van construyendo como parte de las tendencias que se generan a su interior y que le diferencian de lo que ocurría anteriormente. A partir de una caracterización del sistema político como metodología, se construirá un esquema de explicación que interpreta la forma en que la política mexicana ha cambiado a lo largo del siglo XXI. La destrucción de las instituciones del antiguo sistema político está asociada a un largo proceso de lucha política, que permitió la creación de nuevas instituciones, pero en espacios políticos muy específicos. El artículo rastrea los cambios en el sistema político de México en el siglo XXI en sus diversas esferas y manifestaciones: poderes públicos, sistema de partidos, complejo electoral, sociedad civil, procesos de democratización; se consideran las evoluciones de los tres poderes del gobierno y se analiza su correlación actual.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-10-27>

Artículo de investigación

Gustavo López Montiel, Profesor, Escuela de Ciencias Sociales y Gobierno, Tecnológico de Monterrey (México)

E-mail: anlopez@tec.mx

Para citar: Montiel, Gustavo López. "El nuevo sistema político mexicano: reconfiguración de capacidades y poder" [The new Mexican political system: reconfiguration of capacities and power]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 10-27.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-10-27>.
[In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 14.06.2020

Aceptado para publicación: 10.07.2020

→ Palabras claves

Sistema político mexicano, política comparada, democracia, populismo

Introducción

El siglo XXI contiene referentes distintos a aquellos que nos acostumbramos a ver durante la postrevolución de inicios del siglo XX y el régimen que se construyó como resultado de ella. Podemos ver un tránsito acelerado entre el proceso de caída del régimen anterior, hacia la configuración del esquema populista actual, pasando por un proceso de democratización que cumplió medianamente con los elementos y características que

la democracia electoral requiere, pero con importantes deficiencias en los espacios sociales y económicos que esa democracia atiende ¿Cuáles son los aspectos relevantes que identifican al nuevo sistema político mexicano?

Existen diversos elementos que construyen la idea del sistema político como tal, en el contexto de lo mexicano, pero que además se diferencian de características del pasado, por lo que podemos ubicar entonces el planteamiento de un nuevo sistema con características que se van construyendo como parte de las tendencias que se generan a su interior y que le diferencian de lo que ocurría anteriormente. Esto es relevante para poder comprender la lógica de la política mexicana contemporánea que, si bien, puede encontrar a algunos actores anteriores, definitivamente contiene procesos, instituciones, actores y productos distintos a los que se habían encontrado durante la mayor parte del siglo XX.

Es por ello que comenzamos con una caracterización del sistema político como tal, para avanzar hacia la construcción de los elementos que sirven como referentes para el sistema actual en México y ofrecer un conjunto de aspectos que deben tomarse en cuenta para el análisis en el contexto contemporáneo. Lo anterior, porque no podría construirse un análisis efectivo si no se identifican aquellos aspectos explicativos, que son la base de posibles nuevas interpretaciones sobre el particular.

El sistema político

El sistema político representa un modelo a partir del cual se busca comprender y explicar la forma en que la política funciona en cuanto a acción, espacio y tiempo, a partir de la interacción entre diversos actores, reglas, procesos, etcétera. Es un modelo que permite analizar la forma en que se articulan y agregan intereses, los mecanismos que permiten hacerlo, así como los resultados que se obtienen de dichas interacciones y que se convierten en decisiones políticas que afectan a los ciudadanos. En ese sentido, ubicaremos en una primera instancia, la base teórica sobre la cual construimos los supuestos que estaremos explicando, para identificar la novedad de este sistema y el cambio a lo largo del tiempo.

La influencia de la teoría de sistemas, o mejor dicho de las teorías de sistemas en el estudio de la política tuvo varias vertientes que dominaron distintas formas de interpretación política y que derivaron en la observación más minuciosa y consistente de los fenómenos. Antes de entrar al estudio de ellas, se puede ubicar la noción de sistema como una idea en el contexto del pensamiento social, más que como un descubrimiento científico reciente.

En este sentido, se identifican tres tipos del uso de la palabra sistema. Por un lado, se puede referir al sistema como una descripción de algo. Es decir, un sistema es un conjunto de elementos que se interrelacionan entre ellos y con el ambiente. Este uso es básicamente definitorio del objeto que se quiere estudiar, pero no va más allá, pues no cuenta con elementos teóricos que impliquen una discusión sobre su potencial de explicación para un fenómeno en particular.

En una segunda utilización, el sistema se refiere a las formas en que se construyen explicaciones sobre cómo este conjunto de elementos se estructura, se relacionan y se conectan con el ambiente. Sirve para plantear las diferencias al interior de los enfoques sistémicos dentro de la propia teoría de sistemas. Esto es relevante para el objeto de estudio, puesto que concebir el origen de las perspectivas sistémicas ayuda a entender las técnicas que se emplean para

la medición y explicación de su comportamiento. Finalmente, el tercer uso es el de la aplicación de una perspectiva específica sobre los sistemas que incluye conceptos analíticos, metodologías y enfoques sobre el concepto de sistema en el estudio de un fenómeno.

En el caso de la perspectiva clásica de Easton, Introducir la idea del sistema a la política, implica la posibilidad de diferenciar a la política de cualquier otra actividad social y examinarla como si fuera un contenedor rodeado, y por lo tanto diferente, por un ambiente en el cual opera y que crea resultados que son aplicables para todos los componentes del sistema.¹ Lo que mantiene al sistema funcionando son entradas en forma de demandas y apoyos que son convertidos en productos en términos de decisiones políticas de varios tipos, que tienen consecuencias para el ambiente y para el sistema mismo en que existe. Estas decisiones son consideradas como importantes, pero están determinadas por el flujo de entradas que mantienen activo al sistema y que caracterizan a la acción política.

Como se aprecia, un aspecto fundamental de la teoría de Easton reside en las entradas y no tanto en los procesos, que es donde se ubican dos elementos fundamentales: por un lado, la construcción de una teoría del apoyo político, que deriva en una teoría de la política; y por el otro el estudio de la cultura como el atributo que moldea dichas entradas a la caja negra. En este último sentido se presume que los ciudadanos actúan en un contexto en que un conjunto de valores y prácticas moldean las metas y objetivos generales, así como los procedimientos que los ciudadanos sienten que deben ser usados.²

Por otro lado, para Deutsch, el modelo de redes de información permite mucha más flexibilidad en el análisis político pues incluye mecanismos para ubicar los problemas de búsqueda y modificación de objetivos, porque ambos dependen del desempeño en el ambiente, información recibida desde el sistema e información sobre desempeños anteriores. La información puede ser transmitida, guardada, analizada y medida, pero independientemente de su forma y mecanismo de transmisión, esta no cambia. Lo que sí puede ocurrir es que la información se pierda, lo que generaría un efecto de eficiencia, o que el canal funcione efectivamente entre los componentes y en relación a otros canales, lo que produciría un efecto de complementariedad, conceptos que permiten la operacionalización de variables que pueden ser mensurables para evaluar el funcionamiento del sistema.³

Es este último concepto el que resulta relevante en el contexto del sistema, puesto que permite medir el grado de pertenencia de los elementos del sistema a partir de variables de cohesión, símbolos, hábitos, que les permitan transmitir, combinar, recordar, etcétera, la información que obtienen a partir de la interacción en el sistema. De esta manera, los cambios inducidos por mecanismos externos o internos reciben la misma atención, mientras que el grado de integración y cambio del sistema, depende de la eficiencia de los códigos y canales de comunicación.

El sistema político entonces se entiende por la interdependencia de sus componentes y por las transacciones entre ellos, que en el sentido de que pueden ser medidas en diversas formas, ya sea por la cantidad de información intercambiada entre componentes, la información entre el sistema y el ambiente, la intensidad de la información, su configuración, etcétera, presupone lógicas propias y comportamientos observables. Un elemento relevante en el planteamiento de Deutsch, tiene que ver con la introducción del conflicto al sistema, lo que hace posible definir niveles de sistemas para el ordenamiento de los intereses de los componentes que los integran y tener mayor movilidad, y que pueden derivar de la simetría o asimetría dada por las condiciones anteriormente mencionadas.

1 Easton 1965.

2 Easton 1975, 435.

3 Deutsch 1961.

Finalmente, el concepto de sistema de Almond,¹ hace referencia al de proceso político, con la diferencia de que el sistema incluye la totalidad de las unidades relevantes, la interdependencia entre las interacciones de las unidades, y una cierta estabilidad en la interacción de estas unidades, entendido esto último como un equilibrio cambiante. En este contexto, cada sistema político, como un modelo de acción, incluye una orientación hacia tipos de acción política, determinados por actitudes, valores políticos, ideologías, caracteres, etcétera, que en conjunto generan acciones políticas.

Los elementos del sistema son el conjunto de estructuras y actores que determinan los procesos que se siguen al interior, a partir de la entrada de insumos, y hasta la generación de productos políticos. Estos son: partidos políticos, grupos de poder, medios de comunicación, organizaciones de la sociedad civil, movimientos sociales, el gobierno y sus actores, sindicatos y otros actores políticos, que en el contexto de un escenario político determinado por instituciones (reglas formales e informales), entonces a partir de estos elementos es que desarrollaremos el análisis de lo nuevo en el sistema político mexicano.

Tendencias de cambio del nuevo sistema político mexicano

En todo caso, origen y tradición se amalgaman con innovación y modernidad, para dar forma a las instituciones del siglo XXI. Los procesos y las estructuras políticas en un país reflejan la evolución, la historia, la cultura, los valores, las religiones, los grupos étnicos, las expresiones e identidades, los actores, las relaciones con otras sociedades, etcétera, y son referentes para entender cómo se han moldeado las instituciones reconocidas y con las que se vive en la actualidad.

Las instituciones son reglas establecidas de manera formal o informal, que regulan la interacción de los actores en un espacio dado.² Las instituciones políticas son las reglas del juego político, regulan la forma en que los actores compiten, ganan y ejercen el poder público en la arena política. Establecen las áreas de actividad pública y la forma en que esta se desarrolla, generando resultados colectivos que benefician o perjudican a los actores y los ciudadanos. Las instituciones no surgen de la nada, todas tienen impreso un contenido histórico preciso, por el conjunto de procesos que han influido en su formación. El pasado hispano, monárquico, liberal, revolucionario, nacionalista y democrático (independientemente de lo que todo esto signifique), está reflejado en las instituciones contemporáneas y en el discurso que las legitima, en el caso de México.

Las instituciones políticas están organizadas de acuerdo a fórmulas que pueden producir diferentes grados de eficiencia en la distribución de los bienes públicos. El diseño del gobierno y la forma en que el poder se encuentra estructurado, determinan los resultados de las decisiones políticas, beneficiando mayormente a ciertos grupos de ciudadanos y perjudicando a otros, o viceversa.³ Es por ello que el diseño institucional que se ha configurado en los últimos años, es fundamental para comprender los alcances del cambio en este caso, pero además, ha generado equilibrios de poder que han generado espacios de dominio por parte no únicamente de organizaciones públicas, sino también de otros actores políticos.

El diseño del gobierno en México implica la existencia de una división del poder en tres figuras, el presidente, un congreso bicameral y un poder judicial colegiado y su integración y fundamento se indica en la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Los tres gobiernan. Sin embargo, a la par de la mayor parte de los países en América

1 Almond 1960.

2 Hall 2009.

3 Helmke and Levitsky 2006.

Latina, México adoptó una configuración de poderes donde el presidente tiene más poder informal que el resto,¹ aunque el congreso tiene más atribuciones formales. Al mismo tiempo, en términos espaciales, el poder se federalizó, permitiendo la incorporación de los estados a la toma de decisiones nacionales y respetando, al menos en la formalidad jurídica, sus propios ámbitos de acción. Eso marca los principales límites que los actores tienen en su lucha política pero, incluso en el contexto del esquema populista que ganó la elección de 2018, es el principal límite a la concentración de poder, aunque se haya ubicado en el contexto de una alianza en torno al presidente, misma que se fue modificando en el contexto de los distintos momentos políticos que, como parte del mismo esquema institucional, se dan en el contexto de sexenios.

El siglo XXI llegó para el sistema político mexicano, como una oleada de intensos y profundos cambios, donde la dinámica de las instituciones se ha transformado aceleradamente y ya no se puede decir con la misma certeza de que se tiene un presidente particularmente fuerte, un congreso subordinado o un federalismo aparente, como ocurrió en el siglo XX. Lo que ocurre en el México de inicios del siglo XXI, es diferente a lo que pasaba en los ochenta y noventa del siglo XX. Muchos de quienes leen estos párrafos no identificarían al México de la época en que nacieron, con el que pueden observar cotidianamente en las noticias.

Las instituciones políticas mexicanas del siglo XX

El origen de las instituciones políticas del siglo XX se ubica en la construcción pausada del México independiente, pero en particular en el prolongado gobierno de Porfirio Díaz (1876-1880 y 1884-1911). Este se fundó en una combinación aparentemente extraña (pero común en los gobiernos Latinoamericanos de la época y posteriores) que se expresó en un gobierno liberal con raíz autoritaria. Esta contradicción de origen motivó uno de los movimientos sociales más amplios de inicios del siglo XX que, exigió dar contenido social a la estructura y objetivos gubernamentales. Pero también fue fundamento del acelerado desarrollo que tuvo el país en términos de su infraestructura y capacidades económicas a finales del siglo XIX; lo que no necesariamente trajo beneficios para todos.

Así, la revolución y sus instituciones (es decir, la práctica institucionalizada de la violencia civil y militar como mecanismos rectores de la política) generaron un esquema donde la ingobernabilidad, más que la inestabilidad, garantizaba la caída de los gobiernos, pero más aún, el fortalecimiento del nuevo ejército y los caudillos en las regiones. En un complicado proceso de simbiosis, en diversos lugares del país el viejo ejército y élites, pudieron integrarse a los procesos de refundación de las estructuras políticas después de la revolución.

Con el afán de generar mayores elementos de control y capacidad de ejercer el poder, Plutarco Elías Calles tuvo la habilidad de construir un pacto político que agrupó a la mayor parte de las fuerzas políticas del país en un partido, que en su inicio en 1929 se llamó Partido Nacional Revolucionario (PNR). Este pacto le permitió a Calles lograr el objetivo de controlar el poder parcialmente, pero no de retenerlo para él.

Sin embargo, la estructura política creada por Calles le permitió reconstruir los vínculos con grupos regionales en un espacio de poder político que fue funcional para establecer vías de control regional, en una primera instancia, para restablecer las estructuras de decisión nacional. Si bien se habían construido las bases de un Estado nacional durante el siglo XIX, en el XX era necesario construir el gobierno que le diera viabilidad a esa estructura.

Cárdenas integró la estructura del estado mexicano moderno, a partir de la construcción de las líneas corporativas que lo caracterizaron. El PNR se transformó en Partido de la Revolución Mexicana (PRM) en 1938, e integró también a grupos con intereses económicos y sociales. Sin embargo, esto tuvo el objeto de generar un contrapeso a las alianzas que Calles había construido, y hecho posible, a través del PNR y el gobierno.

El cambio de PNR a PRM significó el tránsito de una estructura de alianzas de distintos intereses regionales y nacionales, a una configuración mucho más compleja que interconectó dicha estructura con una política más amplia de gobierno y una filosofía de políticas públicas que permitió al presidente asegurar mecanismos de control en el contexto de un Estado moderno, pero no necesariamente democrático.

El espacio corporativo construido con el nuevo partido, incluyó, excluyó y construyó actores políticos que fueron determinantes para el establecimiento de una estructura coherente de poder público. Lo anterior también tuvo como base un discurso que había evolucionado del positivismo del siglo XIX al modernismo, pasando por un nacionalismo indigenista y, hasta cierto sentido, popular a inicios de siglo.

Esta estructura caracterizó la época de dominio del Partido Revolucionario Institucional (PRI) sobre las elecciones y las decisiones públicas y se mantuvo prácticamente sin cambios durante el último cuarto del siglo XX. Este acuerdo distinguió al sistema político mexicano como uno de los más estables de la región y dio las bases de la política en el despunte del siglo XXI.

A pesar de su fuerza y control, el gobierno mexicano no fue un actor monolítico. Diversos acontecimientos lo demuestran, como las protestas de ferrocarrileros, médicos, electricistas, estudiantes, sindicatos y organizaciones civiles, entre otros. Hubo episodios muy lamentables de represión, que se daban cuando el PRI y el sistema corporativo se mostraban incapaces de dar salida a las demandas de los grupos de interés y organizaciones. El más recordado, pero no el único ni el más violento, tuvo que ver con la matanza en de estudiantes en Tlatelolco en 1968.

Las instituciones políticas mexicanas del siglo XXI

El punto de inicio de la creación de esta nueva época varía, pues aunque se enfatizó fundamentalmente después de los hechos de Tlatelolco; también se ha dicho que inició con las elecciones presidenciales de 1988, como el punto que encaminó la dinámica del cambio por la vía de una lucha político-electoral; para otros, este momento se dio con la crisis política de 1976 y la reforma electoral del año siguiente; sin embargo, tampoco pueden desdarsearse los impactos de las crisis económicas recurrentes registradas, cada vez con mayor gravedad, en 1976, 1982, 1987 y en 1994-1995.¹

En realidad, el agotamiento del modelo instrumentado durante el siglo XX se expresó de diversas maneras desde los ochenta. Particularmente en la forma de crisis económica y diversas crisis políticas en distintos espacios estatales. Crisis que, en su conjunto, alteraron profundamente el perfil de la sociedad mexicana, sus condiciones de vida, sus aspiraciones, sus conductos y valores en todos los ámbitos, incluyendo, de manera muy señalada, el de la esfera pública.

La reforma política impulsada por el gobierno de José López Portillo en 1977, donde se liberaban las restricciones que impedían de participar en la vida electoral a diversos partidos políticos y desconocían a organizaciones políticas antagónicas al gobierno, resultó imprescindible para el proceso de reformas.² Del mismo modo, diversos ajustes

1 Villegas et al. 2018; Woldenberg 2012.

2 Sirvent Guitérrez 1997.

estructurales de la economía mexicana consolidaron dicho proceso. Estos ajustes iniciaron desde 1982 con el gobierno de Miguel de la Madrid (1982-1988), se reforzaron durante el gobierno de Carlos Salinas de Gortari (1988-1994), y se consolidaron durante el gobierno de Ernesto Zedillo (1994-2000).

Estas reformas también trajeron mayor pobreza y marginación en diversas zonas del país, estancamiento y atraso en sectores productivos que no pudieron ponerse al día, y etapas de mayor autoritarismo que el de épocas anteriores, que incluyó represión policiaca y militar en diversas regiones del país, incluyendo el conflicto de Chiapas, originado en 1994. Los procesos de ajuste económico implicaron un mayor control de las instituciones políticas en ciertos momentos críticos, como las elecciones de 1988 y 1994, con el objeto de asegurar los efectos de dichas políticas de ajuste. En ocasiones dicho control derivó en procesos de liberalización, como las reformas electorales de 1990-1991, 1994 y 1996.

La derrota electoral del PRI en el año 2000 y la llegada de Vicente Fox a la presidencia, dio un respiro a la tensa relación entre las estructuras de poder político y la ciudadanía, en lo que se pensó sería una transformación en las formas en que el poder se ejercía desde la presidencia. Sin embargo, surgió un fenómeno nuevo donde las estructuras corporativas no únicamente no desaparecieron, sino que se transformaron para adaptarse a un nuevo contexto de interacción política.

El neocorporativismo

El neocorporativismo es un sistema donde confluyen organizaciones corporativas, como los obreros, campesinos y clases medias, y grupos específicos de interés en la elaboración de políticas públicas. Es decir, no únicamente intervienen las grandes corporaciones, sino también grupos pequeños con intereses específicos¹ que se hacen relevantes dependiendo de las capacidades de veto que tienen con respecto a los demás grupos de poder.

La estructura corporativa mexicana, en que se organiza la política, ha derivado en una combinación del viejo corporativismo con la influencia de una lógica fuertemente pluralista, dando lugar a lo que se ha llamado neocorporativismo. Esta forma de organización política se ha clasificado a partir de las reformas políticas, económicas y sociales de los 1980's en Europa del Este y América Latina, donde las estructuras corporativas dan paso a una mayor influencia de los grupos de interés, cuya lógica es fundamentalmente pluralista.

La organización de la política en México avanzó hacia un sistema más pluralista, sin dejar de ser corporativo, donde cada vez más grupos de interés tienen mayor influencia en el proceso de toma de decisiones, aunque no necesariamente en las decisiones finales. Por ejemplo, organizaciones no gubernamentales, fundaciones privadas, agrupaciones de ciudadanos con fines específicos, etcétera, participan de manera más activa en los procesos de elaboración de políticas públicas. Este pluralismo más o menos limitado por la propia estructura política, ha sido un elemento de vital importancia en la vida política mexicana.

Si bien la estructura corporativa no ha sido abandonada – y seguramente no se abandonará debido a las ventajas que representa para la organización del poder político en el país, – ahora convive con esta forma de pluralismo, modificando el proceso de toma de decisiones, incorporando más actores, pero sin una estructura legal y política orientada a sostener las nuevas relaciones de poder.

Los poderes públicos

El presidente representa al poder ejecutivo, siendo al mismo tiempo Jefe de Estado y Jefe de Gobierno. El poder ejecutivo encabeza la administración pública federal y controla dos tipos de entidades públicas, por un lado, las secretarías de estado y todas las dependencias que a ellas se ligan, que al mismo tiempo integran el gabinete *legal* del presidente. Las secretarías de estado se organizan por sectores o áreas de acción, y su función es facilitar el trabajo del presidente, en la ejecución de programas de gobierno. Las y los secretarios de estado son colaboradores del ejecutivo y pueden ser removidos y designados libremente por el presidente, con excepción del Fiscal General de la República, quien es designado por el Congreso. Por otro lado, están las agencias paraestatales o dependencias del gabinete *ampliado*, que han surgido principalmente como entidades estratégicas del estado, o bien, como producto de las acciones de nacionalización o estatificación de actividades productivas.

Las entidades públicas que dependen del presidente sugieren aspectos interesantes de la política mexicana, y reflejan los intereses que los diversos presidentes han tenido sobre problemas específicos que han enfrentado en su tiempo. El nombre de dichas dependencias se ha modificado, su número se ha incrementado, o bien, han desaparecido, de acuerdo a los temas considerados como prioritarios, en razón de la crisis que, en cada caso, se pretendió enfrentar con estas medidas.

Aparte de ser la estructura a través de la cual se ejecutan las decisiones relevantes en México, el gabinete presidencial tiene la particularidad de contener los espacios para pagar las alianzas que el presidente hace para obtener apoyos en su ascenso, ya sea durante la época de dominio del PRI, como también después de ella. Esto reduce la capacidad de acción del propio presidente, y en la mayor parte de los casos la eficiencia y eficacia de las propias dependencias.

La mayor parte de las decisiones relevantes que se toman en México, pasa por las oficinas presidenciales. A pesar de que el Congreso cumple un papel importante en el proceso de toma de decisiones, la mayor parte de las iniciativas de ley parten del poder ejecutivo. A diferencia de otros países, el proceso de *lobbying* o negociación de políticas entre el presidente, el congreso y los líderes de organizaciones corporativas o grupos de interés, es opaco y generalmente privado.

En el Congreso de la Unión recae la función legislativa en México. Tiene dos cámaras, la primera es la de Diputados, que en esencia representa a los ciudadanos y se integra por 500 diputados que duran en funciones tres años, y que al finalizar se renuevan en su totalidad. Los diputados son electos bajo dos principios: el de mayoría relativa, donde se elige un diputado por voto directo de los ciudadanos en cada uno de los 300 distritos electorales distribuidos a lo largo del país. El de representación proporcional, donde 200 diputados se eligen en cinco circunscripciones o zonas electorales en que se ha dividido al país, 40 en cada una, de acuerdo al número de votos que cada partido obtiene en cada circunscripción. Los partidos que hayan obtenido por lo menos el tres por ciento de los votos nacionales, pueden obtener diputados bajo este principio. Este esquema resultó fundamental para el proceso de transición política, pues dio mecanismos de inclusión que, si bien ahora han perdido sentido, siguen explicando la lógica del comportamiento congresional.¹

La cámara de Senadores representa a los estados, y se integra por 128 senadores que permanecen en su cargo durante seis años. Estos se eligen bajo tres supuestos. El primero es el de mayoría relativa, donde dos senadores se asignan a los partidos que obtuvieron

1 Algazi 2012; Jones 2002.

la mayor votación en cada estado de la República, incluyendo al Distrito Federal. Con ello se obtienen los primeros 64 senadores. El segundo es el de la primera minoría, donde se asigna un senador a cada partido que haya obtenido el segundo lugar en la votación estatal para senadores. Con ello se designan a los siguientes 32 senadores. El tercer principio es el de representación proporcional, donde los restantes 32 senadores se reparten de acuerdo a la proporción de votación que cada partido obtuvo en la elección para senadores a nivel nacional.

Desde 1934 y hasta 1997, el PRI mantuvo la mayoría en ambas cámaras. En 1988 se designaron a los cuatro primeros senadores no priistas en la historia moderna del país, y en 1997 el PRI perdió la mayoría en la cámara de Diputados, aunque fue la primera mayoría en todas las legislaturas subsecuentes, hasta el triunfo de Morena en 2018. La reelección legislativa se incorporó para periodos consecutivos a finales de la segunda década del siglo XXI, modificando las estructuras de disciplina partidaria.

El poder legislativo tuvo un papel limitado durante la era de gobiernos priistas. La actuación de las y los legisladores del PRI estaba ligada, como la del resto de los políticos, a los designios del presidente, a él debían no únicamente lealtad, sino también su puesto. Por ello, el congreso funcionó de manera limitada, aprobando las iniciativas del presidente con escasa crítica y discusión. A pesar de la presencia de diputados de oposición desde los cuarenta, el congreso nunca tuvo un papel relevante sino hasta mediados de los ochenta, cuando la oposición comenzó a tener mayor influencia en las decisiones.

Durante los periodos de gobierno sin mayoría legislativa, el congreso hace uso de sus facultades al negar incluso la salida del presidente al exterior, o la negativa a aprobar iniciativas presidenciales, o a discutir temas propuestos por el presidente. Mientras que cuando hay mayoría del presidente y su partido el congreso tiende a plegarse a los deseos del ejecutivo pero, a diferencia del siglo XX; con un costo político alto por el presidente.

Los partidos que interactúan en su interior, buscan alianzas y negocian con sectores y organizaciones para aprobar o detener decisiones que consideran benéficas o no de acuerdo a sus posiciones políticas. A pesar de que las posiciones de diputados o senadores eran utilizadas para pagar favores políticos, por lo que el perfil de los legisladores era de bajo nivel, el fortalecimiento del congreso y su utilidad para servir como contrapeso del presidente y el poder judicial están actualmente de por medio.

El poder judicial está conformado por diversos órganos y actores a lo largo de distintos niveles de decisión. Los dos órganos principales son la Suprema Corte de Justicia de la Nación, integrada por diez ministros y un presidente, y el Consejo de la Judicatura Federal. A pesar de su limitado papel durante casi todo el siglo XX, el poder judicial ahora es el otro pilar de la política mexicana. Los jueces también son actores políticos, puesto que sus decisiones no únicamente tienen un contenido político, sino que influyen en el proceso de toma de decisiones.

El poder judicial puede obligar indirectamente a los ciudadanos a través de procesos judiciales como la jurisprudencia, donde cinco decisiones en el mismo sentido sobre casos similares, se constituyen como disposición a acatar por los tribunales y jueces en sus decisiones, y por lo tanto por los ciudadanos. De la misma forma, a través del juicio de amparo, que es una forma limitada de una capacidad que tienen otros poderes judiciales en el mundo y que se llama revisión judicial, pueden declarar a algunas leyes inconstitucionales o de aplicación limitada, pero únicamente para los promotores de los juicios.¹

La capacidad de revisar leyes a petición de los poderes, o la recurrencia a la Suprema Corte para resolver controversias entre poderes, o entre la federación y los estados y municipios, ha incrementado la influencia de los jueces en la vida política del país. El matrimonio de personas del mismo sexo o la posibilidad de usar mariguana, entre otras decisiones, son ahora posibles en México gracias a la intervención del judicial y la creación de jurisprudencia.

Es importante recordar que estas capacidades del poder judicial lo han ubicado como un árbitro con cierta legitimidad en las disputas que surgen cotidianamente entre los partidos, y los poderes y niveles de gobierno en que interactúan. Esto puede tener un límite y es que el abuso de esas capacidades puede generar una crisis de legitimidad y autoridad en el largo plazo. Un aspecto que incide en la gobernabilidad de este poder es la corrupción que se practica en los niveles intermedios y bajos de acción. Desde los tribunales de circuito hasta los jueces en los niveles más bajos son sujetos de mayor escrutinio por prácticas deshonestas en la administración de la justicia. Esto influye de manera determinante en el papel del poder judicial y limita su influencia en la toma de decisiones.

El sistema de partidos

El sistema de partidos es un conjunto de interacciones entre partidos políticos. Contiene dos dimensiones, la electoral y la de gobierno, así como espacios intermedios como los mismos partidos políticos. Partimos de una perspectiva teórica que permite ubicar espacialmente los lugares del problema. Los sistemas de partidos se dividen en dos grandes dimensiones que a su vez comprenden subsistemas donde los partidos interactúan con distintos objetivos y marcos institucionales.

Existen diversas definiciones sobre el partido político como unidad de análisis, dependiendo de qué se busca explicar. A pesar de que las más recientes, y las que se utilizarán en este apartado, los conciben como entidades o grupos de ciudadanos que buscan el poder a través de las elecciones,¹ no siempre los partidos políticos han sido partidos electorales. Por ejemplo, Gramsci ubicó al partido como actor fundamental del esquema de transformación marxista al partido político, pero no como un partido electoral, sino como un ente unificador y organizador de la ciudadanía en torno a un proyecto de largo plazo. Duverger² planteó una clasificación con base en la organización de cuadros o de masas, Kirchheimer³ como partidos *catch-all*, Katz y Mair,⁴ como partidos cártel, Panebianco⁵ como organizaciones que evolucionan en distintas formas dependiendo de sus fines, etcétera.

Más allá de su estructuración interna, los partidos construyen interacciones que definen al sistema de partidos en términos del número de partidos que realmente influyen en decisiones políticas, por las relaciones que se establecen entre ellos, así como por los espacios ideológicos que les definen en términos de sus preferencias políticas. En términos de su número puede haber sistemas de partido único, sistemas bipartidistas y pluripartidistas. Diversos autores han construido fórmulas para definir el número a partir del cual los sistemas pluripartidistas pueden ser clasificados por el tamaño, influencia y capacidad de decisión de los partidos que interactúan en el gobierno.

Esta dimensión regula las interacciones de los partidos y los votantes en el ámbito electoral y da los lineamientos para que dicho apoyo se concrete en lugares dentro de

1 Sartori 1987.

2 Duverger 1980.

3 Kirchheimer 1990.

4 Katz and Mair 1995.

5 Panebianco 1998.

los órganos de gobierno, ya sea un sistema parlamentario o presidencial. Por otro lado, la interacción en el gobierno se da en varios espacios de poder. En un sistema donde el poder está dividido, como en México, los partidos interactúan fundamentalmente en el ámbito legislativo. Sin embargo, el presidente también es integrante de un partido, y aunque en el discurso político se niegue, las críticas y apoyos de los partidos a las decisiones presidenciales también implican interacciones partidarias.

En el legislativo, los partidos tienen un intercambio de posiciones que después determina los principales lineamientos de acción gubernamental, ubica agendas, discute en torno a los temas de dichas agendas y establece reglas formales para el sistema. Todo esto está regulado por instituciones que para el caso de México son aun limitadas, pero fundamentalmente por un conjunto de incentivos e intereses que determinan en casi todos los momentos las decisiones sobre los temas ubicados en la agenda.

Diversos grupos interactúan en este espacio tratando de influir en las decisiones que se toman. Pero no es el único espacio de interacción, pues en las legislaturas locales, los cabildos, las negociaciones con espacios del poder ejecutivo, etcétera, son también lugares donde los partidos actúan y contribuyen en el proceso de toma de decisiones. En ellos se presentan cotidianamente posiciones partidarias, interactúan intereses que se generan sobre temas de las agendas o de temas que se busca entren a las agendas, etcétera. Estos espacios concentran buena parte de la actividad política diaria.

En los sistemas presidenciales el poder ejecutivo, que también emana de la primera dimensión, es igualmente un actor que trata de incidir en las decisiones de los otros poderes, aunque aún de manera informal. Los otros poderes con sus espacios de decisión también buscan influir en las decisiones y acciones del ejecutivo. Posteriormente, recibe las decisiones del legislativo y las implementa, administra los recursos públicos, propone modificaciones, etcétera, pero lo hace también bajo presión constante de sus oposiciones partidarias, grupos de interés, movimientos sociales, demandas aisladas, etcétera, así como de sus mismos aliados, a quienes tiene que atender para mantener la unidad en torno a las acciones políticas o las alianzas con fines de apoyo político en otros ámbitos de la negociación.

Sistema electoral

El sistema electoral mexicano desde la segunda mitad del siglo XX, ha estado basado en el voto libre, directo, secreto, universal, personal e intransferible. Las condiciones para que estas características se cumplan han sido diversas. Por ejemplo, el voto universal se fue instaurando a lo largo de la década de los cincuenta cuando se otorgó el voto a la mujer, primero en elecciones municipales, estatales, y después federales.

El sistema electoral también ha estado basado en la existencia de distritos electorales de distintos tipos. Actualmente, cuenta con distritos uninominales y plurinominales. Los 300 distritos con elección de mayoría relativa para diputados son uninominales. Los 5 distritos con elección de representación proporcional, también llamados circunscripciones, eligen a 40 diputados cada uno. En la elección presidencial se tienen 300 distritos que suman sus resultados a un distrito nacional que es el país. En la elección de senadores, se tienen 32 distritos donde se eligen a 3 senadores. Es decir, cada estado es un distrito donde se eligen a tres personas para el mismo cargo. Pero también hay un distrito nacional para la elección de 32 senadores.

Las fórmulas en las que se basa el sistema electoral son la de mayoría relativa y dos de representación proporcional. En la primera, quien gana más votos en un distrito de mayoría, gana el cargo o cargos que se disputan en dichos distritos. En la segunda, se utilizan dos fórmulas para el reparto de diputados y senadores bajo el principio de representación proporcional. En la primera fórmula de reparto se asignan los lugares bajo el criterio de la obtención de un cociente sobre el que se reparten los espacios en las listas partidarias. La segunda es la del resto mayor, donde los lugares que no se asignan con la primera fórmula se reparten a partir del ordenamiento de los restos mayores que obtienen los partidos después del primer reparto y se asignan los lugares del más grande al más pequeño.

La combinación de 300 diputados de mayoría y 200 de representación proporcional, genera mecanismos de representación que se desligan de un espacio territorial en el que pueden interactuar representantes con ciudadanos y que lleva, en consecuencia, a que la lealtad de los representantes se ubique en las dirigencias estatales y partidarias y no en la de los electores. Lo mismo pasa con los senadores de la República.

De la misma forma, este sistema electoral es el resultado de distintas modificaciones a lo largo de más de veinte años de cambios intensos y constantes. De un sistema de mayoría que basaba el número de diputados y distritos en el número de ciudadanos y el equilibrio en la representación, se ha pasado a un sistema híbrido cuyos resultados han llevado a una intensa fragmentación y polarización del sistema, con un sentimiento de estancamiento.

La ciudadanía

Ciudadanos efectivos no es la única condición para avanzar en la transición política de México, pues puede haber gobiernos democráticamente electos, lo que implicó el ejercicio de la ciudadanía, pero no tener necesariamente gobiernos democráticos. Esta última condición puede referirse a la falta de mecanismos institucionales democráticos que permitan a los gobiernos ser también democráticos.

Esto implica la base del ejercicio mismo de la ciudadanía, puesto que esta no se agota en el voto o en alguna otra actividad formal de participación política, sino que va más allá y se realiza en la cotidianeidad misma. ¿Cuántas decisiones toman las estructuras de gobierno día con día? ¿En cuántas de ellas participan los ciudadanos en México? De nada sirve elegir a un gobierno de manera limpia y democrática si este no encuentra mecanismos que le permitan tomar decisiones, o no logra que las decisiones tengan un vínculo con la ciudadanía, y que mantengan entonces una fuente de legitimidad.

En México, las instituciones políticas democráticas se han venido construyendo de diversas maneras y por coyunturas específicas. Parece entonces evidente que la duración de las democracias depende de la forma en que se construyen sus arreglos institucionales. En este sentido se pueden identificar dos niveles en que estos arreglos funcionan. Por un lado, lo que se llamaría el nivel macro, donde se identifican las relaciones entre el ejecutivo y el legislativo en el caso de los países presidenciales, las relaciones de independencia de los bancos centrales, los sistemas electorales, etcétera, que son condiciones básicas para la existencia de la democracia.¹

Por el otro, lo que se refiere a la microfísica de las relaciones políticas que es donde se ejerce de manera efectiva la ciudadanía. Por ejemplo, cómo podemos influir en una decisión gubernamental por mínima que sea. ¿Existen los mecanismos en México para

1 Lijphart 1999.

que los ciudadanos se hagan escuchar y que los funcionarios tomen en cuenta las opiniones? La participación política de un ciudadano no se reduce únicamente al voto, pero tampoco existen mecanismos que vinculen a la ciudadanía con las decisiones cotidianas.

La consulta popular, el referéndum y el plebiscito, las consultas vecinales, las audiencias públicas, y otras formas de participación política que diversas constituciones y leyes estatales contemplan, no satisfacen el requisito de la ciudadanía efectiva, porque la aplicación de las mismas pasa por la aprobación de la autoridad cualquiera que ésta sea. Por ejemplo, en el caso de la ciudad de México existen diversos mecanismos de participación ciudadana como el plebiscito y el referéndum que pueden ser solicitados por los propios ciudadanos, pero al final del proceso ambos mecanismos deben ser avalados por diversas autoridades para su realización. El plebiscito es autorizado por el Jefe de Gobierno y el referéndum por el congreso local, aun cuando hayan sido solicitadas por los ciudadanos. Más aún, los parámetros que la ley establece en que las decisiones tomadas a partir de estos mecanismos de participación se vuelven vinculantes para la autoridad son demasiado altos. En otras entidades donde también hay mecanismos de participación ciudadana, no se ejercen por falta de reglamentación o por imposibilidad de hacerlo ante los límites de la propia ley.

Esto lleva a dos vertientes de discusión. Por un lado, la que se refiere a qué mecanismos institucionales de participación política en el nivel más bajo deben construirse, para asegurar que las decisiones gubernamentales en todos los niveles estén vinculadas con la ciudadanía. Por el otro, la construcción de instituciones que favorezcan el desempeño de los gobiernos y, por lo tanto, incrementen la calidad de la democracia. En el primer caso, pueden tomarse experiencias de participación local que a lo largo del país se dan de manera informal. No es necesario ni recomendable homogeneizarlas, pero sí es deseable formalizarlas y ligarlas con disposiciones que sancionen a los funcionarios para que respeten estas formas de participación, y que sean parte del proceso de elaboración de políticas y toma de decisiones. En buena medida, los arreglos institucionales de la democracia afectan su desempeño, por lo que debe haber un balance entre el aseguramiento del ejercicio de la ciudadanía y la agilización de los procedimientos en la toma de decisiones y su ejecución.

Populismo y desdemocratización

En los años recientes, hemos visto un preocupante proceso de dismantelamiento de algunas instituciones democráticas en México, que ha sido analizado desde diversas perspectivas, pero que hoy toma una mayor intensidad, debido a una decidida confrontación desde diversos espacios de decisión pública, particularmente limitando la libertad de expresión y dañando severamente las capacidades para la protección de derechos humanos.

La desdemocratización planteada por Charles Tilly¹ como un mecanismo de erosión de la democracia, en conjunto con sus estructuras, funciones, libertades, reglas, legitimidad, etc., puede ser observada en México, prácticamente desde el momento mismo del cambio de un partido en el gobierno a otro, en el año 2000. La decisión del entonces presidente Fox de no realizar acciones profundas que marcaran una diferencia con los sexenios priístas anteriores, inició un proceso de fortalecimiento de los grupos que buscaban revertir las condiciones de transición política.

En los sexenios subsecuentes, a pesar de que se habían firmado acuerdos para la construcción de organizaciones y reglas democráticas, se simuló su instrumentación, como en el caso del servicio civil de carrera cuyo objetivo era evitar que las administraciones

consideraran los cargos públicos como un botín político y se iniciara así un proceso de profesionalización de la administración pública. Sin embargo, se construyeron estructuras administrativas alternas, con dobles espacios de autoridad que terminaron por hacer del servicio un sistema accesorio a las estructuras reales de poder.

En el caso de otros mecanismos multilaterales que comprometían al país a instrumentar estrategias de gobierno abierto, asumiendo al gobierno como los tres poderes, como un medio para fortalecer las estructuras democráticas y fomentar la participación colectiva no electoral, los avances fueron en forma, pero no de fondo, pues el entramado burocrático que se ha generado para darles sentido, ha hecho mucho más tortuoso el ejercicio de derechos.

Por ejemplo, el Sistema Nacional Anticorrupción, parte del supuesto de que la corrupción es una práctica generalizada y permanente, que debe ser combatida a través de la cooperación de todas las estructuras administrativas, en un sistema complejo con diversas dimensiones de decisión político-administrativa. Sin embargo, un esquema de este tipo no permite enfoques distintos que permitan hacer un combate más eficiente a las prácticas corruptas, asumiéndolas como delitos, reduciendo la impunidad, y generando protección a los programas públicos que se instrumentan, con un enfoque de riesgos donde la corrupción es uno de ellos.¹

Lo que ocurre en la administración actual, donde pareciera que el presidente lucha de manera frontal con estructuras que le compiten espacios de decisión, es sólo el clímax de una condición que ha ocurrido desde hace varios años, donde podemos ver un proceso sistemático de desmantelamiento de reglas y prácticas democráticas. El uso de las organizaciones de procuración de justicia, la aplicación discrecional de la ley, el cambio de leyes para favorecer a actores en particular, etc., son síntomas de los últimos sexenios, incluyendo el actual. Si bien ahora es de una manera abierta, es importante mencionar que la simulación y la omisión, tienen un efecto tan pernicioso sobre dichas reglas y prácticas.

El problema, es que los actores políticos no parecen comprender la relevancia del régimen democrático, en conjunto con la estructuración de la república, como los factores más relevantes que dan solidez a las decisiones del gobierno, que al mismo tiempo permiten instrumentar soluciones públicas legítimas y eficientes. La confrontación y la división no es el problema porque son parte de la estructura política de una sociedad compleja, como la mexicana, pero sí es un problema cuando se busca acabar con los espacios de interacción democrática.

En ese sentido, el estilo populista del presidente López Obrador, parece imprimir un conjunto de elementos novedosos en el contexto del gobierno y los procesos de toma de decisiones, basados en consultas populares que no son legales. En política, como en otros espacios, los símbolos juegan un papel fundamental en la forma en que los actores construyen mecanismos de interacción con otros actores, para generar condiciones que sean favorables para la consecución de los intereses que se plantean como relevantes, en un contexto de disputa continua por el ejercicio del poder. En México, como en otros países, esos símbolos han estado implícitos como parte de los valores entendidos entre quienes compiten, pero también en el contexto social.

El discurso del ejecutivo, ha tenido esos elementos simbólicos como referentes de su administración, pero que sigue en el discurso de esa campaña electoral, generando una especie de gobierno simbólico, que debe transitar hacia un gobierno de hechos. Hay por lo menos tres aspectos simbólicos en ese discurso, que son recurrentes en el momento en que hay algún tropiezo mediático o algún tema que sea controvertido, tal como Trump

lo hace con el muro o la migración en los Estados Unidos. Dichos aspectos simbólicos como el nuevo aeropuerto y la consulta para hacerlo, la austeridad, Palacio Nacional vs. Los pinos, el avión presidencial, la prensa fífi, por mencionar los más relevantes, dominan las noticias asociadas a la transición, más que los temas que resultarían relevantes para cualquier inicio de administración, como el presupuesto, el sentido de la política económica, la política social, la seguridad, los proyectos de infraestructura, la política educativa, etc.

Lo relevante es que cuando alguno de esos temas relevantes se discute mediáticamente, no parece haber atrás un contenido sólido que permita profundizar en la discusión y, entonces, se regresa al planteamiento de los símbolos. El problema, es que una administración que usa símbolos, se convierte en un gobierno simbólico en algún momento del proceso.

Así como el muro de Trump, que parece irrealizable tal y como lo planteó, hay algunos símbolos en el caso de México que comienzan a ser improbables en su cumplimiento. Si bien varios de ellos se cumplirán, habrá otros que conviene que no se realicen, porque se mantienen espacios de discusión abiertos para poder culpar a otros actores de su bloqueo.

En el caso del Palacio Nacional como vivienda del presidente, implicó un cuestionamiento insistente sobre la razón por la que el presidente deba vivir en el edificio que es un museo, tal vez junto al castillo de Chapultepec, más vistoso de la Ciudad de México, como si fuera un noble, lo que contradice, incluso, la idea de austeridad y también la de ser un ciudadano común. En el caso del avión presidencial, su accidentada veta con la consecuente pérdida de recursos que eso implica, pero también es probable que, en el futuro, tenga que generarse un mecanismo que sustituya ese avión, o que genere seguridad, certeza y flexibilidad para los viajes del presidente.

El aeropuerto, se ha convertido en una pugna donde se traslada la responsabilidad de la decisión a "la gente", no a la ciudadanía, pero no se reconoce la realidad de que cualquiera de los dos proyectos, implicará una cuantiosa pérdida de recursos, por lo que, un mal manejo del tema, dejará una estela de cuestionamiento a la administración. Finalmente, el tema de austeridad ronda como un espacio infranqueable, por la resistencia de actores que no están dispuestos a perder recursos que son fundamentales para la actividad política. El gobierno requiere de símbolos para mantener espacios de legitimidad y de argumentación, pero no puede basarse en ellos como mecanismo cotidiano de discusión o de acción real.

Conclusión

El desmantelamiento de las instituciones del viejo sistema político, ha implicado un largo proceso de lucha política que ha permitido la construcción de otras instituciones, pero en espacios muy específicos de la política. Es por ello que durante los años recientes hay un sentimiento de estancamiento, lo cual es explicable por la forma en que el sistema de partidos mexicano se ha desarrollado.

Una vez que se ha avanzado en la institucionalización de procesos básicos para el funcionamiento de la democracia, ocurren procesos de desdemocratización, debido a que los liderazgos que han sido empoderados por esos mismos procesos, asumen la posibilidad de modificar las reglas para asegurar que la condición que le llevó al gobierno no desaparezca. Lo mismo ocurre cuando los grupos que han perdido poder se reorganizan, para tratar de hacer retroceder procesos que permiten el apoderamiento de otros grupos que pueden excluirlos de otros espacios de poder.

Estos riesgos de desdemocratización, en el contexto de un discurso de legitimidad democrática, pueden dañar la estructura institucional que es la base de una democracia real. El pliegue del tribunal electoral, la autocomplacencia del Instituto Nacional Electoral (INE), el alineamiento de los empresarios, el desprecio por la sociedad civil, etc., son señales de que ese riesgo es latente. Ante ello, la capacidad de organización e incidencia de la sociedad civil es fundamental, pues es el único actor, con la capacidad real, de plantear un contrapeso a las capacidades del poder político.

→ Referencias / References

- Algazi, Luisa Béjar. "¿Quién legisla en México? Descentralización y proceso legislativo" [Who legislates in Mexico? Decentralization and legislative process]. *Revista Mexicana de Sociología* 74, no. 4 (2012): 619-647. <https://doi.org/10.22201/iis.01882503p.2012.4.34446>. [In Spanish]
- Almond, Gabriel A. "Introduction. A Functional Approach to Comparative Politics." In *The Politics of the Developing Areas*, edited by Gabriel A. Almond and James S. Coleman, 3-64. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960.
- Cuéllar Vázquez, Angélica. *Los jueces de la tradición* [The judges of tradition]. México: UNAM-SITESA, 2008. [In Spanish]
- Cuéllar Vázquez, Angélica. *La SCJN: sus ministros, la política y el agravio social* [The SCJN: its ministers, politics and social grievance]. Mexico City: FCPyS-UNAM, 2014. [In Spanish]
- Deutsch, Karl W. "Social Mobilization and Political Development." *American Political Science Review* 55, no. 3 (September 1961): 493-514. <https://doi.org/10.1017/S0003055400125134>.
- Duverger, Maurice. "A New Political System Model: Semi-Presidential Government." *European Journal of Political Research* 8, no. 2 (June 1980): 165-187. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1980.tb00569.x>.
- Easton, David. *A Framework for Political Analysis*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1965.
- Easton, David. "A Re-Assessment of the Concept of Political Support." *British Journal of Political Science* 5, no. 4 (October 1975): 435-457. <https://doi.org/10.1017/S0007123400008309>.
- Hall, Peter A. "Historical Institutionalism in Rationalist and Sociological Perspective." In *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*, edited by James Mahoney and Kathleen Thelen, 204-224. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511806414.009>.
- Helmke, Gretchen, and Steven Levitsky, eds. *Informal Institutions and Democracy: Lessons from Latin America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006.
- Jones, Mark P. "Legislator Behavior and Executive-Legislative Relations in Latin America." *Latin American Research Review* 37, no. 3 (January 2002): 176-188.
- Katz, Richard S., and Peter Mair. "Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party." *Party Politics* 1, no. 1 (January 1995): 5-28. <https://doi.org/10.1177/1354068895001001001>.
- Kirchheimer, Otto. "The Catch-All Party." In *The West European Party System*, edited by Peter Mair, 50-60. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Linz, Juan J. "The Perils of Presidentialism." *Journal of Democracy* 1, no. 1 (Winter 1990): 51-69. <https://doi.org/10.1353/jod.1990.0011>.
- Lijphart, Arend. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven, CT: Yale University Press, 1999.
- Norris, Pippa, and Alessandro Nai, eds. *Election Watchdogs: Transparency, Accountability and Integrity*. Oxford: Oxford Scholarship Online, 2017. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190677800.001.0001>.
- Panebianco, Angelo. *Political Parties: Organization and Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Sartori, Giovanni. *The Theory of Democracy Revisited*. Chatham, NJ: Chatham House, 1987.
- Shively, W. Phillips. *Power and Choice: An Introduction to Political Science* (6th ed.). Boston: McGraw Hill Higher Education, 1998.

Sirvent Guitérrez, Carlos. "Las elecciones de 1997. El voto por la alternancia" [The elections of 1997. The vote for alternation]. *Estudios Políticos*, no. 16 (1997): 67-90. <https://doi.org/10.22201/fcpys.24484903e.1997.16.37170>. [In Spanish]

Tilly, Charles. *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Villegas, Daniel Cosío, Ignacio Bernal, Alejandra Moreno Toscano et al. *Historia mínima de México* [The minimum history of Mexico]. México: El Colegio de México, 1973. <https://doi.org/10.2307/j.ctv3f8njr>. [In Spanish]

Woldenberg, José. *Historia mínima de la democracia en México* [The minimum history of democracy in Mexico]. México: El Colegio de México, 2012. [In Spanish]

The new Mexican political system: reconfiguration of capacities and power

Gustavo L. Montiel

→ Abstract

There exist different elements that contribute to the idea of the political system as such in the context of the Mexican experience, but also that serve as referents that characterize the recent past. For that reason, we present a scheme of analysis – with political trends that are being built and that differentiate the new Mexican political system compared to that of the 20th century. Based on a model of the political system as the methodology of the analysis, we will track the trends of the changing Mexican politics during the 21st century. The destruction of the institutions of the old political system is associated with a long process of political struggle, which has provided for the creation of new institutions, but in very specific political spaces. The article traces the changes in the political system of Mexico in the 21st century in its various spheres and manifestations: public authority, party system, electoral complex, civil society, the process of democratization. We consider the evolution of the three branches of government and analyze their current balance.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-10-27>

Research article

Gustavo López Montiel,
Professor, School of Social
Sciences and Government,
Monterrey Institute of Technology
and Higher Education (Mexico)

E-mail: anlopez@tec.mx

For citation: Montiel, Gustavo
López. "El nuevo sistema político
mexicano: reconfiguración de
capacidades y poder" [The new
Mexican political system:
reconfiguration of capacities
and power]. *Cuadernos
Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020):
10-27.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-10-27>.
[In Spanish]

Received: 14.06.2020

Accepted: 10.07.2020

→ Keywords

Mexican political system, comparative politics, democracy, populism

Новая политическая система Мексики: реконфигурация возможностей и власти

Г.Л. Монтиель

→ Аннотация

Существуют различные элементы, которые не только способствуют формированию политической системы как таковой в контексте мексиканского опыта, но также выступают и в качестве референтных точек, характеризующих недавнее прошлое. По этой причине в статье представлена схема анализа с вычленением политических тенденций, которые конструируются на данном этапе и которые дифференцируют новую мексиканскую политическую систему по сравнению с системой XX века. Основываясь на модели политической системы как методологии анализа, автор рассматривает тенденции изменения мексиканской политики в XXI веке. Разрушение институтов старой политической системы связано с длительным процессом политической борьбы, который позволил создать новые институты, но в очень специфических политических пространствах. В статье прослеживаются изменения политической системы Мексики в XXI веке в различных ее сферах и проявлениях: публичная власть, партийная система, избирательный комплекс, гражданское общество, процесс демократизации. Рассмотрена эволюция трех ветвей власти и проанализировано их актуальное соотношение.

→ Ключевые слова

Политическая система Мексики, сравнительная политология, демократия, популизм

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-10-27>

Исследовательская статья

Монтиель Густаво Лопес, профессор Школы общественных наук и государственного управления Монтеррейского технологического института (Мексика)

E-mail: anlopez@tec.mx

Для цитирования: Montiel, Gustavo López. "El nuevo sistema político mexicano: reconfiguración de capacidades y poder" [The new Mexican political system: reconfiguration of capacities and power]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 10-27. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-10-27>. [In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 14.06.2020

Принята к публикации: 10.07.2020

Интервью • Entrevista

Мексика: 30 лет неолиберальной парадигмы

Интервью с Владимиром Михайловичем Давыдовым, доктором экономических наук, членом-корреспондентом РАН, научным руководителем Института Латинской Америки РАН, директором Института Латинской Америки РАН (1995–2017). Один из ведущих латиноамериканистов России, В.М. Давыдов является автором более 350 научных трудов. Его исследования внесли огромный вклад в изучение социально-экономических и политических процессов, происходящих в странах Латинской Америки, а также в развитие иberoамериканистики в России.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>

Интервью

Беседу вел: А.А. Габарта.

Для цитирования:

Мексика: 30 лет неолиберальной парадигмы. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(1): 28–35. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>.

Материал поступил в редакцию: 29.05.2020

Принят к публикации: 25.06.2020

ИТ: По распространенному мнению, начиная с 1982 года Мексика постепенно начала отходить от госкапиталистической модели экономического развития к поиску новой модели роста. Что, на Ваш взгляд, побудило тогдашнее мексиканское руководство начать реформировать национальное хозяйство с использованием неолиберальных рецептов?

Давыдов: С одной стороны, общество было не удовлетворено результатами предыдущего развития, экономика начинала буксовать. Вторая причина содержится в пословице «Бедная Мексика – слишком далека от Бога и слишком близка к Соединенным Штатам». А там начался поворот к неолиберальной парадигме. Было бы наивно полагать, что изменения идейного климата в американской науке и экономической практике не повлияли на Мексику.

Могу засвидетельствовать это собственными воспоминаниями, потому что в 1980-е годы я несколько раз выезжал в Мексику для продолжительной исследовательской работы, принял участие в крупных международных форумах. Помню и хорошо знаю академический мир Мексики – особенно лидеров общественных наук, которые работали в 1970-х годах в Национальном автономном Университете Мексики (Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM), в Университетском Колледже (El Colegio de México) и в Центре экономических и социальных исследований стран третьего мира, созданном Луисом Эчеверриа, которые доминировали тогда в интеллектуальном мире Мексики. И надо сказать, что в 1980-х годах участие моих хороших знакомых в публичных дебатах, в закрытых академических дискуссиях резко сократилось. Молодое поколение обществоведов, экономистов сдвинулось в сторону неолиберальных представлений. Это была в определенном смысле реакция на изменение интеллектуального, идейного климата в общественных науках в мировом масштабе.

Напомню, как долго неолиберальный подход оставался в рамках академической среды. Милтон Фридман, основатель школы монетаризма, много работал и получил Нобелевскую премию в основном за труды 1950–1960-х годов, но лишь в конце 1970-х неолиберальная трактовка современных экономических процессов перешла в экономическую политику, в экономическую практику.

Страны Латинской Америки были в числе пионеров, применивших этот подход, о чем свидетельствует 1975 год в Чили. Если говорить о наиболее развитых странах мира, то в 1979 году Маргарет Тэтчер довольно резко повернула корабль британской экономики в эту же сторону. Потом за нею последовали Соединенные Штаты при Рональде Рейгане, который был избран в 1981 году и правил до 1989-го. Не могу сказать, что «рейганомика» была квинтэссенцией неолиберализма. В Америке были свои ограничения и сдерживающие моменты. Американская политика была более консервативна, чем политика, которую осуществляла Тэтчер. Она была большим радикалом, на мой взгляд, чем Рейган. И в ЕЭС чаша весов существенно склонилась в ту сторону. На рубеже 1980-х – 1990-х годов неолиберальные принципы применялись и в нашей стране.

В конце 1980-х Мексика внесла очень значительный вклад в это движение. Ее интеллектуальный потенциал оказался своего рода перевертышем, в том смысле, что от социал-реформистских и социал-демократических, и иногда лево-радикальных воззрений, произошел резкий сдвиг – теперь уже к радикализму неолиберального толка. Сначала это чувствовалось только в академической среде, но затем распространилось и на позиции политических деятелей.

Мне довелось познакомиться с Карлосом Салинасом де Гортари¹. В 1988 году я приехал на международный форум, который созывался в связи с продвижением кандидатуры Салинаса де Гортари на пост президента. Это было предвыборное шоу международного масштаба. На мероприятие должен был ехать академик Абел Аганбегян, который в тот период являлся помощником президента Горбачева по экономическим вопросам. Но из-за XIX партконференции (XIX всесоюзной партийной конференции КПСС – ред.), на которой должны были решаться, как предполагалось, судьбоносные вопросы партии и страны, Аганбегян вынужден был остаться в Москве. Я же тогда находился в научной командировке в Мексике, и наш посол Ростислав Александрович Сергеев решил, что заменять Аганбегяна буду я, так как я был экономистом. И вот неожиданно из обычного академического стажера я превратился в довольно важную персону. Когда начался этот форум, Карлос Салинас де Гортари, выступавший в роли модератора, посадил меня по правую руку от себя, а слева от него оказался Мартин Стюарт Фелдстайн, который был в те годы руководителем Федеральной резервной системы Соединенных Штатов. Конечно, я не претендовал на роль носителя неолиберальных взглядов – это и не соответствовало моим убеждениям. Соответственно, свое выступление построил таким образом, чтобы попытаться проинформировать аудиторию об основных изменениях в социально-экономической сфере нашей страны, показать причины изменений и их возможные последствия. Советский Союз в конце 1980-х годов стал модным из-за горбачевской перестройки, был привлекательным примером перемен в мировом масштабе. Даже в Мексике перестройка Горбачева была модной. Неслучайно, когда Салинас де Гортари впоследствии пришел к власти, его экономическая практика в мексиканской публицистике была названа «салинастройкой».

На форуме, конечно, доминировали такие фигуры, как Мартин Фелдстайн и другой известный американский экономист-теоретик Рудигер Дорнбуш. Все это было очень интересно и полезно для понимания происходящего. И я убедился тогда, что молодое поколение мексиканских ученых сдвинулось в направлении неолиберальной моды.

1 Президент Мексики в 1988–1994 годах.

Тогда еще трудно было говорить о практической применимости соответствующих постулатов к Мексике. Это было сложное время глобального перехода. Готовилось то, что впоследствии вылилось в так называемый Вашингтонский консенсус. А 1980-е годы – время проб и ошибок, и хотя наступление неолиберальных взглядов чувствовалось, но говорить об их победе тогда еще не было оснований. Была некая переходная ситуация.

Окончательный сдвиг произошел где-то к концу 1980-х годов, и, наверное, правильно это связывают с Вашингтонским консенсусом. 1980-е годы – это период проб и ошибок, кризис госкапитализма, госкапиталистических рецептов, госкапиталистической практики. В 1980-е годы латиноамериканские страны, в том числе и Мексика, находились в очень тяжелом положении. Особое значение приобрел груз внешней задолженности. В 1985 году Фидель Кастро выступает с лозунгом «*La deuda externa es impagablee incobrable*»¹. Несколько латиноамериканских стран фактически входят в русло дефолта. Вспомним Перу Алана Гарсии. Думаю, и Мексика вызвала очень серьезные сомнения в международных финансовых кругах в силу того, что она не могла найти формулу адаптации к новым условиям развития.

С одной стороны, 1980-е годы – это время, которое Экономическая комиссия ООН называла потерянным десятилетием. С другой, в латиноамериканском экономическом словаре, и не только там, под этой рубрикой появился термин «ajuste», то есть отладки. Речь еще не шла о том, что были готовые, сформулированные рецепты неолиберальной политики. И в Аргентине, и в Чили при Пиночете пришлось отступить от прежнего радикализма, от масштабного перехода к неолиберальным рецептам. 1982-й стал годом страшного кризиса. Он фактически обернулся фиаско экономической модели, построенной по «вульгарным» неолиберальным рецептам в Чили. Пиночет, который был не бог весть каким специалистом в области экономики, решил «дать задний ход» и вернуться к рычагам государственного контроля ключевых отраслей экономики: меднорудной промышленности и банковской сфере. Это был серьезный откат от представлений неолиберализма, связанных с отрицанием роли государства и минимизацией его функций.

В Мексике в 1980-е годы тоже шли острые дебаты. Мексиканские ученые нового поколения, поддавшиеся неолиберальной моде, участвовали в собраниях, организованных Джоном Уильямсоном, который работал в Институте международной экономики в Вашингтоне и периодически собирал там светил экономической науки из Латинской Америки.

Еще одной ключевой фигурой того периода был Педро Пабло Кучински, впоследствии вышедший на авансцену Перу в качестве президента. В 1980-х годах у него была большая управленческая практика, он был признанным авторитетом в экономической науке праволиберального толка.

Только в 1989 году проявился результат этих дебатов и собраний праволиберальных «яйцеголовых», которые критически оценивали период «ajuste», экономической отладки, политики проб и ошибок, в том числе и на мексиканском материале. В англоязычной экономической науке есть термин adjustment – так что 1980-е годы были периодом «эджастмента» экономической политики во многих странах.

Только в конце 1980-х годов были более или менее сформулированы, синтезированы неолиберальные принципы. В 1989 году были составлены рекомендации Вашингтонского консенсуса, который впоследствии на левом фланге был избран в качестве своего рода «мальчика для битья» – во всех писаниях левых радикалов он фигурирует именно так. Разумеется, это все битвы с ветряными мельницами. Вокруг Вашингтонского консенсуса оказалось слишком много мифов. Ему приписывалось и то, чего

он в действительности не постулировал. Об этом нужно говорить всерьез, потому что в российской публицистике Вашингтонский консенсус зачастую подается очень искаженно. Могу судить об этом потому, что и сам участвовал в мероприятиях, проводимых Энрике Иглесиасом, занимавшим в то время пост президента Межамериканского банка. У меня сложились с ним хорошие отношения. Он пригласил меня на крупный форум, проходивший в 2003 году в Милане, где собрались «отцы» так называемого Вашингтонского консенсуса. Уже тогда прозвучала серьезная критика. После этого я написал свою работу «Эффект адаптационных реформ», изданную в 2004 году. То была работа на живых впечатлениях.

Но вернемся к Мексике, потому что именно она сегодня предмет нашей беседы. Вашингтонский консенсус в его версии конца 1980-х годов – это был все-таки «вульгарный неолиберализм». «Вульгарность» порождала много рисков для тех, кто взял на вооружение соответствующие концепции. В этом смысле Мексика оказалась показательным примером.

Неолиберальный поворот был омрачен двумя печальными событиями. Одно событие – когда Салинас де Гортари и его команда были разоблачены как люди, поощрявшие коррупцию и сами участвовавшие в ней. Салинас де Гортари, в итоге, был подвергнут судебному процессу. А ведь именно он персонифицировал неолиберальный поворот. Второе событие – 1994 год, ставший экзаменом для неолиберального курса в Мексике, экзаменом, который обернулся крахом, тяжелейшим кризисом, когда мексиканскую экономику пришлось спасать всем западным миром. Мексике тогда пришлось предоставить рекордный объем финансовых ресурсов в качестве помощи – более 40 млрд долл., по тем временам сумма колоссальная, беспрецедентная. Этот кризис впоследствии называли «Efecto Tequila». Позже в мировой общественной науке это клише закрепилось как несостоятельность неолиберальной политики, ее перебор. Кризис свидетельствовал о состоявшейся в Мексике утрате экономической безопасности. В системе контроля мексиканской финансовой системы были устранены так называемые красные лампочки, сигнализовавшие об опасных тенденциях. Демонтаж защитных механизмов привел к тому, что краткосрочный капитал, так называемые быстрые деньги, стал покидать Мексику в момент, когда ее экономика стала демонстрировать признаки заболевания. Если раньше инвестиционный процесс был связан с реализацией долгосрочных проектов, долгими обсуждениями, принятием решений, а капитал был связан с материальной средой, то есть деньги имели множество якорей, которые держались за дно национальной экономики, то сейчас все это оказалось демонтированным, и в момент началось бегство краткосрочного капитала. Король мексиканской экономики оказался голым. «Efecto Tequila» стал первым симптомом уязвимости радикальных неолиберальных практик.

Я думаю, что после 1994 года, после ликвидаций его последствий завершился период «вульгарного неолиберализма». Начали вводиться серьезные коррективы в неолиберальную практику. Те, кто тогда стоял у руля экономического курса, начали проводить поэтапную ревизию прежней политики. Мексика стала отходить от радикализма и «вульгарности», но в экономике оставалось немало уязвимых моментов, которые сказываются и по сей день.

ИТ: Что было не так с мексиканской экономикой в 1990–е годы? В чем заключались основные «дефекты» неолиберальной модели?

Давыдов: Это, прежде всего, защитные механизмы экономики. Мексиканская экономика была выставлена на волю ветров – тех ветров, которые несли кризисные импульсы в мировую экономику. При этом тогдашняя неолиберальная модель в латиноамериканских странах реализовывалась уже в усовершенствованном виде – то, что позже стало называться «поствашингтонским консенсусом». Но даже в таком виде этой модели не хватало механизмов стабилизации. Она более или менее функционировала в периоды стабильного развития. Но мировая экономика развивается циклически, и когда начинается нестабильность, механизмы открытости – механизмы ухода государства от ответственности, перевод на рельсы приватизации стратегических отраслей – начинают давать сбой.

Следует признать, что неолиберальная модель в ее поствашингтонской фазе свидетельствует о хороших экономических технологиях, антиинфляционной борьбе, рациональном построении налоговой системы и об определенном усилении финансовой дисциплины в государстве. Подтверждением этого может служить то обстоятельство, что с началом «левого поворота» в странах Латинской Америки, который мы наблюдали в первой декаде XXI века, правительства левой ориентации не отказывались от этих неолиберальных технологий. То есть для них они уже как бы не были неолиберальные, а просто исходящие из здравого смысла. То есть когда неолиберализм накопил определенную практику, он дал немало практических решений, которые соответствовали здравому смыслу. Потому огульная критика неолиберализма, на мой взгляд, не имеет оснований. Нужно подходить дифференцированно, вычленив как положительные уроки неолиберальной практики, так и отрицательные.

ИТ: Как спустя 30 лет относятся в Мексике к Карлосу Салинасу де Гортари?

Давыдов: Он ушел бесславно, прямо скажем. Сейчас острота восприятия поугасла: время, как говорится, лечит, но в мексиканской истории последних десятилетий он остается со знаком минус.

ИТ: Как вы думаете, почему в отличие от других стран Латинской Америки Мексика уже на протяжении более 30 лет следует неолиберальной парадигме, почему она не поддавалась соблазну, как Аргентина, Бразилия и другие страны, начать искать «третий путь»? Или, может быть, это произойдет при новом президенте?

Давыдов: Не склонен к огульной критике неолиберализма. В этой концепции есть технологические решения, которые соответствуют здравому смыслу. Мировая практика такова, что ни одна из ключевых моделей, которые сейчас действуют в социальной и экономической практике, не продемонстрировала абсолютно убедительных преимуществ. Поэтому, думаю, требуется и наиболее приемлемый путь некой конвергенции, попытка сочетать рыночные механизмы и централизованное государственное участие.

При этом я против традиционных споров правых и левых. Левые безапелляционно выступают за государство, правые за частный сектор – но и те, и другие зачастую забывают о конкретном. Государство может быть прогрессивным, хорошо организованным и модернизированным, а может быть архаичным; может быть заражено коррупцией, криминалитетом, может быть подчинено внешним силам, которые не склонны учитывать национальные интересы, и потому нет смысла ратовать за такое государство. И наоборот, част-

ный сектор может быть прогрессивным, предпринимательство может быть инициативным и социально ответственным. Это один случай. Но немало у нас ситуаций, когда частный сектор завязан на коррупцию, на криминал, на теневые деньги – тогда нет оснований его защищать и делать на него ставку. Поэтому нам нужна ревизия наших былых представлений и справа, и слева; нам нужно приближение к здравому смыслу – не только к экономической, но и социальной эффективности; нужно восстанавливать и культивировать критическую этику жизни и развития.

ИТ: В 1994 году Мексика вступила в НАФТА. Как это отразилось на развитии национального хозяйства? До сих пор не утихают споры между сторонниками и противниками данного соглашения.

Давыдов: Думаю, есть основания и у тех, и у других. Свидетельством является известная статья Хорхе Кастаньеда. Этот крупный политический деятель в прошлом занимал пост Министра иностранных дел (2000–2003). Первоначально он сделал карьеру в левом лагере, но потом отошел от него; и сегодня нельзя однозначно сказать, к какому флангу он принадлежит. Кастаньеда провел анализ десятилетних итогов НАФТА, выступил в 2004 году с большой статьей, которая была в то время очень цитируема, имела широкий резонанс. Кастаньеда пришел к выводу, что баланс участия Мексики в НАФТА нулевой, то есть плюсы и минусы взаимно погашаются. Думаю, он близок к объективной оценке того, что произошло. Мне кажется, что экономическая интеграция и взаимозависимость, конечно, больше в пользу Соединенных Штатов, а не Мексики.

В минувшем году имели место ревизия НАФТА и небезуспешная попытка Дональда Трампа пересмотреть этот тройственный договор в пользу Америки. Не думаю, что США получили в результате все пряники, нет. Другое дело, что завершение переговоров по пересмотру НАФТА пришлось на момент избирательной кампании Андреса Мануэля Лопеса Обрадора и его прихода к власти. Строго говоря, при формировании новых договорных основ этого интеграционного объединения Лопес Обрадор не имел возможности оказывать серьезного влияния и не стал этого делать ни в ходе электоральной полемики, ни после победы. Тот факт, что новая администрация Мексики де-факто согласилась с ревизией, свидетельствует о том, что правительство Лопеса Обрадора вынуждено быть прагматичным. Он понимает, что не может сильно раскачивать лодку мексиканской экономики. Будучи связанной с американской, она не сможет выдержать такого неконформизма. И Лопес Обрадор, будучи человеком, который критически относится к сформировавшимся связям с США, одновременно понимает, что Мексика не может себе позволить эту роскошь – рвать и ухудшать отношения с Соединенными Штатами, ухудшать условия допуска мексиканского капитала, мексиканских товаров и услуг на американский рынок. Это слишком большая роскошь. Здесь Лопес Обрадор, как и во многих других ситуациях, демонстрирует осторожность и здравый смысл.

ИТ: Как Вы думаете, смогли ли ТНК и прямые иностранные инвестиции поспособствовать модернизации мексиканской экономики?

Давыдов: Эффект модернизации налицо. Но он имеет место в определенном сегменте. Это не комплексная модернизация страны и движение широким фронтом. Неравномерность внутреннего развития и территориальная неравномерность существенно увеличились, усилился разрыв между территориями динамичного и передового развития и отстающими. Это вызов для Мексики, причем вызов социальный.

ИТ: В 2000–2012 годах президентами Мексики были представители Партии национального действия (Partido Acción Nacional, PAN). Какой вклад в социально-экономическое развитие Мексики внесли президенты Висенте Фокс и Фелипе Кальдерон? Были ли внесены какие-либо существенные изменения в модель? Как они запомнились в истории Мексики?

Давыдов: В какой-то мере да. Но я избрал бы уже упомянутый метод Хорхе Кастаньеда. Он не склонен говорить только за здоровье или только за упокой. Жизнь многогранна, и экономическая политика тоже. Неолиберальные рецепты совершенствовались в это время, но, несомненно, они имели свою темную сторону. Эту темную сторону и акцентируют сейчас во всем мире.

Но мы должны признать, что Мексика смогла совершить в последние десятилетия немало успешных реформ и преобразований. Она диверсифицировала экономику, смогла зацепиться за новые динамично развивающиеся рынки на мировой арене, в том числе рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. При всей сложности отношений с Китаем прошлой администрацией все-таки был найден некий модус вивенди с КНР, всестороннее стратегическое партнерство. Мексика согласилась с присутствием китайского капитала и товаров на своем рынке, но вместе с тем смогла добиться определенных гарантий по сбыту на китайском рынке не только нефти, но и промышленной продукции.

Это было сделано очень умело и профессионально. Другое дело, что Мексика в эти две легислатуры упустила Латинскую Америку. И в ее мозговых центрах, и в правительстве звучит критика по этому поводу.

ИТ: Каким образом проблема наркотрафика тормозит экономическое развитие страны?

Давыдов: Ключевая тема, с которой сталкивается администрация Лопеса Обрадора, – колоссальные, нарастающие масштабы преступности, завязанной на наркотрафике, а также масштабный бандитизм. Это боль всего мексиканского народа, всего мексиканского общества. Лопес Обрадор, конечно, понимает, что в условиях его страны «убить дракона», по известной пьесе Шварца, – это победить преступность. Причем преступность транснациональную. Это не только некое число мексиканских кланов. Это слаженный механизм преступных кланов Соединенных Штатов и Мексики. Они друг без друга не существуют, у них очень сложное разделение функций с использованием высокого менеджмента и цифровой экономики. Это передовой сектор и американской, и мексиканской подпольной экономики. И мы должны относиться к нему именно как к таковому, а не в соответствии с нашими представлениями о 1930–х годах и стиле Аль Капоне. Это совершенно иная реальность, и бороться с ней гораздо сложнее. Для Лопеса Обрадора сейчас это самый серьезный вызов.

ИТ: Не так давно Вы написали монографию «Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении)». Кто все же является лидером в Латинской Америке: Мексика или Бразилия? Каковы отличия между мексиканской и бразильской моделями?

Давыдов: Надо сказать, что между этими странами существуют ощутимые отличия, их экономики сильны каждая по-своему. В монографии, написанной в соавторстве с А.В. Бобровниковым, мы пришли к выводу, что Мексика более энергично продвигается вперед по пути модернизации, но на менее узком фронте. Развитие же и модерни-

зация Бразилии и ее экономики идет чуть-чуть медленнее, но более широким фронтом. Вот одно из существенных различий. Обе страны обречены играть значительную роль в мировом масштабе. Бразилия, в частности, решила действовать через БРИКС. Уверен, что Мексика еще найдет свой рецепт. Ведь это экономика 130 миллионов потребителей с серьезной промышленной базой.

Мексика экспортирует автомобили и автозапчасти в больших масштабах на американский рынок. Она также экспортирует электронику. Конечно, в значительной степени Мексика связана с вложениями американского капитала, но не только. Она уже сама вырастила, сформировала собственные капиталы, которые участвуют в самых современных отраслях промышленности.

В социальном отношении обе страны весьма уязвимы. Думаю, что криминальная ситуация – один из самых крупных раздражителей и дестабилизирующих факторов в мексиканских условиях. Если администрация Лопеса Обрадора не сможет хотя бы ограничить масштабы криминалитета, она рискует уйти с исторической сцены со знаком минус. Первые меры, которые администрация предпринимает на этом направлении, пока не принесли результатов. Речь идет о создании национальной гвардии и ее мобилизации на борьбу с криминалом. С управленческой точки зрения, очень много не слишком грамотных решений. Пока ситуация очень тревожная. Я хотел бы это подчеркнуть, потому что не замечать этого нельзя.

ИТ: И все-таки кто является лидером в Латинской Америке: Мексика или Бразилия?

Давыдов: Я думаю, что была Бразилия, но она потеряла лидерство. Бразилия потеряла моральный авторитет, а Мексика его приобретает, в частности, в том, что касается ее сбалансированной позиции, как в случае с реакцией на венесуэльский кризис. Она инициировала «трек Монтевидео», попытку компромиссного решения, не стала поддерживать довольно радикальную позицию «Группы Рио», которая выступила против администрации Николаса Мадуро. Мексика благоприятствует переговорному процессу, который происходит сейчас между оппозицией и администрацией Мадуро.

ИТ: Большое спасибо за Ваше время и внимание к читателям нашего журнала.

Mexico: 30 years of neoliberal paradigm

Interview with Vladimir Mikhailovich Davydov, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences (1995–2017). Being one of the leading specialists in Latin American studies in Russia, Dr. Davydov is the author of more than 350 research papers. His works made a huge contribution to the study of socio-economic and political processes taking place in Latin America, as well as to the development of Iberoamericanism in Russia.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>

Interview

The interview was conducted by:
A.A. Habarta.

For citation: Mexico: 30 years of neoliberal paradigm. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 28–35. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>.

Received: 29.05.2020

Accepted: 25.06.2020

Интервью • Entrevista

«"Левый поворот" в Мексике представляет собой новое явление»

Интервью с Анатолием Никитовичем Боровковым, доктором политических наук, ведущим научным сотрудником Института Латинской Америки РАН, главным редактором журнала «Iberoamérica». С 1969 г. по настоящее время А.Н. Боровков работает в Институте Латинской Америки РАН. Автор более 100 научных публикаций. С 1984 по 1994 гг. являлся представителем ИЛА РАН и региональным корреспондентом журнала «Латинская Америка» в Мексике и странах Центральной Америки. Анатолий Никитович – видный российский исследователь-мексиканист, в чью сферу научных интересов входит анализ политических партий, избирательного законодательства и избирательных процессов в Мексике, социально-экономического положения данной страны, ее отношений с США.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-36-45>

Интервью

Беседу вел: А.А. Габарта.

Для цитирования: «"Левый поворот" в Мексике представляет собой новое явление». *Ибероамериканские тетради*. 2020, 8(1): 36–45. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-36-45>.

Материал поступил в редакцию: 25.05.2020

Принят к публикации: 22.06.2020

ИТ: За последние 30 лет президентами Мексики были представители трех главных политических партий: Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI), Партии национального действия (Partido Acción Nacional, PAN) и Движения национального возрождения (Movimiento Regeneración Nacional, MORENA). В чем особенности их политического курса по отношению к США и странам Латинской Америки?

Боровков: За всю современную историю Мексики, после победы революции 1917 г. у власти более 70 лет, вплоть до 2000 г., находилась, как и в Советском Союзе, одна единственная партия социал-демократического толка – Институционно-революционная партия. И только в 2000 г. она была вынуждена уступить власть правой христианско-демократической Партии национального действия, что стало следствием широчайшего недовольства граждан результатами неолиберальных реформ, проводимых PRI с начала 1980-х гг.

Партия «Движение национального возрождения» находится у власти всего 16 месяцев, с декабря 2018 г. И только теперь ее можно рассматривать как одну из главных политических сил. Это молодая партия, образовавшаяся в 2014 г. в результате выхода Андреса Мануэля Лопеса Обрадора и его сторонников из левоцентристской Партии демократической революции (PRD). MORENA официально провозгласила себя левой партией.

В отношении внешней политики, в широком смысле этого слова, можно говорить не о различиях, а о том, что объединяет эти три партии. Будучи жертвой аннексии Техаса в середине XIX в. и последовавшего затем захвата половины территории

Соединенными Штатами Америки, Мексика традиционно придерживалась принципа невмешательства, уважения территориальной целостности, мирного решения спорных вопросов и строгого соблюдения правил межгосударственных отношений, принятых ООН. Строго следуя этим принципам как в двухсторонних отношениях, так и на международной арене, мексиканские президенты в то же время стремились избегать прямой конфронтации с США. Это – то общее, что объединяет все предыдущие и нынешнее правительства Мексики.

Различия, и иногда весьма существенные, имеют место во внешнеэкономической политике. Как известно, начиная со второй половины 1930-х гг., Мексика последовательно проводила политику национализации стратегических отраслей экономики, укрепления государственного сектора, усиления государственного вмешательства, протекционизма национальных производителей и импортозамещения, что не устраивало США, которые пытались навязать принципы открытого рынка. Это им удалось сделать, навязав в 1980-е гг. неолиберальные реформы в условиях долгового кризиса Мексики. С тех пор как центристская PRI, так и правая PAN последовательно проводили эти реформы. Разница заключалась в том, что PRI их начинала, а PAN продолжала. Представители этих партий не только поддерживали экономическую экспансию США, но иногда являлись ее проводниками в Латинской Америке в попытках создания Американской зоны свободной торговли. Именно во второй половине 1990-х гг. Мексика перестала играть роль буфера между США и Латинской Америкой и проявила завидную активность по вовлечению латиноамериканских и особенно центральноамериканских государств в зону свободной торговли. В период двух последних администраций наблюдался отход Мексики и от традиционных внешнеполитических принципов, что проявилось в солидарности с США и государствами-членами Группы Лимы в осуждении политики президента Венесуэлы Николаса Мадуро.

MORENA же коренным образом отличается от этих двух традиционных партий. Прежде всего, в вопросе о Венесуэле, о чем следует говорить отдельно.

Как в программных документах, в предвыборной кампании, так и после прихода к власти партия и ее основатель Лопес Обрадор выступали и выступают с осуждением неолиберальных реформ и их последствий. Приоритетным для него является решение многочисленных накопившихся внутренних проблем, связанных с оргпреступностью, коррупцией, экономическим развитием и социальными вопросами. Потому за короткий период пребывания у власти Лопес Обрадор не выступал с серьезными внешнеполитическими инициативами, а лишь реагировал на возникающие внешние вызовы. Можно сказать, что Мексика вернула себе роль буфера между США и остальными странами Латинской Америки. При этом просматривается стремление избегать обострения отношений с США. Решительная предвыборная риторика сменилась общими заявлениями о приверженности основополагающим принципам внешней политики, которым всегда следовала Мексика. Вместе с тем была обозначена твердая позиция по Венесуэле и по миграционному вопросу. Представители Мексики также активно участвуют в работе международных организаций. Во второй половине апреля Мексика внесла в ООН проект резолюции, призывающей все страны обеспечить гарантированный доступ всех слоев населения, и в частности малообеспеченных, к оборудованию и медикаментам для борьбы с коронавирусом, предусмотрев меры противодействия разного рода злоупотреблениям и спекуляции. Резолюцию на этот момент поддержали почти все государства-члены ООН.

ИТ: Будет ли Мексика возрождать «доктрину Эстрады»?

Боровков: Безусловно. Можно сказать, что это уже произошло при Лопесе Обрадоре, который напомнил о ней, формулируя отношение к левым режимам в Латинской Америке. Доктрина Министра иностранных дел Хенаро Эстрады, выдвинутая им в 1930 г. и взятая на вооружение мексиканскими властями, отрицает право любого государства вмешиваться в дела других стран, определять легитимность или нелегитимность того или иного правительства и, соответственно, заявлять о его признании или непризнании, ибо на это имеет право только народ соответствующей страны.

Строгое следование этой доктрине проявилось по отношению к правительству Венесуэлы. Лопес Обрадор не только пригласил Николаса Мадуро на свою инаугурацию, несмотря на возражения оппозиции и США, но и выступил вопреки США и странам Лимской группы против признания Хуана Гуайдо временным президентом Венесуэлы. Придерживаясь доктрины Эстрады, Лопес Обрадор также не последовал за США и Группой Лимы и не выступил с осуждением режимов в Венесуэле, Никарагуа, Эквадоре и Боливии в период антиправительственных выступлений в этих странах, предложив посредничество Мексики между правительственными и оппозиционными силами.

ИТ: Как Вы могли бы охарактеризовать мексикано-американские отношения в XXI в., какие изменения произошли по сравнению с минувшим столетием?

Боровков: За прошедшие 120 лет произошла масса событий, изменивших мир. Эти события в той или иной мере отражались на отношениях двух соседних стран. Практически весь этот обширный период можно квалифицировать как период неравноправных двусторонних отношений, отмеченных экономическими, социальными, политическими, международными, пограничными и миграционными проблемами. При всех правительствах Мексика стремилась добиться большего равноправия с США, более сбалансированных экономических отношений, долгое время защищая завоевания Мексиканской революции. США, в свою очередь, стремились повернуть вспять революционные и постреволюционные преобразования, дискредитировать идеологию перманентной революции, принимавшей иногда ярко выраженный националистический характер. Важно отметить, что если в экономическом плане в конце прошлого – начале нынешнего столетия США удалось практически полностью достичь своих целей, то во внешнеполитических вопросах Мексика ревниво отстаивает свои принципы, видя в них главный и, пожалуй, единственный инструмент сохранения независимости от США.

Приход к власти Лопеса Обрадора многие связывали с предстоящим обострением отношений с США. Это объяснялось резкой критикой с его стороны в ходе предвыборной кампании миграционной политики Д. Трампа и его намерений пересмотреть договор о свободной торговле НАФТА. Эти прогнозы основывались и на том, что администрация Д. Трампа, озабоченная ростом рейтинга Лопеса Обрадора, выражала свое отрицательное отношение к приходу к власти левого президента в соседней стране. Американские СМИ распространяли слухи о прямом вмешательстве Кремля и лично В.В. Путина в мексиканские выборы. Чтобы предупредить об этом тогдашнего президента Энрике Пенья Ньето, в Мехико специально прилетал госсекретарь Рекс Тиллерсон. Тем не менее, практика показала, что такие прогнозы не оправдались. С приходом к власти Лопес Обрадор заявил о верности традиционным внеш-

неполитическим принципам, отказавшись при этом от острой предвыборной риторики в пользу более компромиссной. Впрочем, и США совершенно не заинтересованы в обострении отношений с соседней страной и предпочитают в последнее время добиваться своих целей с помощью «мягкой силы».

ИТ: Справедливо ли интерпретировать победу на президентских выборах Лопеса Обрадора как «левый поворот» в Мексике?

Боровков: Безусловно. Во-первых, это официально заявлено в программных документах MORENA. Во-вторых, о том, что его партия – левая, постоянно говорит сам Лопес Обрадор. В-третьих, все его практические шаги в качестве президента направлены на укрепление государственного сектора экономики, на решение социальных проблем, создание условий для широкого доступа малообеспеченных слоев населения к системам образования, здравоохранения, жилищного строительства.

ИТ: Как можно объяснить его успех на выборах?

Боровков: Успех на президентских выборах в середине 2018 г. Лопеса Обрадора и, что немаловажно, успех его партии MORENA, завоевавшей абсолютное большинство в Национальном конгрессе, можно смело назвать очередным «крутым поворотом» в истории Мексики. Проголосовав за левых как за альтернативу, подавляющее большинство мексиканцев выразило недовольство неолиберальными реформами и недоверие двум традиционным политическим партиям, которые попеременно эти реформы проводили. Победа Лопеса Обрадора и его партии ознаменовала выход на политическую арену совершенно новой силы, которая регистрацию получила – то всего за четыре года до выборов. Мексика в этом смысле не явилась исключением наметившейся в ряде стран тенденции к потере влияния традиционных партий, роста недовольства ими со стороны избирателей и восхождения на передовые позиции молодых партий, предлагающих новые решения. Впрочем, если MORENA – молодая партия, то Лопес Обрадор – опытный, на момент выборов 64-летний политик, начавший свою карьеру в рядах PRI, затем вышедший из нее и участвовавший в создании левоцентристской PRD, три года возглавлявший эту партию, дважды баллотировавшийся от нее в президенты и оба раза уступивший правительственным кандидатам с небольшим отрывом. Лопес Обрадор завоевал огромный авторитет на посту мэра мексиканской столицы с 2000 по 2005 гг. Созданная им партия MORENA своим успехом целиком и полностью обязана его авторитету. И вряд ли будет преувеличением на данном этапе называть ее партией одного человека, как, например, в случае с российской ЛДПР.

В дополнение к портрету Лопеса Обрадора следует отметить, что всем своим поведением он демонстрирует скромность и порядочность. Выгляда таким «добрым дедушкой», он выгодно отличался от лощеных кандидатов PRI и PAN, внушая доверие простым избирателям. Но не следует забывать, что его бывшая партия PRD, которая с конца 1980-х гг. рассматривалась как альтернатива PRI и PAN, настолько погрязла во внутренних конфликтах, что даже не смогла выдвинуть своего кандидата и пошла на союз с правой PAN, потеряв тем самым доверие многих членов партии.

ИТ: Во многих странах, как европейских, так и латиноамериканских, на выборах в последние годы побеждают популисты левого или правого толка. Относится ли это к Мексике?

Боровков: Два слова о самом термине «популизм». Словари определяют его как политику, апеллирующую к широким народным массам и обещающую им скорое

и легкое решение социальных проблем. Но апелляции к широким массам и обещания решить социальные проблемы – это неотъемлемый атрибут предвыборной кампании любого политика. Разница состоит в обещаниях быстрых результатов с помощью простых решений. Если же политик заявляет о своем намерении, в первую очередь, решать острые социальные проблемы посредством подъема экономики, борьбы с коррупцией, национализации приобретенных незаконным путем предприятий, при этом не обещая быстрых результатов, а нацеливая граждан на широкое участие, предлагая конкретные планы действия и затем последовательно претворяя их в жизнь, то логичнее именовать это политикой в интересах широких слоев населения.

Обвинения Лопеса Обрадора в популизме основываются на его необычном поведении как президента и необычной манере управлять страной. Он отказался от президентской резиденции в парке Чапультепек, сделав ее общедоступным местом отдыха, упразднил президентскую структуру охраны, передав ее функции в ведение Министерства обороны, существенно сократил расходы на содержание госаппарата. Президент наполовину урезал зарплату себе, министрам и их заместителям, проведя через Конгресс закон о том, что ни один госслужащий, включая руководителей госкорпораций, не имеет права получать зарплату выше зарплаты президента (примерно 5000 долл. США). Снял с них все дополнительные надбавки и привилегии. Сократил число закрепленных за госчиновниками автомобилей. Сам, начиная с избирательной кампании, продолжает ездить на скромном «Volkswagen Jetta». Лопес Обрадор объявил о продаже президентского самолета и самолетов и вертолетов, находившихся в ведении министерств, кроме Минздрава и Минобороны. Президент летает коммерческими авиалиниями. По предварительным расчетам, только продажа самолетов и вертолетов должна дать казне около 5 млрд долл. экономии, которые будут направлены на социальные нужды.

Разумеется, такой политический стиль дает поводы для обвинений в популизме. Противники называют популизмом и то, что Лопес Обрадор ежедневно с 7.00 до 9.00 проводит пресс-конференции, объясняя правительственные шаги и отвечая на вопросы мексиканских и зарубежных журналистов. А субботы и воскресные дни посвящает поездкам по стране, встречам с местными властями и населением. Все перечисленное при желании тоже можно назвать популизмом, а можно – искренним поиском решения социальных проблем. Если, разумеется, при этом не игнорируются законы экономики, что весьма немаловажно, учитывая опыт ряда левых правительств Латинской Америки.

Впрочем, первые шаги президента Лопеса Обрадора дают основания предполагать, что он старается не конфликтовать с частным капиталом, а привлекать его к решению насущных проблем. Далеко не вся мексиканская буржуазия компрадорская. Наоборот, большая ее часть, хотя и зависима от США, пропитана националистическими настроениями и желает быть хозяйкой в своем доме.

ИТ: Какое видение внешней политики у нового президента?

Боровков: Он твердо намерен следовать традиционной самостоятельной внешней политике Мексики, развивать отношения со всеми странами, не вмешиваться в их внутренние дела и избегать обострения отношений с США. Внешняя политика на данном этапе не является приоритетом. За время пребывания на посту президента Лопес Обрадор не совершил ни одной поездки за рубеж и в целях экономии средств ответил отказом на 80 запросов госчиновников из 100 на подобные поездки. Широко известен

его ответ на вопрос по поводу внешней политики: «Самая лучшая внешняя политика – это внутренняя». С этим нельзя не согласиться, ибо только крепкий тыл способен обеспечить стране престиж, с которым другие страны, в том числе и США, будут считаться.

ИТ: Как Вы оцениваете уровень американо-мексиканских отношений при Д. Трампе?

Боровков: Д. Трамп был противником прихода к власти Лопеса Обрадора. Впервые за всю историю в «подбрюшье» США появляется левый режим, против которых они всегда боролись в Латинской Америке. Не мог президент США испытывать и личной симпатии к Лопесу Обрадору, поскольку тот накануне своей предвыборной кампании выступил с лекциями в ряде американских университетов с критикой миграционной политики Д. Трампа и выпустил на эту тему книгу «Послушай меня, Трамп!» (исп. «Oyo, Trump» – ред.). Миграционная тема была одной из ключевых в ходе его предвыборной кампании.

Тем не менее, придя к власти, Лопес Обрадор смягчил риторику, при этом последовательно отстаивая национальные интересы. С другой стороны, Д. Трамп вынужден был считаться с результатами выборов в Мексике, демократичность и легитимность которых была очевидна. Лопес Обрадор получил по всей стране 53% голосов, выйдя абсолютным победителем в 31 из 32 штатов, а его партия MORENA вместе с присоединившимися к ней двумя другими партиями завоевала в Палате депутатов 316 мест из 500 и более половины в Сенате. Подобное соотношение позволяет Лопесу Обрадору без существенных проблем проводить через Конгресс любые законы.

Как уже указывалось выше, не только Мексика, но и США стараются избегать резкого обострения с соседней страной. Самый наглядный пример – диаметрально противоположные позиции в отношении строительства пограничной стены. Мексика, как при Лопесе Обрадоре, так и при его предшественнике Э. Пенья Ньето, твердо заявила о своем отказе участвовать в ее финансировании. И, как видим, никаких агрессивных действий и даже санкций не последовало. Так же и Д. Трамп отказался от выдвинутой Лопесом Обрадором идеи вложить за счет взносов всех заинтересованных стран 30 млрд долл. в экономическое развитие Центральной Америки и тем самым способствовать решению миграционного кризиса. Этот отказ также не вызвал антиамериканских выпадов со стороны администрации Лопеса Обрадора. Между Лопесом Обрадором и Д. Трампом было найдено компромиссное решение проблемы сокращения добычи нефти. По решению ОПЕК, Мексике предписывалось сократить добычу на 23%, то есть на 400 тыс. баррелей в сутки. Затем эту квоту сократили до 350 тыс. баррелей. Для Мексики это означало крах нефтедобывающей отрасли (при 1 млн 700 тыс. баррелей ежедневной добычи). В условиях пандемии стоимость мексиканской тяжелой нефти упала с 40 до 11 долл. Именно этим и объяснялся отказ Мексики. Чтобы выйти из положения, в результате телефонного разговора Д. Трамп согласился сократить американскую квоту дополнительно на 250 тыс. баррелей, оставив за Мексикой лишь 100 тыс. Этот жест был высоко оценен мексиканским президентом.

ИТ: Каково отношение мексиканских властей к инициативам Д. Трампа, направленным на возведение стены на границе, на ужесточение миграционного законодательства, выход США из Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership), а также на пересмотр соглашения о НАФТА?

Боровков: Что касается миграционной политики Д. Трампа, то, как уже говорилось, Лопес Обрадор выступал против, начиная с предвыборной кампании. Следует

иметь в виду, что США по данному вопросу, как и по многим другим, всегда руководствовались не твердыми принципами, а конъюнктурными интересами. Когда было выгодно, они закрывали глаза на незаконную миграцию, когда становилось невыгодным, поднимали истерику против нее, обвиняя прежде всего Мексику в том, что она не способна контролировать границу. В последние годы незаконная миграция приобрела особый размах из-за событий в ряде центральноамериканских и южноамериканских стран, что вылилось в целые караваны мигрантов, пересекающих Мексику в сторону США. Это вызывает озабоченность американских властей. Д. Трамп использовал эту проблему как часть своей предвыборной кампании. При этом Лопес Обрадор решительно отказался от участия в финансировании строительства стены, а также от того, чтобы Мексика создавала в приграничной зоне специальные лагеря для мигрантов на период, пока американские власти будут рассматривать их заявления с просьбой на въезд. Надо отметить, что со стороны Госдепартамента США пока не последовало резких антимексиканских выпадов.

В отношении выхода США из Транстихоокеанского партнерства как предыдущее правительство Э. Пеня Ньето, так и правительство Лопеса Обрадора, приступившее к своим обязанностям в декабре 2018 г., не давали оценки этому решению. Правительство Лопеса Обрадора лишь заявило, что оно сохраняет свое участие и выражает заинтересованность в данном партнерстве наряду с другими (оставшимися) одиннадцатью странами, видит в нем дополнительную возможность развития торгового, инвестиционного и инновационного сотрудничества, рассматривая Мексику как третью с точки зрения экспорта страну после Японии и Канады.

Что же касается пересмотра договора НАФТА, то здесь ситуация сложнее. По новому договору Мексика лишалась дополнительных иностранных инвестиций в строительство новых сборочных предприятий и, соответственно, новых рабочих мест. Она также лишалась возможности заключать торговые и финансовые сделки со странами, которые США сочтут недемократическими. Лопес Обрадор выступал против проекта нового договора как в ходе предвыборной кампании, так и после победы на выборах. Но здесь был совершен хитрый маневр. Победивший на выборах в июле Лопес Обрадор, по Конституции вступал в должность лишь 1 декабря того же 2018 г. А новый договор НАФТА Д. Трамп подписал с уходящим президентом Э. Пеня Ньето 30 ноября в Аргентине на полях проходившего там саммита G-20, то есть за день до вступления в должность нового президента. Лопесу Обрадору ничего не оставалось, как примириться с условиями пересмотренного договора, чтобы с первого дня после инаугурации не обострять отношения с США и Канадой. Поэтому он просто предпочел воздержаться от комментариев.

ИТ: Мексиканская община в США, каково ее влияние на мексикано-американские отношения? Смогут ли США обойтись без мексиканских трудовых мигрантов?

Боровков: Мексиканская диаспора в США составляет около 40 млн человек. Это официальные мигранты, имеющие право голоса, и с ними приходится считаться. Заметим, что перед выборами на второй срок Д. Трамп не педалирует, как прежде, антимиграционную тематику. Но надо признать, что он никогда и не выступал против законной миграции. Речь шла о нелегалах, незаконно пересекающих границу. Потому он и затеял строительство стены. Но законные мигранты так или иначе психологически на стороне нелегалов и проголосуют против президента, ущемляющего права мигрантов. Поэтому с ними приходится считаться, особенно перед выборами.

Смогут ли США обойтись сегодня без мексиканских трудовых мигрантов? Трудовые мигранты делятся на легальных и нелегальных. Легальные, в свою очередь, также делятся на тех, кто уже стал гражданином США, и тех, кто получил временное разрешение на работу. Так же, как и в России, есть мигранты, проживающие пусть временно, но на законных правах, и мигранты-нелегалы. Как те, так и другие представляют собой дешевую рабочую силу, выгодную как частному бизнесу или собственникам домов, нанимающих прислугу, так и государственным организациям, нуждающимся в гастарбайтерах для строительства крупных объектов. Можно ли без них обойтись? Конечно, можно, но с ними можно экономить значительные суммы. Так же и в США, где далеко не все частные предприниматели и местные власти поддерживают антимиграционные инициативы Д. Трампа, не желая лишиться дешевой рабочей силы. Надо полагать, что строительство стены само по себе проблему не решит, и вопрос миграции еще долгие годы будет находиться в зависимости от экономической и политической конъюнктуры американских властей.

ИТ: Какое влияние проблемы наркотрафика оказывают на двусторонние отношения?

Боровков: Это острая проблема, существующая много лет, но обострившаяся с конца прошлого столетия. Она, безусловно, оказывает отрицательное влияние на двусторонние отношения, поскольку никак не решается, а лишь обостряется, усиливая тем самым взаимные обвинения. США обвиняют Мексику в том, что она является не только производителем, но, в первую очередь, транзитной территорией для наркотрафика из Колумбии и Центральной Америки. Мексика же защищает и обвиняет США в том, что они не контролируют, при их-то возможностях, свою границу и не ведут эффективной борьбы против своих наркодилеров, придерживаясь тезиса «не было бы спроса, не было бы предложения».

Вместе с тем с обеих сторон уже давно предпринимаются довольно серьезные усилия, хотя зримых результатов они все-таки пока не имеют. Поэтому Лопес Обрадор обозначил решение данной проблемы в качестве одной из приоритетных. Он пытается решать ее в комплексе с социальными вопросами, проблемами коррупции и оргпреступности. Одним из первых шагов в этом направлении было воссоздание упраздненного предыдущей администрацией Министерства общественной безопасности, которое должно координировать и направлять действия созданной по инициативе Лопеса Обрадора новой структуры – Национальной гвардии. В последнюю входят гражданские лица, полиция, сухопутные и военно-морские подразделения. Она призвана обеспечить безопасность в каждом из 32 штатов, подчиняясь местным властям, но действуя под руководством профессионалов и во взаимодействии с местными силами безопасности.

Пока еще рано говорить о результатах. Проблема наркотрафика – старая болевая точка во взаимоотношениях с США, так же как и миграционная проблема. Ее решения вряд ли можно ожидать в обозримой перспективе. Меры, предпринимаемые новым мексиканским президентом в этом направлении, встречают положительную оценку администрации Д. Трампа.

ИТ: Как Вы охарактеризовали бы современное состояние российско-мексиканских отношений?

Боровков: В этом году российско-мексиканским отношениям исполняется 130 лет. Весь этот длительный период отношения были хорошими, развивающимися в

духе взаимоуважения. Российская и мексиканская революции совпали по времени, что предопределило взаимные симпатии. Мексика первой из латиноамериканских государств признала СССР, установила с ним в 1924 г. дипломатические отношения.

Если говорить о современном состоянии отношений, их следует оценить положительно. В.В. Путин дважды, в 2004 и 2012 гг., наносил визиты в Мексику, три предыдущих мексиканских президента также посещали с официальными визитами Россию. Приход к власти Лопеса Обрадора вселяет надежды на активизацию отношений. В.В. Путин одним из первых поздравил Лопеса Обрадора с победой на выборах и пригласил с официальным визитом в Россию. Лопес Обрадор официально заявил, что принимает приглашение, не ответив в то же время согласием на подобное приглашение Д. Трампа. Мексиканский и российский президенты выразили намерение укреплять отношения между странами. Что касается политических отношений, здесь имеет место совпадение позиций как в двусторонних связях, так и по основным мировым проблемам. Можно рассчитывать на более благожелательную для России позицию Мексики при голосовании в ООН и других международных организациях.

Хуже дела обстоят в торгово-экономической области. Интенсивность взаимодействия здесь значительно ниже существующих возможностей. Определяющую роль играет геоэкономический фактор. Россия для Мексики – лишь одна из далеких стран для диверсификации торгово-экономических связей. Такие связи не являются для нее жизненной необходимостью, она имеет «под боком» емкий и богатый рынок США, товарооборот с которым составил в 2018 г. 574 млрд долл. Объем торговли с Россией в том же 2018 г. составил почти 3 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2017 г. на 19%. А в 2019 г., после заключения нового договора НАФТА, он сократился на 12%, составив 2,6 млрд долл. И тем не менее Мексика остается вторым после Бразилии (5 млрд долл.) латиноамериканским торговым партнером России.

ИТ: Справедливо ли утверждение, что в России уделяется большее внимание Бразилии в ущерб Мексике?

Боровков: Здесь следует сначала определить, что подразумевается под Россией. Если речь идет об официальных властях, это одно, если о СМИ – другое. Если задать такой вопрос сотрудникам Латиноамериканского департамента МИД, то, скорее всего, будет получен отрицательный ответ, ибо вся их работа направлена на улучшение и развитие отношений с любой из стран региона. То же самое можно сказать и о внешнеэкономических ведомствах. Но чем больше страна, чем значительнее объем торговли с ней, тем больше требуется работы с этой страной. Но это не означает, что в результате наносится ущерб отношениям с другой страной.

Совсем другое дело наши СМИ. Они освещают наиболее «горячие» новости. Возьмите, например, Венесуэлу. А ведь с ней товарооборот составляет всего 85 млн долл., из которых на российский экспорт приходится 84 млн. Бразилия же является членом БРИКС, и недавний поворот этой страны вправо ставит под вопрос успех развития этой организации и, естественно, привлекает внимание СМИ.

В части освещения отношений с Мексикой нашим СМИ действительно можно предъявить претензии. Они практически не заметили того, что произошло в Мексике. Ведь впервые за всю историю этой страны, находящейся «под боком» у США, к власти в ней пришли силы, открыто провозгласившие левый курс. Победа Лопеса Обрадора и его партии означала «закат» традиционных PRI и PAN, коренным образом изменила

не только политический пейзаж, но и политические настроения мексиканского народа. Нынешний «левый поворот» в Мексике представляет собой новое явление в левом движении, существенно отличаясь от «левых поворотов» в других странах Латинской Америки. В данном случае мы имеем дело с умеренным левоцентризмом в отсутствие радикализма как во внутренней, так и во внешней политике. Наконец, важно и то, что приход к власти левых в Мексике выходит далеко за рамки этой страны. Это объективно предполагает моральную поддержку народов других стран региона при выборе ими «левого проекта». Пример Мексики, в случае успеха в экономике и социальной сфере, при сохранении консенсуса с политическими силами и предпринимательскими кругами, а также при сохранении хотя бы нейтрального отношения США, могут попытаться повторить и другие страны. Вот тогда наша пресса, видимо, заговорит о Мексике в полную силу.

ИТ: Большое спасибо за Ваше время и внимание к читателям нашего журнала.

“‘The Left Turn’ in Mexico is a new phenomenon”

Interview with Anatoliy Nikitovich Borovkov, Doctor of Political Science, Leading Researcher of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the *Iberoamérica* journal. From 1969 to the present date, Dr. Borovkov works at the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. He is the author of more than 100 research publications. From 1984 to 1994, he was a representative of the Institute of Latin America and a regional correspondent for the *Latin America* magazine in Mexico and Central America. Dr. Borovkov is a prominent Russian researcher specializing on Mexico; his research interests include analysis of political parties, electoral legislation processes in Mexico, the socio-economic situation in this country and its relations with the United States.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-36-45>

Interview

The interview was conducted by:
A.A. Habarta.

For citation: “‘The Left Turn’ in Mexico is a new phenomenon.” *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 36-45. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-36-45>.

Received: 25.05.2020

Accepted: 22.06.2020

75 лет Великой Победы • 75 años de la Gran Victoria

A 75 años de la finalización de la segunda conflagración mundial: consideraciones sobre la participación de México como beligerante

Marcos P. Moloeznik

→ Resumen

El artículo intenta dar cuenta del papel que desempeñó México durante la Segunda Guerra Mundial (1939–1945). Las fuerzas armadas mexicanas, en particular el escuadrón aéreo 201, participaron directamente en las hostilidades al final de dicho conflicto armado y de manera simbólica. Sin embargo, es necesario destacar la contribución del ejército de trabajadores “braseros” mexicanos, así como la de miles de mexicanos que dieron su vida portando el uniforme de las fuerzas armadas de los Estados Unidos. En esta revisión de la literatura y de las principales fuentes históricas, el autor presenta a los heroicos combatientes mexicanos de la Segunda Guerra Mundial y sitúa la participación armada de México en el contexto general del desarrollo nacional de ese país limítrofe de la Unión Americana. Para México, la participación en la Segunda Guerra Mundial fue un acontecimiento importante en el marco del “milagro económico” mexicano, la modernización del complejo armado, así como la participación en la construcción de un nuevo orden mundial (México fue uno de los miembros fundadores de las Naciones Unidas, al participar activamente en la Conferencia de San Francisco).

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-46-60>

Artículo de revisión

Marcos Pablo Moloeznik,
Doctor en Derecho, Profesor-
Investigador Titular, Universidad
de Guadalajara (México)

E-mail: mmoloeznik@yahoo.es

Para citar: Moloeznik, Marcos Pablo. “A 75 años de la finalización de la segunda conflagración mundial: consideraciones sobre la participación de México como beligerante” [75 years after the end of World War II: considerations on Mexico’s participation as a belligerent]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 46–60. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-46-60>. [In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 10.06.2020

Aceptado para publicación: 11.07.2020

→ Palabras clave

Fuerzas Armadas, México, beligerante, Segunda Guerra Mundial, 75 Aniversario

*"Manden más de estos muchachos mexicanos;
son muy buenos para pelear en la jungle."
General del US Army Douglas MacArthur*

A manera de introducción

La segunda conflagración mundial (1939-1945) se considera una *guerra total*, puesto que la tasa de defunción de la población civil o no combatientes (estimada en 65%) supera a la de los combatientes propiamente dichos (35%); lo que se explica por los siguientes dos fenómenos: el desarrollo del poder aéreo, por un lado, y el genocidio y otros crímenes contra la humanidad (*lesa humanidad*), por otro.

Efectivamente, si la fuerza aérea pone fin a los santuarios, particularmente de la mano del bombardeo estratégico contra objetivos civiles, sin valor militar, tanto los nazis como los japoneses fueron responsables de aniquilar, extirpar, liquidar, limpiar; o, más concretamente, exterminar sistemáticamente a grupos nacionales, raciales, religiosos o étnicos.¹

El antecedente se encuentra en la guerra civil española (1936-1939), en la que se ensayaron estrategias operacionales, tácticas y sistemas de armas o medios que, posteriormente, se utilizarían masivamente durante la segunda guerra mundial. Así, por ejemplo, la Legión Cóndor – componente de la flamante fuerza aérea germana (*Luftwaffe*) – redujo a escombros el municipio vasco de Gernika con el objeto de generar terror entre la población civil, crimen de guerra inmortalizado en una obra de Pablo Picasso que se puede admirar en el museo Reina Sofía de Madrid.

En tanto que el genocidio tiene sus raíces en Alemania bajo la conducción de Adolf Hitler, siendo el campo de concentración de Auschwitz el más letal del *Tercer Reich*, tal como lo pone de relieve el historiador británico Laurence Rees:²

Auschwitz se convirtió en el escenario del mayor exterminio que ha conocido la historia humana [...] entre la primavera y el comienzo del verano de 1944, Auschwitz llegó hasta el límite de su capacidad de exterminio y lo superó en el más horrible y frenético período de asesinatos que conocería el campo [...].

Es la palabra holocausto la universalmente adoptada para hacer referencia al plan nazi de aniquilación física de todos los judíos de Europa que deja, al fin de la segunda guerra mundial, el saldo aproximado de unos seis millones de hebreos asesinados.³

El 27 de enero de 1945, el ejército rojo libera Auschwitz y, por ende, pone fin a esa maquinaria de la muerte; a la sazón, como uno de los hitos del frente oriental, denominado

1 El 11 de diciembre de 1946, la Asamblea General de la ONU, en virtud de la Resolución 96 (I), declara que el genocidio es un delito de derecho internacional contrario al espíritu y a los fines de las Naciones Unidas y que el mundo civilizado condena. Por lo que el 9 de diciembre de 1948 por Resolución 260 (III), el mismo órgano principal de la ONU adopta y abre a la firma y ratificación, o adhesión, la Convención para la Prevención y la Sanción del Delito de Genocidio; la que entra en vigor el 12 de enero de 1951.

"Convención para la Prevención y la Sanción del Delito de Genocidio," Comité Internacional de la Cruz Roja, accessed June 8, 2020, <https://www.icrc.org/es/doc/resources/documents/misc/treaty-1948-conv-genocide-5tdm6h.htm>.

2 Rees 2008, 307.

3 Incluso, mediante Resolución 60/7 de la Asamblea General de la Organización de Naciones Unidas (ONU) se designa el 27 de enero como el *Día Internacional de Conmemoración anual en memoria de las víctimas del Holocausto*, 42a sesión plenaria, 1º de noviembre de 2005. "Resolución aprobada por la Asamblea General. 60/7. Recordación del Holocausto," El Holocausto y el Programa de Divulgación de las Naciones Unidas, ONU, accessed June 8, 2020, <http://www.un.org/es/holocaustremembrance/res607.shtml>.

Cabe señalar que, en virtud de dicha fecha, se conmemora la liberación – el 27 de enero de 1945 – del campo de concentración y exterminio nazi de Auschwitz, por las tropas del ejército rojo.

Gran Guerra Patriótica (1941–1945) por la entonces Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas (URSS), cuyas pérdidas humanas se estiman en no menos de 25 millones y aproximadamente 27 millones de almas.¹

Para tener una idea aproximada sobre el elevado costo humano que tuvieron que pagar los pueblos que integraban la URSS, basta tener presente el sitio de Leningrado – hoy San Petesburgo – donde murieron más personas que el total de soldados británicos en todos los frentes y a lo largo de la segunda guerra mundial.²

Frente a esta epopeya, cualquier contribución de los países latinoamericanos a la causa de los aliados podría dar la impresión de ser de pequeñas dimensiones.

En este marco, las fuerzas armadas mexicanas – a diferencia de sus pares de Brasil – no tuvieron una participación directa en las hostilidades a excepción de su componente aéreo en las postrimerías de la segunda conflagración mundial. Este trabajo lleva a cabo una revisión de los acontecimientos que jalonaron dicho periodo crítico en la historia de la humanidad, centrándose en el papel jugado por México como beligerante en su calidad de aliado, en general, y en su instrumento militar, en particular.

Por qué México no tuvo una participación directa en las hostilidades

En primer término cabe preguntarse por qué México solo contribuyó a la causa de los aliados, de manera directa, con un escuadrón aéreo en el teatro de operaciones del Pacífico en las postrimerías del conflicto armado.

La respuesta se encuentra tanto en los antecedentes de este drama de carácter planetario que fue la segunda guerra mundial, como en la vecindad con Estados Unidos de Norteamérica (EE.UU.).

De donde, como antecedente, conviene abreviar en los Tratados de Bucareli:³ así llamados por haberse celebrado en la casa número 85 de la calle de Bucareli de México, D.F., del 14 de marzo al 15 de agosto de 1923, como consecuencia de las cuales se reanudaron las relaciones diplomáticas entre el Gobierno Mexicano y el de la Casa Blanca.

De conformidad con una rigurosa investigación, dichas convenciones vigentes desde 1924, importaron una vergonzosa concesión del entonces Presidente de México Álvaro Obregón a EE.UU., con el objeto de obtener el reconocimiento de su gobierno:⁴

La Convención Especial reconoce a los ciudadanos de los Estados Unidos el derecho a reclamar ante una Comisión Mixta Internacional el pago de indemnizaciones por los daños pérdidas, etc., sufridos en sus personas o intereses, durante el periodo revolucionario de 1910 a 1920.

Dicho en otras palabras, México renuncia al derecho internacional y de 1924 a 1942 acepta pagar a ciudadanos y empresas estadounidenses, indemnizaciones por hechos acaecidos durante la revolución mexicana, independientemente de quien haya sido responsable de causar daños y perjuicios; lo que trajo aparejada una pesada carga para el erario público mexicano.

Esta relación histórica de desbalance o asimetrías México–Estados Unidos es lo que explica, en parte, por qué México no participó directamente en las hostilidades. Tampoco se debe soslayar la imperiosa necesidad de contar con mano de obra en el medio

1 Rees 2006, 13.

2 Calvocoressi and Wint 1979, 179.

3 Pani 1953, 11.

4 Manero Suárez and Paniagua Arredondo, 1958.

rural, a la luz de la movilización masiva de jóvenes campesinos para servir en las fuerzas armadas estadounidenses, lo que da origen al Programa Bracero.¹

En segundo lugar, tampoco debe soslayarse la llamada Guerra Cristera,² conflicto armado de carácter no internacional desarrollado de 1926 a 1929, como efecto de la “[...] ortodoxia política ya aceptada. La guerra cristera fue un episodio doloroso y sangriento,” impuesta por el entonces Presidente Plutarco Elías Calles.³

A la efusión de sangre de la revolución mexicana y de la guerra cristera, se suman los efectos de la guerra civil española y los refugiados acogidos por el gobierno encabezado por Lázaro Cárdenas.⁴

A inicios de la segunda guerra mundial, México se encuentra debilitado por tantos años de derramamiento de sangre, y difícilmente en condiciones de afrontar el costo de un conflicto armado de dimensiones supranacionales.

En tanto que las características de México como país colindante con la Unión Americana, por un lado, y su gran capacidad de producción de petróleo, por otro, llaman la atención de la agencia de inteligencia militar del Tercer Reich (*Abwehr*) a cargo de Wilhem Canaris, a saber:⁵

El principal objetivo de la *Abwehr* era vigilar desde la frontera norte de México los movimientos militares y realizar espionaje industrial sobre la maquinaria bélica de Estados Unidos, así como asegurar el suministro de petróleo mexicano para la fuerza aérea alemana (la *Luftwaffe*) y desplegar una red de inteligencia para toda Latinoamérica. Luego sumarían a sus actividades el sabotaje desde la frontera contra la industria e infraestructura estadounidenses. México era relevante para el ejército nazi. Desde 1938 vendía a los alemanes 70% de su producción petrolera, pero a mediados de 1941 comenzó a cortarle el suministro por presión de Estados Unidos. A partir de entonces se inició la operación de una eficiente red de contrabando encabezada por el doctor Joachim A. Hertslet, quien mandaba el crudo a Alemania a través de Italia, Japón y la provincia marítima rusa de Primorsky, Siberia. Para asegurar ese suministro también llegaron nazis del más alto nivel. Entre ellos Williams Rhodes Davis, empresario petrolero estadounidense, y Axel Wenner Gren, magnate sueco considerado en esa época uno de los hombres más ricos del mundo. Éste último administraba los fondos

1 Durand 2007, 27-43.

Se trata de la contratación de campesinos mexicanos para realizar labores en el campo estadounidense y mantener así la producción de alimentos.

2 Para mayores detalles: Meyer 1994; Eugenia Revueltas, “La gesta de la guerra cristera a la luz del discurso histórico y literario,” México: Instituto de Investigaciones Jurídicas de la Universidad Nacional Autónoma de México, accessed June 8, 2020, <https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/7/3100/22.pdf>.

3 Blanquel 1973, 147-148.

4 Entre los refugiados políticos recibidos durante esos años, destaca la figura de Lev Davidovich Bronstein, mejor conocido por León Trotsky, principal opositor político de José Stalin, quien lo manda asesinar el 21 de agosto de 1940, utilizando como brazo ejecutor al comunista español Ramón Mercader. Ver: Marcos Pablo Moloeznik, “Tratado sobre Pensamiento Estratégico-Militar. Enseñanzas para el sistema de defensa de México,” México: Colectivo de Análisis de la Seguridad en Democracia, A.C. (CASEDE), accessed June 8, 2020, <http://www.casede.org/index.php/biblioteca-casede-2-0/defensa-y-fuerzas-armadas/fuerzas-armadas-mexicanas/410-tratado-sobre-pensamiento-estrategico-militar>; Fernando Saúl Alanís Enciso, “Los refugiados españoles versus la repatriación de mexicanos en Estados Unidos. ¿Un dilema para el gobierno cardenista?,” Universidad Autónoma Metropolitana. Casa del tiempo, accessed June 8, 2020, http://www.uam.mx/difusion/casadel tiempo/24_iv_oct_2009/casa_del_tiempo_elV_num24_140_145.pdf.

5 “Mexicanos que pelearon por Hitler,” *Zócalo*, May 16, 2015, <http://www.zocalo.com.mx/seccion/articulo/mexicanos-que-pelearon-por-hitler-1367446386>.

nazis desde bancos suizos. También llegó al país la actriz alemana Hilda Kruger, quien se convirtió en amante del entonces secretario de Gobernación Miguel Alemán Valdés. Gracias a ella, el funcionario protegió la red de la Abwehr que operaba en México.

Recapitulando, a excepción el escuadrón aéreo 201 – como se verá a continuación – México no participó directamente en las hostilidades, aunque – como se tratará de demostrar – sí contribuyó decisivamente a la causa de los aliados contra el eje Berlín–Roma–Tokio.

A 75 años de la finalización de la segunda conflagración mundial: consideraciones sobre la participación de México como beligerante

De conformidad con la historiografía oficial mexicana:¹

México, [...] a principios de la Segunda Guerra Mundial [...] mantenía su posición de neutralidad, pero en mayo de 1942 embarcaciones mexicanas que abastecían de petróleo a los Estados Unidos fueron atacadas en aguas del Golfo de México por submarinos alemanes que torpedearon y hundieron los buques petroleros: Potrero del Llano el 13 de mayo de 1942, frente a las costas de Florida, y durante el mismo año: el Faja de Oro, perpetrado el 20 de mayo; Tuxpan, el 26 de junio; Las Choapas, el 27 de junio; Oaxaca, el 27 de julio; y el Amatlán, el 4 de septiembre.

En otras palabras, la transición de neutralidad a beligerancia de México, se encuentra inextricablemente unida a la pérdida de buques propios en manos de sumergibles alemanes:²

Durante el periodo de guerra fueron hundidas las siguientes embarcaciones: El “Potrero del Llano” el 13 de mayo de 1942, con 14 muertos. El “Faja de Oro”, el 20 de mayo de 1942, 10 muertos. El “Tuxpan”, el 26 de junio de 1942, con 4 muertos. El buque-tanque “Las Choapas”, el 27 de junio de 1942 con 3 muertos. El “Oaxaca” el 27 de julio de 1942 con 6 muertos. El “Amatlán”, el 4 de septiembre de 1942 con 5 muertos. El “Juan Casiano” el 19 de octubre de 1944 con 21 muertos [...] Total 63 vidas humanas.

En especial, como consecuencia de la pérdida de los buques Potrero del Llano y Faja de Oro, y ante la ausencia de una respuesta satisfactoria por parte de las autoridades de Berlín, el entonces Presidente de México, general Manuel Ávila Camacho envía al Congreso de la Unión la iniciativa para declarar el estado de guerra, la que es aprobada el día 22 de mayo de 1942, mediante el Decreto que autoriza al Ejecutivo Federal para declarar la guerra entre México y Alemania, Italia y Japón.³

En la misma fecha, el Congreso expide otro Decreto en virtud del cual se aprueba la suspensión de las garantías individuales consignadas en varios artículos constitucionales; suspensión que durará todo el tiempo que México permanezca en estado de guerra con Alemania, Italia y Japón [...].⁴

1 “México en la segunda guerra mundial – 1945. Historia de la Fuerza Aérea Expedicionaria Mexicana. Escuadrón 201,” Gobierno de México, accessed June 8, 2020, http://www.sev.gob.mx/difusion/ejercito_mexicano/escuadron201.pdf.

2 Cárdenas de la Peña 1966, 153.

3 Ibid; Anexos, Documento no. 13, 263.

4 Ibid; Anexos, Documento no. 14, 264–265.

Pero, oficialmente, México entra en guerra contra el Eje hasta el 2 de junio de 1942.¹
Para un testigo privilegiado de la época:

México, vecino de los Estados Unidos, tomó su lugar con toda oportunidad al lado de las democracias. No podía ser de otra manera. El sentimiento del pueblo mexicano era perfectamente claro en contra del totalitarismo y por si quedare alguna duda, el hundimiento de barcos mercantes mexicanos por submarinos alemanes, vino a hacer que la declaración de guerra fuera un acto de gobierno eminentemente popular.²

Efectivamente, en palabras del propio titular del Poder Ejecutivo, existía "el compromiso moral de coadyuvar al triunfo común contra las dictaduras nazi fascistas."³

Lo que, operacionalmente, se materializó en la creación de:⁴

[...] regiones militares que englobaban varias zonas militares. La primera que se creó fue la región militar del Pacífico, que incluía 11 entidades de la República y después se crearon la del Golfo y la del Istmo. La región del Pacífico fue la más importante, ya que era el flanco débil de la defensa del Hemisferio Occidental y por eso se designó como comandante al general Lázaro Cárdenas [...].⁵

Así lo reconoce el general Francisco L. Urquiza:⁶

Con motivo de la guerra se había creado una nueva Región Militar en el Golfo, cuyo mando asumió el Divisionario Abelardo L. Rodríguez. La Región del Pacífico (al General Lázaro Cárdenas) hasta que asumió la cartera de Defensa (17 de septiembre de 1942).

En el ámbito de las relaciones bilaterales, en Washington, D.C. se crea:⁷

[...] una Comisión México-Americana de Defensa Conjunta, integrada por militares de los dos países. Igualmente, comenzó a funcionar la Ley de Préstamos y Arriendos, en virtud de la cual los Estados Unidos podían facilitar, a sus aliados en la guerra, material bélico en cantidades ilimitadas y a un costo sumamente bajo. Esta comisión debería de sesionar indistintamente en Washington o en la ciudad de México. Simultáneamente se creó asimismo en Washington, una gran Comisión de Defensa Continental, integrada por militares de todo el Continente Americano.

El corolario es el envío:⁸

[...] de la Fuerza Expedicionaria Mexicana, mejor conocida como Escuadrón 201, que participó en la Filipinas en contra de los japoneses; aunque tardíamente, pues estaba por terminar la guerra cuando

1 Torres 1979, 94-95.

2 Urquiza 1955, 405.

Cabe señalar que el general Urquiza, autor de estas memorias, asume como Subsecretario de la Defensa Nacional el día 17 de agosto de 1942.

3 "México en la II Guerra Mundial," Secretaría de la Defensa Nacional (SEDENA), accessed June 8, 2020, <https://www.gob.mx/sedena/documentos/mexico-en-la-ii-guerra-mundial>.

4 Incluía las siguientes zonas militares: Distrito Norte de Baja California, Distrito Sur de Baja California, Sonora, Sinaloa, Nayarit, Jalisco, Colima, Michoacán, Guerrero, Oaxaca, Istmo de Tehuantepec, Chiapas, y las zonas navales de Acapulco y La Paz.

Acuerdo presidencial, 10 de diciembre de 1941. In Recopilación de acuerdos, decretos y circulares 1943, 3.

En 1942, la Región del Pacífico contaba con 33 batallones de infantería y 11 regimientos de caballería, además de otras unidades de esas mismas armas, en formación.

5 Plasencia de la Parra 2014, 462.

6 Urquiza 1955, 105-106.

7 Ibid., 106-107.

8 Plasencia de la Parra 2014, 468.

el Escuadrón 201, al mando del coronel Antonio Cárdenas Rodríguez, arribó a Manila, en mayo de 1945. El Escuadrón 201 tuvo un buen desempeño y ello sirvió para amalgamar a la población mexicana en el proyecto de mejoras y modernización del ejército y fuerza aérea mexicanos. Aunque el envío de un escuadrón aéreo siempre se consideró una contribución simbólica [...] mostró a los aliados de las Naciones Unidas la voluntad del país para contribuir decididamente en el esfuerzo bélico y así, al terminar la guerra, México tendría derecho a participar como país victorioso en la construcción de un nuevo orden mundial.

Pero, para el mismo historiador militar:¹

[...] la mayor contribución militar de México en la guerra fue la vigilancia en puestos fronterizos, pistas aéreas, puertos marítimos, minas y carreteras, que los soldados llevaron a cabo en esos años. Así lo reconoció el agregado militar de Estados Unidos, indicando que la eficaz vigilancia de la frontera que el Ejército Mexicano realizó durante toda la guerra evitó a su país ese trabajo, que hubiese distraído personal militar para ese fin, además de obtener ahorros de cientos de millones de dólares.

En palabras del entonces Subsecretario de Defensa mexicano:²

Apenas fue declarada la guerra, nuestros aviones militares y nuestras unidades navales se dedicaron esencialmente a patrullar los amplios litorales del Golfo y del Pacífico, ejerciendo vigilancia sobre probables incursiones de submarinos del Eje. Las naves iban provistas de bombas de profundidad, que fabricó eficientemente nuestra industria militar.

Este funcionario reconoce que “la guerra impuso nuevas modalidades del todo punto necesarias para la defensa del Continente”:

[...] una de ellas fue el convenio entre México y los Estados Unidos por medio del cual naves aéreas militares de los Estados Unidos podían volar por el cielo de nuestro país atravesándolo de norte a sur, o de oriente a occidente. A la vez, nuestros aviones podrían ir a los Estados Unidos sin más trámite, unos y otros, que dar aviso anticipado del recorrido que iba a efectuarse y del número de máquinas que hicieran el vuelo. El objeto fundamental de ese tratado era que los Estados Unidos pudieran, por la vía aérea, reforzar, relevar o reabastecer a su fuerza aérea destacada en la Zona del Canal de Panamá.³

Más allá de estas medidas de confianza mutua, el principal acontecimiento de aquellos aciagos años fue la visita protocolar del entonces Presidente de Estados Unidos, Franklin Delano Roosevelt a Monterrey el 20 de abril de 1943, para entrevistarse con su par de México Manuel Ávila Camacho.

En particular, interesa destacar los siguientes pasajes de su discurso en el casino militar:⁴

[...] La determinación del pueblo mexicano y de sus dirigentes ha conducido a la producción en grande escala, de los materiales

1 Plasencia de la Parra 2014, 470.

2 Ibid., 15.

3 Ibid., 130.

4 Urquiza 1955, 165–166.

estratégicos y vitales que tan necesarios son para forjar las armas que habrán de lograr el derrumbamiento definitivo de nuestros enemigos comunes [...] Los trabajadores agrícolas mexicanos (braceros), llevados a los Estados Unidos de acuerdo con un convenio celebrado entre nuestros dos Gobiernos [...] están contribuyendo con su actividad y con su destreza a la producción de elementos vitalmente necesarios.

Se trata de la principal contribución de México al esfuerzo común contra el Eje, que es interpretado así por el multicitado general Urquiza:¹

Proporcionó a su inmediato aliado, los Estados Unidos, miles de braceros para que fueran a cultivar sus campos, sustituyendo a los hombres que fueron movilizados. Permitió que miles de ciudadanos mexicanos se enrolaran en las fuerzas armadas aliadas. Elaboró en sus factorías militares, en grandes cantidades, el explosivo T.N.T. y cartuchos para armas portátiles, y los facilitó al Ejército norteamericano. Cuidó de sus litorales y de su territorio, con sus propios elementos militares, permitiendo de esta manera que los Estados Unidos se desatendieran de sus flancos y pudieran disponer de todas sus fuerzas para enviarlas íntegras a los frentes de batalla. Finalmente, se envió a la lucha real a una parte de su fuerza aérea para que participase en aquella, con el propósito de mantener esa fuerza expedicionaria y aumentarla en cuanto fuera posible.

Así, se estima que entre 1942-1945 salieron hacia la Unión Americana 303.054 braceros.²

En lo que respecta a la participación del denominado escuadrón 201, destaca el hecho de que:³

El 29 de diciembre de 1944, el Poder Legislativo autorizó la participación militar de México en la Segunda Guerra Mundial. Al final, se constituyó un grupo formado por tres escuadrones de combate, al que se llamó Fuerza Aérea Expedicionaria Mexicana, bajo las órdenes del coronel Antonio Cárdenas Rodríguez. Se pretendía que existiera un escuadrón en el frente, uno en instrucción y otra en reserva. El primero de ellos, el Escuadrón 201 conformado por casi 300 hombres, quedó al mando del capitán primero piloto aviador Radamés Gaxiola. Ya en Estados Unidos, el Escuadrón 201 fue incorporado a la Quinta Fuerza Aérea Norteamericana, con base en Clark Field y encuadrado en el 58 Grupo de Combate del Quinto Comando [...] El 1 de mayo de 1945, el Escuadrón llegó a la base aérea de Porac – después de una travesía de 35 días por el Océano Pacífico, – siendo dotado con 18 aviones P-47, también conocidos como Thunderbolt, cada uno equipado con ocho ametralladoras y portabombas en las alas. Las misiones, en general, consistían en el bombardeo o ametrallamiento de puntos estratégicos en Formosa y Luzón, localizados previamente por los norteamericanos, siempre en grupos de 12 aviones, un turno por la mañana y otro por

1 Urquiza 1955, 405-406.

2 "Mexicanos que pelearon por Hitler," *Zócalo*, May 16, 2015, <http://www.zocalo.com.mx/seccion/articulo/mexicanos-que-pelearon-por-hitler-1367446386>.

3 Lemus 2014, 483-484.

la tarde, separados en escuadrillas de cuatro aviones piloteados por mexicanos y el resto por personal estadounidense.

En rigor y siguiendo al Capitán 1/o Historiador Antonio Campuzano Rosales, “de los 300 hombres de esta fuerza sólo los 36 pilotos tuvieron en verdad participación en acciones de guerra. Esto se debió a que el resto de integrantes eran armeros, mecánicos y personal de los servicios logísticos.” Sin embargo, el costo humano es insoslayable, ya que “[...] se tuvo que lamentar la baja de diez elementos del Escuadrón 201, dichas bajas fueron en cuatro circunstancias diferentes, en entrenamiento, en vuelos realizados en zona de combate, en misiones de combate y a consecuencias de enfermedades adquiridas en el frente de guerra [...] representaron el 20 por ciento del personal de pilotos de esta unidad aérea.”¹

Por su parte, la Secretaría de la Defensa Nacional (SEDENA), destaca que:²

El personal fue seleccionado de entre pilotos y mecánicos de la Fuerza Aérea; del Estado Mayor, del cuerpo médico y de comunicaciones del Ejército, así como de personal civil habilitado como armeros de materiales de guerra [...] Las operaciones del Escuadrón Aéreo 201 se realizaron durante los meses de junio a agosto de 1945. La mayoría de las misiones fueron de apoyo a fuerzas de tierra a bordo de aviones Thunderbolt P-47 y se realizaron misiones de: barrido aéreo, de interdicción y de escolta de convoy naval en el área del suroeste del Pacífico. La unidad también voló misiones de traslado de aeronaves en zona de combate. [...] condujo 96 misiones de combate apoyando a las fuerzas terrestres aliadas. Participaron activamente en los bombardeos de Luzón y Formosa, hoy Taiwán. En total se volaron 2,842 horas en el Pacífico, de las cuales: 1,970 horas fueron en misiones de combate; 591 horas en zona de combate y 281 horas voladas de entrenamiento previo

El costo humano pagado por los mexicanos

No obstante, el mayor precio que México paga en vidas humanas durante la segunda conflagración mundial es con connacionales encuadrados en unidades de combate de EE.UU., puesto que no debe perderse de vista que:

En el ejército de Estados Unidos habían sido enrolados miles de mexicano-americanos y mexicanos que residían en ese país, participando en los distintos teatros de guerra. El general Douglas MacArthur, comandante supremo de los aliados en el Pacífico, alabó en varias ocasiones el valor y capacidad de esos soldados, lo cual fue difundido en la prensa mexicana e incentivó a muchos jefes en nuestro país para enviar una división de infantería a alguno de los escenarios de guerra.³

Esto fue posible en virtud del Decreto emitido por el entonces Presidente Manuel Ávila Camacho del 23 de noviembre de 1942, que autorizaba a los ciudadanos mexicanos que vivían en los distintos países de América a, sin perder su ciudadanía, prestar sus servicios civiles o militares durante el tiempo en que durara la guerra a los gobiernos o ejércitos de los países en los que residieran, pero siempre en favor de la causa de las Naciones

1 Campuzano Rosales 2014, 503, 507.

2 “México en la II Guerra Mundial,” Secretaría de la Defensa Nacional (SEDENA), accessed June 8, 2020, <https://www.gob.mx/sedena/documentos/mexico-en-la-ii-guerra-mundial>.

3 Plasencia de la Parra 2014, 466.

Unidas; lo que a la postre, permitiría el ingreso de miles de mexicanos en las fuerzas armadas estadounidenses y su envío a los frentes de guerra.¹

Para un historiador que tuvo acceso a los archivos estadounidenses:²

[...] resulta muy difícil cuantificar dicho fenómeno: [...] No se tienen datos confiables del número de chicanos y mexicanos en el ejército (de EEUU). Cifras oficiales estiman entre 250.000 y 500.000, y se cree que de éstos, entre 15.000 y 30.000 eran ciudadanos mexicanos, el resto era mexicano-americanos.

Incluso, existe suficiente evidencia como para no poner en tela de juicio los numerosos actos de valor que, en el cumplimiento del deber, caracterizaron a los combatientes mexicanos. Basta ilustrarlo con los siguientes dos ejemplos:

- a) El 26 de mayo de 1943, la Séptima División de Infantería del Ejército estadounidense intentaba desembarcar en Attu, Isla del archipiélago de las Aleutianas, en el Mar de Bering. Era un día frío, con niebla; el fuego de la artillería japonesa impedía el avance. El soldado José P. Martínez tomó la decisión de iniciarlo, actitud que fue seguida por sus compañeros. Martínez puso fuera de combate dos nidos de ametralladoras, atrajo el fuego japonés, pero a costa de su vida; sus compañeros obtuvieron así mejores posiciones. Pocos días después la isla era recuperada. Martínez recibió póstumamente la Medalla de Honor del Congreso, la máxima condecoración que puede obtenerse en el ejército estadounidense. Era la primera que recibía un "mexicano-americano" (así se conocía a residentes o ciudadanos estadounidenses de origen mexicano). José Martínez provenía de una familia de Taos, Nuevo México, con varias generaciones de residir en esa entidad. Su caso no sería el único, pues a lo largo de la segunda guerra mundial muchos mexicano-americanos se distinguirían en la lucha.³
- b) También en el teatro de operaciones europeo los mexicanos protagonizaron hechos heroicos, como el que sigue: José Mendoza López puso un pie en Normandía el 7 de junio de 1944. No obstante ser herido en el día D + 1, López se negó a recibir tratamiento alguno y mucho menos a su evacuación, ya que estaba decidido a quedarse con su unidad. Participó en una acción de combate cerca de Saint-Lô, la lucha para tomar Brest, y en el combate constante en Francia y Bélgica por el resto del año 1944. Por sus esfuerzos, López fue galardonado con un Corazón Púrpura y una Estrella de Bronce. Meses después, el 17 de diciembre de 1944, el sargento López fue testigo de cómo los alemanes lanzaban su ofensiva en las Ardenas contra las fuerzas aliadas en la llamada Batalla de las Ardenas. Situado cerca de la Compañía K, en Krinkelt, Bélgica, López actuó por su cuenta al tomar una ametralladora pesada que apuntó y disparó contra soldados de la *Wehrmacht*, matando a diez de los enemigos. A pesar del fuego enemigo, López se mantuvo firme y mató a veinticinco alemanes adicionales que intentaban flanquearlo. Finalmente, se encontró con algunos de sus compañeros de armas para establecer otro punto de defensa, donde continuó el fuego hasta que agotó su munición. En una operación que duró desde las 11:30 AM hasta las 6:00 PM, López mató a más de 100 soldados, más enemigos que cualquier otro soldado estadounidense durante la Segunda Guerra Mundial. Sus esfuerzos estabilizaron el flanco y dieron tiempo para reagrupar a las tropas propias y evitar

1 Recopilación de acuerdos, decretos y circulares 1943, 29-30.

2 Plasencia de la Parra 2003.

3 Ibid.

que los alemanes tomaran la estratégica población de Krinkelt, por lo que, en una ceremonia celebrada en Nuremberg el 18 de junio de 1945, es condecorado por el mayor general James A. Van Fleet con la Medalla de Honor.¹

De ahí que, para Enrique Plasencia de la Parra, en su obra *Las Infanterías Invisibles*:²

Se calcula que en 1940 la población de origen mexicano era de 2.690.000, de la cual un tercio era de hombres que ya tenían la edad para ser reclutados (18 a 45 años), alrededor de 900.000. Por ello una participación de 500.000 en toda la guerra no parece una cifra descabellada; en cambio 250.000 parecería baja. Si tomamos en cuenta que la población de origen mexicano representaba 2.08% de la población total del país, y que en el ejército estadounidense combatieron 16.000.000 de efectivos durante todo el conflicto, 2.08% de ese total equivaldría a 332.800 combatientes de origen mexicano. Esto sólo es una conjetura, pues también pudiera ser que hubiese ido a combatir un porcentaje mayor, 3.1% por ejemplo, que daría los 500.000 ya señalados. Esto último es factible debido a la tendencia, en futuras guerras (Corea, Vietnam), de enviar un porcentaje mayor de hispanos del que representan en la conformación de la población total del país. Lo que sí se sabe es que es la minoría que recibió el mayor número de medallas de honor del Congreso (la máxima condecoración para miembros de las fuerzas armadas), con un total de 12. En toda la guerra se otorgaron 440 de estas condecoraciones, lo que representa 2.72% del total, cifra superior al porcentaje de la población de origen mexicano que vivía en Estados Unidos en esa época (2.08%). Pero si tomamos en cuenta que todas las medallas concedidas a chicanos y mexicanos fueron en la infantería y en la infantería de marina, y que en esas dos áreas se concedieron 382 medallas, el porcentaje aumenta a 3.14%.

Esto es, más allá de desconocerse con exactitud la participación mexicana, los resultados de esta investigación son inequívocos sobre la calidad de dicha participación, signada por un elevado índice de valentía y sacrificio.

A manera de conclusión: principales efectos del papel desempeñado por México en la guerra

Por último, en lo que respecta a las consecuencias más relevantes de la participación de México como beligerante aliado durante la segunda conflagración mundial, conviene señalar:

- a) El fin de los Tratados de Bucareli y el crecimiento de la economía nacional.

De acuerdo con Madero y Paniagua,³ la declaración de guerra al Eje en 1942, le permitió al Presidente Ávila Camacho negociar con Franklin Delano Roosevelt el fin de la vigencia de dichas convenciones perjudiciales para México. Además, “[...] la guerra incentivó la economía, favoreció la industrialización [...]”.⁴ En otras palabras, comenzó el llamado “milagro mexicano” que durante las próximas décadas caracterizarían a la economía mexicana.

1 “López, José Mendoza,” Texas States Historical Association, accessed June 8, 2020, <https://tshaonline.org/handbook/online/articles/flo62>.

2 Plasencia de la Parra 2003.

3 Manero Suárez and Paniagua Arredondo 1958.

4 Plasencia de la Parra 2014, 457.

- b) La modernización del instrumento militar mexicano: “[...] la declaración de guerra constituyó una forma de continuar la modernización del Ejército Mexicano. Se formó la Comisión de Defensa Conjunta México-Americana, la cual facilitaba la adquisición de armas a bajo costo, así como la instrucción militar por parte de Estados Unidos. Durante el estado de guerra, al menos 300 pilotos mexicanos tomaron cursos especializados en bases aéreas de Florida, California, Nuevo México y Texas.”¹

A raíz de declarar México la guerra a las naciones del Eje, gestionó de los Estados Unidos la adquisición de material de guerra, y le fue concedido éste por el concepto de Préstamos y Arriendos: “[...] El desfile militar del 16 de septiembre de 1942, en que tomaron participación cuarenta mil hombres, marcó, en la historia del Ejército mexicano, el primer paso en firme para su modernización.”²

- c) La participación como fundador de la Organización de las Naciones Unidas (ONU). En calidad de Aliado, México se ganó el derecho a participar en la Conferencia de San Francisco, a la sazón, fundacional de la ONU.³

Así, México fue uno de los 51 países miembros fundadores de la ONU. La delegación mexicana estuvo representada por Ezequiel Padilla, Manuel Tello y Francisco Castillo Nájera, quienes firmaron la “Carta de las Naciones Unidas” el 26 de junio de 1945, y el 7 de noviembre de ese mismo año, México fue admitido a la ONU. Antes de esto, México discutió amplias iniciativas relacionadas a las propuestas hechas en Dumbarton Oaks con los países latinoamericanos en la Conferencia Interamericana sobre Problemas de la Guerra y de la Paz, también conocida como Conferencia de Chapultepec de 1945.

Posteriormente, en la Conferencia de San Francisco, México formó parte de un grupo especial de diez países para llevar adelante los trabajos con el objeto de elaborar los reglamentos y las funciones de los distintos órganos que integrarían a ese organismo internacional.⁴

Resumiendo, si bien México no participó directamente en las hostilidades durante la segunda conflagración mundial, con excepción del escuadrón 201, sí contribuyó – desde diferentes dimensiones – al esfuerzo bélico de los aliados que, a la postre, daría sus frutos con la rendición incondicional de la Alemania nazi y del Japón militarista y daría origen a la ONU como organismo internacional.

→ Referencias / References

Blanquel, Eduardo. “La Revolución Mexicana. 2. 1921-1952” [Mexican Revolution. 2. 1921-1952]. In *Historia Mínima de México* [The minimum history of Mexico], Daniel Cosío Villegas et al., 147-148. México: El Colegio de México, 1973. <https://doi.org/10.2307/j.ctv3f8njr>. [In Spanish]

Calvocoressi, Peter, and Guy Wint. *Total War*. London: Penguin Books, 1979.

Campuzano Rosales, Antonio. “El Escuadrón 201 de la Fuerza Aérea Expedicionaria Mexicana” [The 201st squadron of the Mexican Expeditionary Air Force]. In *Historia de los Ejércitos Mexicanos* [History of the Mexican Army], coordinated by Patricia Galeana, 493-512. México: Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, 2014. [In Spanish]

1 Paz Salinas 1990, 478.

2 Urquiza 1955, 107.

3 Para mayores detalles sobre dichos trabajos fundacionales de la Organización de Naciones Unidas; ver: “1945: Conferencia de San Francisco,” Naciones Unidas, accessed June 8, 2020, <https://www.un.org/es/sections/history-united-nations-charter/1945-san-francisco-conference/index.html>.

4 “México en la Organización de las Naciones Unidas,” Secretaría de Relaciones Exteriores, Embajada de México en las Filipinas, accessed February 10, 2020, <http://embamex.sre.gob.mx/filipinas/index.php/en/mexicoonu>.

- Cárdenas de la Peña, Enrique. *Gesta en el Golfo de México. La Segunda Guerra Mundial y México* [The glory in the Gulf of Mexico. World War II and Mexico]. México: Editorial Primicias, S.A., 1966. [In Spanish]
- Durand, Jorge. "El Programa Bracero (1942–1964). Un balance crítico" [The Bracero Program (1942–1964). A critical balance]. *Revista Migración y Desarrollo*, no. 9 (2007): 27–43. [In Spanish]
- Lemus, Elmy. "El estado de guerra y el escuadrón 201" [The state of war and the 201st squadron]. In *Historia de los Ejércitos Mexicanos* [History of the Mexican Army], coordinated by Patricia Galeana, 475–492. México: Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, 2014. [In Spanish]
- Manero Suárez, Adolfo, and José Paniagua Arredondo. *Los tratados de Bucareli: traición y sangre sobre México* [The Bucareli Treaties: treason and blood on Mexico]. México, 1958. [In Spanish]
- Meyer, Jean. *Cristiada: La guerra de los cristeros* [Cristiada: the war of the Cristeros], 2 volumes. México: Siglo XXI Editores, 1994. [In Spanish]
- Pani, Alberto J. *Las Conferencias de Bucareli* [The Bucareli Conferences]. México: Editorial Jus, 1953. [In Spanish]
- Paz Salinas, María Emilia. "México y la defensa hemisférica 1939–1942" [Mexico and the defense of the hemisphere 1939–1942]. In *Entre la guerra y la estabilidad política. El México de los 40* [Between war and political stability. The Mexico of the 40s], coordinated by Rafael Loyola. México: Conaculta-Grijalbo, 1990. [In Spanish]
- Plasencia de la Parra, Enrique. "La modernización del ejército mexicano" [The modernization of the Mexican army]. In *Historia de los Ejércitos Mexicanos* [History of the Mexican Army], coordinated by Patricia Galeana, 457–474. México: Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, 2014. [In Spanish]
- Plasencia de la Parra, Enrique. "Las infanterías invisibles: mexicanos en la segunda guerra mundial" [Invisible infantry: Mexicans in World War II]. *Historia Mexicana* LII, no. 4 (2003): 1021–1071. [In Spanish]
- Recopilación de acuerdos, decretos y circulares expedidos durante los años de 1941 y 1942 y de leyes y reglamentos de 1942* [Compilation of agreements, decrees and circulars issued from 1941 to 1942 and of laws and regulations of 1942]. México: Taller Autográfico, 1943. [In Spanish]
- Rees, Laurence. *Auschwitz, los nazis y la solución final* [Auschwitz, the Nazis and the final solution]. Barcelona: Editorial Crítica, 2008. [In Spanish]
- Rees, Laurence. *Una guerra de exterminio. Hitler contra Stalin* [A war of extermination. Hitler against Stalin]. Barcelona: Editorial Crítica, 2006. [In Spanish]
- Torres, Blanca. *Historia de la Revolución Mexicana, 1940–1952. México en la Segunda Guerra Mundial* [History of the Mexican Revolution, 1940–1952. Mexico in World War II], vol. 19. México: El Colegio de México, 1979. [In Spanish]
- Urquiza, Francisco L. *3 de Diana* [3 from Diana], 2ª edición. México: Industrias Gráficas Miranda, 1955. [In Spanish]

75 years after the end of World War II: considerations on Mexico's participation as a belligerent

Marcos P. Moloeznik

→ Abstract

The article attempts to explain the role that Mexico played during World War II (1939-1945). The Mexican armed forces, in particular the 201st air squadron, were directly involved in the hostilities at the end of the armed conflict, which had more of a symbolic significance. Nevertheless, it is necessary to emphasize the contribution of the army of Mexican workers – the Braceros, as well as of the thousands of Mexicans who sacrificed their lives in the uniform of the United States armed forces. In the present review of literature and key historical sources relevant to the topic, the author talks about Mexican heroes, World War II soldiers and considers the armed participation of Mexico in the war in the general context of the national development of this country, which borders with the United States. For Mexico, participation in World War II was an important event in the framework of the Mexican "economic miracle", the modernization of the national armed complex, and the construction of the new world order (Mexico was one of the founders of the United Nations, taking an active part in the conference of San Francisco).

→ Keywords

Armed forces, Mexico, belligerent, World War II, 75th Anniversary

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-46-60>

Review article

Marcos Pablo Moloeznik,
Doctor of Law, The University of
Guadalajara (Mexico)

E-mail: mmoloeznik@yahoo.es

For citation: Moloeznik, Marcos Pablo. "A 75 años de la finalización de la segunda conflagración mundial: consideraciones sobre la participación de México como beligerante" [75 years after the end of World War II: considerations on Mexico's participation as a belligerent]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 46-60. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-46-60>. [In Spanish]

Received: 10.06.2020

Accepted: 11.07.2020

75 лет после окончания Второй мировой войны: соображения об участии Мексики в конфликте

М.П. Молоезник

→ Аннотация

В статье делается попытка объяснить роль, которую Мексика сыграла во время Второй мировой войны (1939–1945). Мексиканские вооруженные силы, в частности 201-я воздушная эскадрилья, принимали непосредственное участие в военных действиях в конце указанного вооруженного конфликта, что имело скорее символическое значение. Тем не менее необходимо подчеркнуть вклад армии мексиканских рабочих «брасерос», а также тысяч мексиканцев, которые отдали свои жизни в форме вооруженных сил Соединенных Штатов. В представленном обзоре литературы и ключевых исторических источников по теме автор рассказывает о героях-мексиканцах, бойцах Второй мировой войны и рассматривает вооруженное участие Мексики в войне в общем контексте национального развития этой страны, граничащей с США. Для Мексики участие во Второй мировой войне стало важным событием в рамках мексиканского «экономического чуда», модернизации вооруженного комплекса, а также строительства нового мирового порядка (Мексика была одним из основателей Организации Объединенных Наций, принимала активное участие в конференции в Сан-Франциско).

→ Ключевые слова

Вооруженные силы, Мексика, сторона конфликта, Вторая мировая война, 75-я годовщина

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-46-60>

Обзорная статья

Молоезник Маркос Пабло, доктор права, профессор-исследователь Гвадалахарского университета (Мексика)

E-mail: mmoloeznik@yahoo.es

Для цитирования: Moloeznik, Marcos Pablo. "A 75 años de la finalización de la segunda conflagración mundial: consideraciones sobre la participación de México como beligerante" [75 years after the end of World War II: considerations on Mexico's participation as a belligerent]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 46–60. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-46-60>. [In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 10.06.2020

Принята к публикации: 11.07.2020

Экономика • Economía

Энергетическая отрасль Мексики. Смена политического курса и переосмысление результатов энергетической реформы

И.А. Гулиев, Ю.В. Соловова

→ Аннотация

В статье исследуется энергетическая отрасль Мексики. Авторы анализируют смену, после вступления в должность нового президента в 2019 году, курса энергетической политики, центральным элементом которой обозначено обеспечение энергетического суверенитета. Выявлены основные направления актуальной энергетической политики, отраженные в ключевых стратегических документах, включая Национальный план развития на 2019–2024 годы и Национальную программу развития электроэнергетического сектора 2019–2033. Представлена характеристика энергетической реформы 2013 года, ее причин, содержания и результатов, обозначены основы государственного регулирования энергетики, сформированные в ходе реформы.

→ Ключевые слова

Мексика, энергетическая политика, реформа энергетики, энергетическая безопасность, энергетический суверенитет, энергетическая дипломатия

Энергетическая отрасль играет важную роль в мексиканской экономике и является одним из основных двигателей экономического роста и инвестиционной привлекательности страны. В текущем энергетическом балансе Мексики доминируют нефть и газ, но отчасти благодаря снижению затрат на возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ) их доля увеличивается. Нефтяной сектор

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-61-74>

Исследовательская статья

Гулиев Игбал Адиль оглы, доцент, к.э.н., заместитель директора Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России, Москва (Россия)

E-mail: guliyevia@mail.ru

Соловова Юлия Викторовна, ведущий аналитик Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО России, Москва (Россия)

E-mail: yulia.solovova@gmail.com

Для цитирования: Гулиев И.А., Соловова Ю.В. Энергетическая отрасль Мексики. Смена политического курса и переосмысление результатов энергетической реформы. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(1): 61-74. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-61-74>.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2020

Принята к публикации: 29.05.2020

обеспечивает около 15% экспортных поступлений Мексики¹. Государственный бюджет в большой степени зависит от нефтяных доходов.

Мексика располагает значительными запасами традиционных углеродных источников энергии в сочетании с низкой себестоимостью добычи нефти, а также обладает существенным потенциалом для развития ВИЭ, включая солнечную энергию, ветер и геотермальную энергию.

Однако мексиканский энергетический сектор сталкивается с серьезными проблемами. В течение нескольких лет бюджетные ограничения приводили к недостаточным инвестициям в нефтегазовую промышленность Мексики на фоне естественного спада на зрелых месторождениях, что привело к снижению объемов добычи. Для преодоления структурных проблем отрасли в Мексике в 2013 году была инициирована трансформационная реформа энергетики, которая во многом определяет текущую федеральную энергетическую политику страны. В ходе реформы были внесены поправки в Конституцию Мексики, принят ряд новых законов, введен ряд новых институтов для нефтяного, газового и электроэнергетического секторов, что повлекло за собой полное изменение парадигмы мексиканской энергетической политики. Цели реформы заключались в том, чтобы использовать рыночные механизмы для привлечения новых иностранных и внутренних инвестиций, повысить прозрачность регулирования и обеспечить верховенство закона, гарантировать энергетическую безопасность и содействовать экологической устойчивости сектора.

Несмотря на либерализацию отрасли и приток частных инвестиций, объем добычи нефти продолжил снижаться и достиг исторического минимума за последние 30 лет в 2018 году. Объем доказанных запасов также снижался и по состоянию на 2018 год составил 5,817 млн барр. по сравнению с 6,537 млн барр. в 2017 году и 9,812 млн барр. в 2014 году². Рост потребления энергии внутри Мексики ограничил возможности страны по экспорту: поставки сырой нефти и нефтепродуктов в США, которые являются ключевым энергетическим партнером Мексики, сокращались³. При этом наблюдался существенный рост импорта бензина и других нефтепродуктов из США. Реформа была осложнена периодом снижения мировых цен на нефть. Несмотря на то, что экономика Мексики в целом диверсифицировалась, снизив зависимость от углеводородного сектора, на нефтяные доходы по-прежнему приходилось около трети бюджетных поступлений в 2014 году, поэтому снижение цен оказало существенное влияние на государственные финансы (в 2015 году доля нефти в налоговых поступлениях сократилась более чем наполовину), а также на финансы крупнейших государственных энергетических компаний⁴.

В настоящее время в мексиканском энергетическом секторе наблюдается смена курса энергетической политики. В декабре 2018 года в должность вступил новый президент Андрес Мануэль Лопес Обрадор. При нынешней администрации некоторые энергетические инициативы, начатые предыдущей администрацией президента Энрике Пенья Ньето, были приостановлены или, в некоторых случаях, отменены, а результаты масштабной энергетической реформы были подвергнуты критике.

1 Значение этого экспорта с точки зрения чистых валютных поступлений еще более велико, поскольку большая часть экспорта промышленных товаров в значительной степени зависит от импортируемых факторов производства.

2 "Annual Statistical Bulletin 2019," OPEC, accessed April 9, 2020, https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm.

3 "US Imports from Mexico of Crude Oil and Petroleum Products," US Energy Information Administration, accessed April 10, 2020, <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MTTIMUSMX2&f=M>.

4 "Mexico Energy Outlook 2016. World Energy Outlook Special Report," International Energy Agency, accessed April 10, 2020, <https://www.iea.org/reports/mexico-energy-outlook-2016>.

Новый курс энергетической политики характеризуется как отражающий националистическую политику на самоопределение и стремление федерального правительства более активно участвовать в развитии активов энергетического сектора, как в области добычи и поставок углеводородов, так и в области электроэнергетики. Был предпринят ряд мер, направленных на сохранение и расширение присутствия государственной нефтегазовой компании *Petróleos Mexicanos* (далее – PEMEX) и Федеральной комиссии по электроэнергетике (исп. *Comisión Federal de Electricidad*, далее – CFE), функционирующей как государственная электроэнергетическая компания, на соответствующих рынках. В частности, правительство Мексики отменило целый ряд энергетических аукционов как в нефтегазовом секторе, так и в отношении проектов в области ВИЭ, объявило о запрете на применение технологии гидроразрыва пласта для добычи нетрадиционных запасов, заявило о возможности пересмотра некоторых контрактов на строительство газопроводов, предоставленных CFE, а также отменило некоторые правила регулирования цен. Надо отметить, что принятые меры не затрагивали крупных конституционных или законодательных изменений и носили, главным образом, административный характер. Таким образом, при сохранении нормативно-правовой базы, сформированной в ходе реформы 2013 года и создавшей основу для привлечения частных инвестиций в нефтегазовую деятельность, федеральное правительство обозначило намерение усилить роль PEMEX в таких видах деятельности, как разведка, добыча и переработка, в результате чего приток инвестиций в нефтегазовую отрасль замедлился.

В настоящей статье представлены результаты исследования актуальной энергетической политики Мексики. Важной предпосылкой для понимания нового курса энергетической политики является знание причин и содержания энергетической реформы 2013 года, в связи с чем в статье дана ее краткая характеристика, а также обозначены основы государственного регулирования энергетики, сформированные в ходе реформы.

Реформа энергетики 2013 года

В 2013 году правительство Мексики приступило к проведению масштабной реформы с целью модернизации ряда ключевых отраслей экономики страны, включая энергетический сектор. В ходе реформы была реструктурирована нефтегазовая отрасль и открыт доступ к углеводородным ресурсам страны для национальных и иностранных частных предприятий, а также для частного участия в электроэнергетическом секторе. Концепция реформы возникла в результате кризиса, что характерно для трансформации такого масштаба.

В течение многих десятилетий добыча нефти была основным источником поступлений в государственный бюджет. Однако объемы добычи постоянно снижались¹ ввиду недостаточности инвестиций и отсутствия технологических возможностей для добычи глубоководных и сланцевых ресурсов, что привело к нагрузке на национальную финансовую систему и возникновение опасений в отношении способности Мексики удовлетворить внутренний спрос на энергию. Рост ВВП страны с 1990 года сопровождался снижением суммарного предложения первичной энергии на единицу ВВП².

1 Пиковый уровень добычи был достигнут в 2004 году, после чего главным образом ввиду снижения добычи на крупном месторождении Cantarell, вплоть до 2019 года наблюдалось постоянное снижение объемов добычи.

2 "OECD Economic Surveys: Mexico 2017," OECD Library, accessed April 8, 2020, https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-mexico-2017_eco_surveys-mex-2017-en.

Параллельно с этим неэффективность электроснабжения на фоне устаревшей сетевой инфраструктуры, вызванная недоинвестированием, привела к росту цен на электроэнергию, что нанесло ущерб конкурентоспособности обрабатывающей промышленности страны и увеличило объем требуемых субсидий на поставку электроэнергии растущему населению. Важно подчеркнуть, что потребление электроэнергии в Мексике характеризуется высокой степенью неравномерности. В жилищном секторе по меньшей мере 36% домохозяйств (примерно 11 млн человек) не в состоянии удовлетворить свои потребности в электроэнергии¹, в то время как почти 4 млн граждан не имеют доступа к базовым энергетическим услугам².

Наконец, в Мексике наблюдался низкий уровень проникновения ВИЭ, несмотря на огромный потенциал страны в данном отношении. Энергоснабжение Мексики по-прежнему в значительной степени зависит от традиционных углеродных видов топлива, что усугубляет местное загрязнение воздуха и ставит перед страной значимые цели в области климатической политики. С учетом растущих финансовых, экономических и экологических проблем отрасли в рамках реформы была предпринята амбициозная попытка обеспечить комплексный подход к их решению.

Энергетическая реформа была направлена на обеспечение конкуренции и притока инвестиций. Внедрение конкурентных механизмов должно обеспечить привлечение новых участников и технологий, что в конечном итоге способствовало бы развитию мексиканской экономики и снижению стоимости энергии для внутренних потребителей. Потребность в инвестициях обусловлена необходимостью удовлетворения растущего спроса на нефть, газ и электроэнергию и обеспечения замещения снижающихся объемов добычи нефти и газа на стареющих месторождениях.

В качестве основных целей реформы были обозначены: увеличение добычи углеводородов в стране, снижение стоимости электроэнергии и увеличение доли ВИЭ в энергетическом балансе страны³.

В ходе реформы были внесены поправки в Конституцию Мексики, ряд действующих законов, а также приняты новые законы и подзаконные акты. В институциональную основу отраслевого регулирования были внесены далеко идущие изменения, включая укрепление существующих и создание новых регулирующих органов. До реформы нефтяные ресурсы находились в исключительной государственной собственности, а деятельность по добыче углеводородов осуществлялась в полном объеме государственной компанией PEMEX. Недра по-прежнему принадлежат государству, однако после энергетической реформы частные компании получили возможность участвовать в тендерах на предоставление контрактов на разведку и добычу.

После реформы энергетики 2013 года частные лица и компании получили право строить и эксплуатировать трубопроводы. Для этого необходимо получить федеральные, местные и муниципальные разрешения, а также соблюдать официальные мексиканские стандарты, устанавливающие требования к трубопроводам. До начала строительства трубопровода в Мексике необходимо получить права на участок, на котором планируется размещение трубопровода. В Мексике большая часть территории считается аграрной (*ejido*) землей, на которую распространяются специальные законы и правила. Газовый сектор приобретает все большее значение, и уже построены или планируются к строительству новые газопроводы, по которым

1 García-Ochoa and Graizbord 2016.

2 "Evaluación de la política de desarrollo social 2018," Consejo Nacional de Evaluación de la Política de Desarrollo Social, accessed April 10, 2020, <https://www.coneval.org.mx/Evaluacion/IEPSM/IEPSM/Paginas/IEPDS-2018.aspx>.

3 "Explicación ampliada de la Reforma Energética," Gobierno de México, accessed April 10, 2020, <https://www.gob.mx/sener/documentos/explicacion-ampliada-de-la-reforma-energetica>.

будет поставляться природный газ. Правительство приступило к реализации плана создания системы транспортировки и хранения природного газа, целью которого является увеличение протяженности газопроводной инфраструктуры на более чем 5 тыс. километров.

Одним из значимых изменений стало преобразование государственных монополий PEMEX и CFE в государственные предприятия, которые должны придерживаться бизнес-стратегии, конкурировать с новыми игроками на рынке, а также облагаться обычным корпоративным налогообложением. Либерализация отрасли предусматривала разделение государственной монополии CFE на десять независимых компаний: шесть генерирующих, одну сетевую, одну распределительную и две компании розничной торговли. Монопольными остались передача и распределение электроэнергии, атомная энергетика, планирование и контроль над функционированием Национальной электроэнергетической системы (исп. Sistema Eléctrico Nacional). Для электроэнергетического сектора была введена схема конкуренции на оптовом и розничном рынках, схожая со схемой конкуренции на большей части территории США. Аналогичные рыночные реформы были инициированы в отношении природного газа. В 2016 году запущен оптовый рынок электроэнергии (исп. Mercado Eléctrico Mayorista). Частные инвестиции допускаются в производство электроэнергии и торговлю ей на оптовом рынке, а также через договоры с государством на финансирование, установку, управление и расширение сетевой и распределительной инфраструктуры.

Энергетический сектор Мексики достиг рекордных темпов либерализации и формирования открытого рынка, промышленные и розничные потребители получили конкурентные возможности на рынке, который ранее был монополизирован и контролировался государством. Одним из результатов реформы энергетики 2013 года стало привлечение частных инвестиций и увеличение доли ВИЭ в электрогенерации. В феврале 2018 года Министр энергетики заявил, что обновленная мексиканская энергетическая модель позволила привлечь инвестиции для реализации проектов в области разведки и добычи углеводородов, сейсморазведки, строительства новых газопроводов и новых мощностей электрогенерации на основе ВИЭ, совокупный объем которых превышает 200 млрд долл. США¹.

Новый курс энергетической политики

После участия в трех выборах подряд, в 2006, 2012 и 2018 годах, Андрес Мануэль Лопес Обрадор (далее – АМЛО²) был избран президентом Мексики 1 июля 2018 года и вступил в должность 1 декабря. АМЛО был избран президентом под знаменем Движения национального обновления (исп. Movimiento Regeneración Nacional – MORENA), которое он создал и официально зарегистрировал в качестве политической партии в 2014 году. Избрание нового президента на платформе националистической риторики и предлагаемые масштабные социальные программы вдохновили администрацию АМЛО на свертыwanie многих энергетических реформ предыдущей администрации и восстановление федерального правительства в качестве главного архитектора энергетического развития Мексики.

1 "Con los proyectos en este año las inversiones totales comprometidas con la Reforma Energética rebasarán los 200 mil millones de dólares: PJC," Gobierno de México, accessed April 9, 2020, <https://www.gob.mx/sener/prensa/con-los-proyectos-a-realizar-en-este-ano-las-inversiones-totales-comprometidas-con-la-reforma-energetica-van-a-rebasar-los-200-mil-millones-de-dolares-pjc>.

2 Используемое в Мексике сокращение имени президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора.

АМЛО провозгласил начало нового периода в истории Мексики, который он назвал четвертой трансформацией (далее – 4Т)¹. 4Т рассматривается как мирные и упорядоченные меры, направленные на искоренение коррупции и безнаказанности и уменьшение неравенства, и включает в себя реализацию правительственных энергетических «руководящих принципов, направленных на удовлетворение потребностей 130 млн человек населения страны»².

Ключевым элементом новой энергетической политики в контексте 4Т является обеспечение энергетического суверенитета. Концепция энергетического суверенитета, однако, не была определена федеральным правительством Мексики. Содержание данной концепции можно, вероятно, вывести из Доклада правительства 2018–2019 годов как достижение в среднесрочной перспективе энергетической самодостаточности при одновременном сокращении импорта топлива, а также гарантированное обеспечение электроэнергией и топливом по доступным ценам³.

Как прошлая, так и нынешняя администрация подчеркивает потенциальный дефицит предложения энергии по отношению к растущему спросу на нее, но они резко расходятся в своих трактовках того, каким образом необходимо подходить к решению проблемы дефицита предложения. В июле 2019 года в официальном правительственном издании (исп. *Diario Oficial de la Federación*) был опубликован обновленный Национальный план развития на 2019–2024 годы (исп. *Plan Nacional de Desarrollo*, далее – PND)⁴. В числе основных экономических целей в PND обозначено использование государственной нефтегазовой компании PEMEX и Федеральной комиссии по электроэнергетике CFE в качестве двигателей национального развития. Согласно бизнес-плану PEMEX на 2019–2023 годы, двумя основными целями энергетической политики являются «достижение энергетического суверенитета и содействие всестороннему развитию». В обоих случаях PEMEX играет решающую роль, восстанавливая свое доминирующее положение в добыче углеводородов⁵.

В PND первоочередное внимание уделяется восстановлению существующих и строительству новых нефтеперерабатывающих заводов, а также модернизации принадлежащих государству объектов по производству электроэнергии (гидроэлектростанций). Важно подчеркнуть, что в отличие от предыдущей версии документа в новом PND отсутствует упоминание о роли ВИЭ.

Для более глубокого понимания нового курса энергетической политики необходимо сделать ряд замечаний в отношении национальных настроений в данном контексте. Исторически, Мексика очень чувствительна к либерализации экономики⁶. В Мексике была сформирована сильная национальная идентичность, ассоциирующая использование углеводородов с национальным суверенитетом⁷. 18 марта в

1 В качестве трех предшествующих исторических трансформаций рассматриваются: война за независимость от испанцев (1810–1821); война за Реформу (1857–1861), после которой светская и церковная власти были разделены; Революция (1910–1917), которая закончилась принятием действующей Конституции Мексики.

2 De la Cruz and Reyes 2019.

3 "Primer Informe de Gobierno 2018–2019," Gobierno de México, accessed April 8, 2020, <https://presidente.gob.mx/wp-content/uploads/2019/09/PRIMER-INFORME-DE-GOBIERNO-2018-2019.pdf>.

4 "Plan Nacional de Desarrollo 2019–2024," Gobierno de México, accessed April 8, 2020, <https://www.gob.mx/cenace/acciones-y-programas/plan-nacional-de-desarrollo-2019-2024-195029>.

5 "Business Plan 2019–2023," PEMEX, accessed April 10, 2020, <https://www.bbvaresearch.com/en/publicaciones/mexico-2019-2023-pemex-business-plan-a-marginal-but-insufficient-progress/>.

6 Bonafe et al. 2016.

7 Mayer and Morales 1990.

Мексике отмечают годовщину национализации нефтяной промышленности¹. В исследовании, проведенном накануне выборов 2018 года, был сделан вывод о том, что мексиканская общественность (1) не осведомлена о кризисе, который ускорил необходимость энергетической реформы, (2) считает, что энергетическая реформа не дала положительных результатов, и (3) не испытывает доверия по отношению к частным инвестициям в энергетический сектор². Политический курс в отношении нефтяной отрасли оказывает существенное влияние на общественное восприятие федеральной политики в целом³. Изменения в энергетической политике, реализуемые новой администрацией, происходят на фоне заявлений о политических рисках, сопряженных со сформированными в ходе реформы новыми основами функционирования энергетической отрасли, и отражают как национальную склонность к государственной собственности на нефть, так и общественное недовольство первоначальными результатами энергетической реформы.

Согласно позиции новой администрации, энергетическая реформа 2013 года нанесла ущерб государственной компании PEMEX, а также CFE, в результате чего Мексика стала импортером нефти, а не экспортером⁴. Добыча нефти снизилась в 2018 году до самого низкого уровня с 1980 года, в связи с чем необходимо принятие мер для спасения PEMEX и увеличения производства углеводородного топлива и продуктов нефтехимии.

За последние два года с момента избрания АМЛО был предпринят целый ряд инициатив, направленных на свертыwanie многих энергетических реформ предыдущей администрации и восстановление федерального правительства в качестве главного архитектора энергетического развития в Мексике. В частности, были отменены ранее объявленные проекты по расширению энергетической инфраструктуры, включая проекты по строительству трубопроводов, ориентированные на перегруженные с точки зрения транспортировки районы. В качестве рыночного сигнала, свидетельствующего о перегруженности рынка, можно отметить существенную разницу стоимости транспортировки между различными частями страны, что затрудняет поставки природного газа из северных добывающих регионов, включая побережье Мексиканского залива, на рынки потребления в центральных и южных районах страны. Объявленные администрацией АМЛО планы строительства по всей стране электростанций, работающих на природном газе, могут оказать дополнительное давление на перегруженную трубопроводную систему Мексики. Целью данных проектов является удовлетворение растущих потребностей электроэнергетического сектора, которые в некоторых регионах, по оценкам, ежегодно увеличиваются на 10-15%. Рост энергопотребления в Мексике не проявляет никаких признаков замедления, несмотря на изменения в области энергетической политики, негативно влияющие на участие частного бизнеса в энергетическом секторе Мексики и потенциальный экономический спад по обе стороны американо-мексиканской границы. Напротив, Мексика обогнала Канаду как крупнейшего торгового партнера США, а мексиканский промышленный и электроэнергетический секторы постоянно увеличивают свои потребности в импорте природного газа из США. С одной стороны, учитывая конкурентоспособность импорта газа из США с точки зрения стоимости, этот импорт остается для Мексики важным для сохранения стабильных цен на энергоноси-

1 До 1938 года нефть в Мексике добывалась иностранными компаниями. После сокращения объемов добычи в 1923 году значительная часть инвестиций США была направлена в Венесуэлу. Президенту Ласаро Карденасу пришлось предпринять серьезные усилия для поднятия экономики Мексики. Одним из главных шагов была экспроприация нефтяной промышленности. Все запасы нефти в Мексике были национализированы, а оборудование иностранных нефтяных компаний в Мексике было экспроприировано.

2 Pascual et al. 2018.

3 Wood 2018.

4 "Plan Nacional de Desarrollo 2019-2024."

тели. С другой стороны, PEMEX, которая смогла замедлить и, возможно, стабилизировать снижение объемов добычи нефти и газа на своих месторождениях за счет увеличения капитальных инвестиций и технического обслуживания, продолжает бороться за увеличение конкурентоспособных по стоимости поставок природного газа на внутреннем рынке. Тем не менее в краткосрочной перспективе зависимость Мексики от импорта природного газа из США будет, вероятно, сохраняться, продолжая неразрывно связывать оба рынка в качестве необходимого поставщика и потребителя.

Основные направления энергетической политики

Меры, направленные на достижение энергетического суверенитета и энергетической безопасности, включают: строительство нефтеперерабатывающего завода Dos Bocas в штате Табаско, реализацию плана вывода из сложной финансовой ситуации государственной добывающей компании PEMEX, а также активизацию борьбы с незаконной добычей углеводородов.

Строительство НПЗ Dos Bocas

Объем добычи нефти в стране упал в 2018 году до исторического минимума за последние 30 лет. Объем добычи газа также ежегодно снижался с 2013 года¹. Ежегодный объем импорта нефтепродуктов (включая бензин, дизельное топливо, авиационное топливо) составляет около 19 млрд долл. США². За время работы администрации Пенья Ньето с декабря 2012 по ноябрь 2018 года импорт нефти и нефтепродуктов из США удвоился³. АМЛО обозначил намерение изменить практику экспорта нефти в США для ее последующей переработки и импорта в Мексику, назвав ее дорогостоящей и нецелесообразной. В соответствии с данными Главного управления по аудиту (исп. Auditoría Superior de la Federación, далее – ASF), в течение «2013–2016 годов, когда началась энергетическая реформа, импорт бензина и дизельного топлива вырос на 46% и 74,4%, а производство сократилось на 27% и 31% соответственно»⁴. ASF отмечает, что в 2016 году стоимость производства бензина марок Magna и Premium, а также дизеля была на 61,1%, 56,2% и 61,5% ниже, чем стоимость импорта ввиду снижения стоимости нефти и ослабления курса национальной валюты по отношению к доллару США. Тем не менее возможность извлечь выгоду из этой ситуации была упущена в связи с низким внутренним производством бензина и дизельного топлива, обусловленным недостаточностью перерабатывающих мощностей. В Мексике функционирует всего шесть нефтеперерабатывающих заводов, которые работают с максимальной мощностью и нуждаются в срочном техническом обслуживании и модернизации. Наиболее современные НПЗ Salina Cruz в штате Оахака и Cadereyta в штате Нуэво-Леон были построены в 1979 году.

Для сокращения зависимости от импорта нефтепродуктов из США Министерство энергетики (далее – SENER) объявило о планах по восстановлению шести существующих нефтеперерабатывающих заводов, чтобы обеспечить производство 600 тыс. барр. бензина в день, а также инициировало проект строительства крупного НПЗ Dos Bocas в штате Табаско.

1 "BP statistical review – 2019. The Mexico Energy Market in 2018," BP, accessed April 8, 2020, <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-mexico-insight.pdf>.

2 Karol García, "México importó gasolina a un nivel récord en el 2018," *El Economista*, March 4, 2019, <https://www.eleconomista.com.mx/empresas/Mexico-importogasolina-a-un-nivel-record-en-el-2018-20190303-0113.html>.

3 "U.S. exports to Mexico of crude oil and petroleum products."

4 "Informe individual del resultado de la fiscalización superior de la cuenta pública 2016," ASF, accessed April 10, 2020, https://www.asf.gob.mx/Trans/Informes/IR2016b/Documentos/Auditorias/2016_0482_a.pdf.

SENER обозначает такие преимущества расширения внутренних перерабатывающих мощностей как создание 135 тыс. прямых и косвенных рабочих мест, стимулирование двусторонних связей нефтеперерабатывающего сектора с остальной экономикой, сокращение дефицита поставок бензина и дизельного топлива¹. В соответствии с планами администрации АМЛО, стоимость проекта по строительству НПЗ Dos Bocas составит около 8 млрд долл. США, а сроки реализации – около трех лет.

По итогам оценки воздействия на окружающую среду, проведенной Мексиканским институтом нефти IMP, «реализация проекта окажет умеренное воздействие на окружающую среду, которое будет контролироваться, минимизироваться или компенсироваться с помощью различных систем экологического контроля, программ охраны и управления дикой природой, а также программ лесовосстановления»². Согласно техническому отчету IMP, НПЗ Dos Bocas будет состоять из 17 перерабатывающих объектов и будет перерабатывать 340 тыс. барр. тяжелой нефти сорта Maya в день³. Мексиканская нефть сорта Maya имеет высокое содержание серы, что может затруднить ее переработку и коммерциализацию. Хотя оценка технико-экономической обоснованности проекта представляется преждевременной, очевидно, что это ключевой инфраструктурный проект администрации АМЛО. На фоне сокращения государственного бюджета в других сферах планируемый размер государственных инвестиций в строительство НПЗ в течение 2020 года составит около 2 млрд долл. США. С финансовой точки зрения, ключевым конкурентным фактором НПЗ Dos Bocas является существенно более низкая себестоимость внутреннего производства дизельного топлива и бензина по сравнению с импортом, что в свою очередь зависит главным образом от курса национальной валюты, а также цен на первичное сырье.

Укрепление финансовой стабильности PEMEX

За шестилетний срок нахождения у власти бывшего президента долг компании PEMEX практически удвоился, увеличившись с 59,6 млрд долл. США по состоянию на 31 декабря 2012 года до 103,8 млрд долл. США по состоянию на 31 июля 2018 года⁴. Существенная долговая нагрузка ограничивает инвестиционные возможности компании. Поддержка PEMEX заявлена в качестве приоритета финансовой политики действующего правительства. В декабре 2018 года правительство Мексики представило свой план спасения нефтяной отрасли и восстановления добычи государственной компании. Целью реализации плана является укрепление финансовой стабильности компании, улучшение показателей рентабельности для внесения стратегического долгосрочного вклада в мексиканскую экономику.

В мае 2019 года власти Мексики объявили о намерении снизить фискальную нагрузку на PEMEX на 128 млрд песо в 2020–2021 годах. В сентябре правительство сообщило о докапитализации нефтяной компании посредством внесения в уставный капитал суммы в мексиканских песо, эквивалентной 5 млрд долл. США. Меры по докапитализации компании были объявлены одновременно с сообщением о выпуске облигаций PEMEX со сроком погашения 7, 10 и 30 лет на сумму 15 млрд долл. США. При поддержке правительства компания планирует к 2024 году увеличить добычу до 2,7 млн барр. в сутки.

1 "Construcción de Refinería en Tabasco permitirá generar hasta 135 mil empleos directos e indirectos: Rocío Nahle," Secretaría de Energía, accessed April 9, 2020, <https://www.gob.mx/sener/articulos/construccion-de-refineria-en-tabasco-permitira-generar-hasta-135-mil-empleos-directos-e-indirectos-rocio-nahle-222502>.

2 "Manifestación de Impacto Ambiental, Modalidad Regional," Refinería de Dos Bocas, Gobierno de México, accessed April 9, 2020, https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/474070/Cap_tulo_IV_MIA__11-06-2019__5.pdf.

3 "Refinería Dos Bocas. Dictamen de ingeniería DT/IMP-001/19, 1/Marzo/2019," Dos Bocas, accessed April 9, 2020, https://dosbocas.energia.gob.mx/Documentos/Dictamen_Ingenieria%20Dictamen_IMP_Dos_Bocas.pdf.

4 "Situación Financiera de PEMEX (Consolidado). 2018," PEMEX, accessed April 10, 2020, <https://www.cuentapublica.hacienda.gob.mx/work/models/CP/2018/tomo/VIII/TYY.02.NEF.pdf>.

В бизнес-плане компании на 2019–2023 годы обозначены следующие элементы стратегии по укреплению финансового положения PEMEX: 1) поддержание нулевой чистой задолженности в реальном выражении; 2) внедрение мониторинга и схемы контроля за доходами и расходами компании, а также укрепление координации между дочерними и центральными корпоративными структурами для достижения целей финансового баланса; 3) поддержание финансовой дисциплины в операционном и инвестиционном бюджетах; 4) разработка и внедрение схем для привлечения частных инвестиций¹. План также включает инициативы по увеличению доказанных запасов и объемов добычи углеводородов. Однако агентство Fitch Ratings отметило, что несоответствие между планируемым уровнем добычи и историческим средним приростом доказанных запасов «может привести к значительному снижению жизненного цикла месторождений до менее трех лет к 2024 году с текущего уровня в примерно 7,2 года в случае достижения обозначенных целей добычи»².

Эксперты отмечают, что именно способность эффективно реализовать план спасения компании PEMEX будет предопределять степень успешности текущего правительства³. МВФ отмечает необходимость повышения качества управления компанией, обеспечения большей прозрачности деятельности, а также снижения уровня преступности в нефтяном секторе экономики⁴.

Борьба с хищениями углеводородов

В Мексике широко распространена противозаконная деятельность в области углеводородов. Основными способами хищения являются врезка в трубопроводные системы PEMEX, а также вооруженный захват танкеров. Количество случаев нелегальной врезки составило 14,894 в 2018 году. С 2006 по 2018 год в период администрации Калдерона и Пено Ньета имел место экспоненциальный рост в объемах хищений, сопровождаемый усилением организованной преступности и вовлечением сотрудников компании PEMEX и чиновников. Как отметил директор Центра исследований и национальной безопасности (исп. Centro de Investigación y Seguridad Nacional – CISEN)⁵, деятельность в области хищений углеводородов преобразовалась из локальной и не носящей насильственного характера в организованную преступность, реализуемую с участием наркокартелей, имеющих широкие возможности для совершения противоправных действий⁶.

В 2013 году в ходе реализации реформы энергетики был сформирован директорат стратегической безопасности компании PEMEX, ответственный за обеспечение безопасности нефтегазовой инфраструктуры компании, координацию действий по надзору и гарантирующий целостность и беспрепятственное осуществление компанией операционной деятельности. В 2019 году Генеральная прокуратура Мексики (исп. Fiscalía General de la República – FGR) выдвинула обвинения в хищении углеводородов против руководителя данного директората. Финансовые потери компании PEMEX в результате хищения углеводородов в 2018 году оцениваются в 60 млрд мексиканских

1 "PEMEX Business Plan 2019–2023," PEMEX, accessed April 10, 2020, https://www.pemex.com/acerca/plan-de-negocios/Documents/PEMEX_BUSINESS_PLAN_2019_2023.pdf.

2 "PEMEX's 2019–2023 Business Plan confirms risk to credit profile," Fitch Ratings, accessed April 10, 2020, <https://www.fitchratings.com/site/re/10085598>.

3 Lorenzo Meyer, "PEMEX o no PEMEX, Esa es la cuestión," *El Universal*, May 12, 2019, <https://www.eluniversal.com.mx/columna/lorenzo-meyer/nacion/pemex-o-no-pemex-esa-no-es-la-cuestion>.

4 "Mexico: Fiscal Transparency Evaluation. IMF Country Reports 18/289," International Monetary Fund, accessed April 11, 2020, <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2018/10/03/Mexico-Fiscal-Transparency-Evaluation-46282>.

5 В 2018 году Центр был переименован в Centro Nacional de Inteligencia (CNI).

6 Tania L. Montalvo, "Así evolucionó el robo de combustible en México hasta provocar pérdidas millonarias," *Animal Político*, February 3, 2017, <https://www.animalpolitico.com/2017/02/robo-combustible-mexico/>.

песо (более 3 млрд долл. США)¹. Значительный масштаб убытков от незаконной деятельности в нефтегазовой отрасли позволяет рассматривать ее в качестве «угрозы для нации»².

27 декабря 2018 года президент АМЛО представил Совместный план борьбы с хищением углеводородов, предполагающий вовлечение в его реализацию 15 секретариатов федерального правительства и более 4 тыс. сотрудников Министерства национальной обороны (исп. Secretaría de la Defensa Nacional – SEDENA), Военно-морского флота (исп. Secretaría de la Marina Armada) и Национальной гвардии (исп. Guardia Nacional).

В целях усиления стратегии федерального правительства по борьбе с хищениями углеводородов 25 июля 2019 года Палата депутатов (исп. Cámara de Diputados) двухпалатного Генерального Конгресса Мексиканских Соединенных Штатов (исп. Congreso General de los Estados Unidos Mexicanos) одобрила Федеральный закон «Об истечении срока собственности» (исп. Ley Nacional de Extinción de Dominio), в соответствии с которым товары, произведенные в результате преступлений, связанных с углеводородами, нефтью и нефтепродуктами, подлежат *истечению* прав собственности³. Последнее определяется как утрата лицом прав в отношении определенной в законе собственности, в отношении которой вынесено судебное решение, без компенсации. Рассмотренный закон предоставляет новые правовые инструменты для борьбы с хищением углеводородов и направлен на снижение привлекательности данного вида деятельности. В то же время нужно отметить, что предыдущие законодательные инициативы, направленные на совершенствование законодательства посредством устранения имеющихся пробелов, более детальной регламентации и ужесточения ответственности за совершение преступлений, не оказали существенного влияния на снижение уровня хищений нефти и нефтепродуктов. Так, несмотря на принятие в 2016 году Федерального закона «О предотвращении преступлений в сфере углеводородов и привлечении к ответственности за их совершение» (исп. Ley Federal para Prevenir y Sancionar los Delitos Cometidos), криминализирующего деяния в сфере углеводородов, нефтеносных и нефтехимических веществ и предусматривающего строгие наказания за незаконные изъятие, хранение, транспортировку, отчуждение, поставку и распространение углеводородов, а также за другие деяния, связанные с указанными видами деятельности, объемы хищений продолжали увеличиваться, как минимум, до конца 2018 года⁴.

Комментируя результаты реализации Совместного плана борьбы с хищением углеводородов, генеральный директор компании PEMEX Октавио Ромеро Оропеса объявил о снижении объемов хищений углеводородов на 95% с 81 тыс. барр. в сутки в

1 "Presidente López Obrador presenta Plan Conjunto de Atención a Instalaciones Estratégicas de Pemex: 'No habrá tolerancia para nadie'," Gobierno de México, accessed April 11, 2020, <https://www.gob.mx/presidencia/prensa/presidente-lopez-obrador-presenta-plan-conjunto-de-atencion-a-instalaciones-estrategicas-de-pemex-no-habra-tolerancia-para-nadie?idiom=es>.

2 "El robo de combustible: asalto a la nación: Cuestionamiento del Estado de Derecho. Documento de trabajo núm. 253," Legislatura LXIII, accessed April 11, 2020, <http://www5.diputados.gob.mx/index.php/camara/Centros-de-Estudio/CESOP/Estudios-e-Investigaciones/Documentos-de-Trabajo/No.-253-El-robo-de-combustible-asalto-a-la-nacion.-Cuestionamiento-del-Estado-de-Derecho>.

3 "Aprueban diputados, en lo general, minuta que expide la Ley Nacional de Extinción de Dominio," Cámara de Diputados, accessed April 11, 2020, <http://www5.diputados.gob.mx/index.php/esl/Comunicacion/Agencia-de-Noticias/2019/Julio/25/2655-Aprueban-diputados-en-lo-general-minuta-que-expide-la-Ley-Nacional-de-Extincion-de-Dominio>.

4 Гулиев, Алякин 2018.

ноябре 2018 года до 2 тыс. барр. в сутки в апреле 2019 года¹. Позитивный тренд подтверждается статистикой, представленной на официальном информационном ресурсе Министерства безопасности и защиты граждан (исп. Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana – SSPC), публикующем на ежедневной основе предоставляемые компанией PEMEX данные об объемах хищений углеводородов². Тем не менее необходимо отметить, что методы сбора данных являются непрозрачными, а возможность получения сравнительных данных из альтернативных источников затруднена.

Электроэнергетический сектор

Одним из ключевых инструментов, используемых для планирования и решения проблем электроэнергетического сектора, является Национальная программа развития электроэнергетического сектора (Programa de Desarrollo del Sistema Eléctrico Nacional – PRODESEN). Она включает в себя обзор электроэнергетического сектора на ближайшие 15 лет. В последней версии PRODESEN 2019–2033 критикуется влияние энергетической реформы предыдущей администрации на CFE и допускается пересмотр в той или иной форме некоторых нормативных актов. В частности, в документе отмечаются злоупотребления, связанные с введенными ранее договорами автономного электроснабжения. В соответствии с PRODESEN 2019–2033, инвестиционные потребности наблюдаются в основном в проектах, направленных на удовлетворение растущего спроса в электроэнергии; при этом приоритетными являются проекты, связанные с реактивацией электростанций CFE, внедрением в среднесрочной перспективе установок с комбинированным циклом и геотермальных электростанций, эффективной когенерацией, а также реконструкцией и модернизацией действующих гидроэлектростанций.

* * *

Мексиканский энергетический сектор сталкивается с серьезными вызовами. Чтобы стабилизировать или добиться любого значительного увеличения добычи в условиях усиливающейся глобальной конкуренции за инвестиции в области энергетики, Мексике потребуются капитал и технологии со стороны частных инвесторов. В то же время результатом действий правительства, свидетельствующем о смене курса энергетической политики, стала неопределенность в отношении надежности контролируемых правительством потоков доходов, стабильности регулирования, предсказуемости цен и способности Мексики продолжать привлекать частные инвестиции. Ситуация, связанная с коронавирусной пандемией, может еще более усугубить и расширить проблемы, стоящие перед мексиканским энергетическим сектором. В апреле 2020 года мексиканское правительство подтвердило свое намерение выпустить обновленный план развития энергетической инфраструктуры, несмотря на кризис COVID-19, и фактически рассматривает выпуск этого плана как контрциклическую меру для противодействия любому замедлению мексиканской экономики, вызванному COVID-19. Перед правительством Мексики стоит сложная задача достижения баланса между обеспечением благоприятного инвестиционного климата и реализацией планов по усилению роли и восстановлению финансовой стабильности государственной компании PEMEX.

1 "Disminuye 95 porciento el robo de combustible en México e incrementa producción de crudo," PEMEX, accessed April 11, 2020, https://www.pemex.com/saladeprensa/boletines_nacionales/Paginas/2019-014-nacional.aspx.

2 "Desvío de hidrocarburos," Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana, accessed April 11, 2020, <http://www.informeseguridad.cns.gob.mx/>.

→ Список литературы / References

Гулиев, И.А., Алякин, Д.С. Противодействие преступлениям в нефтяном секторе экономики по праву Мексиканских Соединенных Штатов // *Экономика и предпринимательство*. – 2018. – №7(96). – С. 69-73. [Guliev, I.A., Alyakin, D.S. Protivodeistvie prestupleniyam v neftyanom sektore ekonomiki po pravu Meksikanskikh Soedinennykh Shtatov [Combating Petroleum Crimes under the Law of the United Mexican States]. // *Journal of Economy and entrepreneurship*. – 2018. – No. 7 (96). – P. 69-73.] [In Russian]

Bonafe, Ernesto, Ernesto Beltran Nishizaki, and Juan Felipe Neira Castro. *Mexico's Energy Sector under the Universal Principles of the 2015 International Energy Charter*. Brussels: Energy Charter Secretariat Knowledge Centre, 2016. https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Occasional/Mexico_Report.pdf.

De la Cruz, Lugardo, Pedro Isnardo, and Juan Carlos Reyes Torres. *Para entender la 4T* [To understand 4T]. Mexico City: Stonehenge Books Mexico, 2019. [In Spanish]

García-Ochoa, Rigoberto, and Boris Graizbord. "Caracterización espacial de la pobreza energética en México. Un análisis a escala subnacional" [Spatial characterization of fuel poverty in Mexico. An analysis at the subnational scale]. *Economía, Sociedad y Territorio* 16, no. 51 (May-August 2016): 289-337. <https://doi.org/10.22136/est002016465>. [In Spanish]

Mayer, Lorenzo, and Isidro Morales. *Petróleo y nación: La política petrolera en México (1900-1987)* [Oil and nation: Oil policy in Mexico (1900-1987)]. México: Fondo de Cultura Económica, 1990. [In Spanish]

Pascual, Carlos, David G. Victor, and Rafael Fernandez de Castro Medinas. *Will Mexican energy reform survive political transition? What Mexicans think*. Washington, DC: Brookings Institution, 2018. <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/06/Mexico-Energy-Poll-web-final.pdf>.

Wood, Duncan, ed. *Mexico's New Energy Reform*. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars Mexico Institute, 2018. https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/mexicos_new_energy_reform.pdf.

Energy industry in Mexico. Policy change and rethinking of energy reform results

I.A. Guliyev, Y.V. Solovova

→ Abstract

The article explores the energy industry in Mexico. The authors analyze the shift of energy policy course (after the new president took office in 2019) built upon ensuring energy sovereignty as a central element. The article identifies the main directions of current energy policy as reflected in key strategic documents, including the National Development Plan 2019-2024 and the National Electricity Sector Development Programme 2019-2033. Characteristics of the energy reform in 2013, its background and content, as well as the results are presented, and regulatory framework of energy sector formed during the reform is outlined.

→ Keywords

Mexico, energy policy, energy reform, energy security, energy sovereignty, energy diplomacy

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-61-74>

Research article

Igbal A. Guliyev, PhD (Economics), Deputy Director, International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow (Russia)

E-mail: guliyevia@mail.ru

Yulia V. Solovova, Senior Analyst, Centre for Strategic Studies in Energy and Digital Economy, International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow (Russia)

E-mail: yulia.solovova@gmail.com

For citation: Guliyev I.A., Solovova Y.V. Energy industry in Mexico. Policy change and rethinking of energy reform results. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 61-74.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-61-74>.

Received: 30.04.2020

Accepted: 29.05.2020

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА • Tema actual

México: COVID-19 ¿virus de letalidad sobre la economía azteca o la posibilidad de generar anticuerpos al subdesarrollo?

Aida C. Acosta

→ Resumen

El presente trabajo aborda el análisis de los efectos de la pandemia de COVID-19 en materia de las Relaciones Internacionales de México y las consecuencias factibles que podrán percibirse en el corto y mediano plazo de la presidencia de Andrés Manuel López Obrador. La llegada del actual presidente supuso en el año 2018 un cambio de paradigmas en la política doméstica mexicana y fue percibido por los países de la región como la posibilidad de que México retomara sus lazos multilaterales con el resto del continente latinoamericano. México llega a la pandemia del COVID-19, tras haber estado además en el ojo de la tormenta de la crisis migratoria que desató la caravana centroamericana entre 2017 y 2018. La devaluación del peso mexicano y la caída del precio del petróleo son, asimismo, problemas pre-existentes que vienen minando las posibilidades de desarrollo que López Obrador se propuso en campaña. Sin embargo, y ante pronósticos desalentadores de indicadores socioeconómicos en la región intentaremos resaltar las posibilidades de México como una de las economías más grandes del continente: puede hallar la salida a una tormenta perfecta que podría ser la génesis de modificaciones estructurales hacia el desarrollo. Para ello, se tomaron cuatro ejes en torno a los cuales se busca explicar la performance mexicana ante el impacto de las medidas de confinamiento en el presente año 2020. Los ejes mencionados son: fenómeno migratorio; comercio internacional; cooperación regional; política exterior e integración latinoamericana. En el abordaje de los mencionados ítems, haremos un análisis interdisciplinario de los factores que convergieron, a nuestro parecer, para perjudicar indicadores económicos y sociales en el marco de la fragilidad expuesta por la situación global a merced de los efectos del Coronavirus, además de que orientaremos sobre las herramientas que el país podría instrumentar para fortalecer su posicionamiento regional. El presente trabajo se inscribe teóricamente entre los enfoques de las teorías del desarrollo y los teóricos de la dependencia latinoamericana, para de igual manera que lo hicieron los autores del siglo XX, intentar ver el vaso medio lleno en ésta oportunidad y augurar posibilidades de maniobra en medio de la crisis.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-75-83>

Artículo de investigación

Aida Cecilia Acosta, analista, internacionalista, Universidad Católica de Salta (Argentina); fundadora, "From Corrientes to the World" consultoría

E-mail: aceacostarrii@gmail.com

Para citar: Acosta, Aida Cecilia. "México: COVID-19 ¿virus de letalidad sobre la economía azteca o la posibilidad de generar anticuerpos al subdesarrollo?" [Mexico: COVID-19 – a lethal virus for the Aztec economy or a possibility of generating antibodies to underdevelopment?]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 75-83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-75-83>. [In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 13.06.2020

Aceptado para publicación: 08.07.2020

→ Palabras claves

Latinoamérica, integración, México, regionalismo, fenómenos migratorios, desarrollo, COVID-19

El contexto mexicano

Para poder comprender las consecuencias de la pandemia de COVID-19 y las implicancias que ésta tendrá en México, debemos elaborar primero una construcción del contexto en que el país llega a esta coyuntura internacional.

La llegada de Andrés Manuel López Obrador supuso, como mínimo, el cambio de paradigmas en un país que siempre había sido conducido por dirigentes de los dos partidos mayoritarios: Partido de Acción Nacional (PAN) y Partido Revolucionario Institucional (PRI). Sin embargo, el veterano de tres candidaturas presidenciales fallidas y ex alcalde del Distrito Federal (D.F.), logró una victoria aplastante en 2018 con más del 53% de los votos¹ al frente de una coalición que podríamos caracterizar como "de izquierda". Creador y dirigente de Movimiento de Regeneración Nacional (MORENA), posteriormente elaboró una coalición electoral denominada como "Juntos Haremos Historia". De hecho, la candidatura de López Obrador estuvo comparada con la de Jeremy Corbyn en Reino Unido y apoyada por dirigentes del exterior, afines a sus tendencias ideológicas.

Su plataforma política se centró en los reclamos históricos de las bases populares de la ciudadanía mexicana. En este punto cabe recordar que de acuerdo con datos de Human Rights Watch² y de la Comisión Económica Permanente para América Latina y el Caribe (CEPAL),³ la movilidad social en las últimas décadas se ha resentido y anquilosado en un país donde la bonanza del neoliberalismo no ha llegado a toda la población por igual y la desigualdad se ha acrecentado considerablemente. Basta recordar que gran parte del producto interno bruto (PIB) de México es dependiente de las remesas de migrantes en el exterior que las giran a sus familias. De ésta manera, podemos comprender como una propuesta electoral basada en el incentivo a los estudiantes universitarios y la promesa de planes sociales para personas más carenciadas, prendió con éxito en los sectores demográficos postergados.

Las elecciones presidenciales tuvieron como marco un clima institucional enrarecido por las denuncias y acusaciones al entonces presidente Enrique Peña Nieto; tanto por casos de corrupción (notoriamente de los contratos relacionados al Nuevo Aeropuerto Internacional de la Ciudad de México o D.F.) como además de una expansión considerable del narcotráfico que demostró la capacidad paramilitar de los carteles. México recibió con beneplácito la posibilidad de un cambio en la política nacional acuciado principalmente por la crisis migratoria de Centroamérica, los cambios en la política comercial de Estados Unidos y una situación de seguridad interna inestable. En un estado cada vez más ausente... el *asistencialismo* y el estado paternalista suelen dar seguridad a las poblaciones latinas tanta veces huérfanas de su destino.

Éramos pocos... y surgió la pandemia

Los países latinoamericanos no se caracterizan por tener planes a largo plazo para sus políticas públicas ni por elaborar planes de previsión o contingencia en "caso de". No suele haber plan B en Latinoamérica y México, obviamente no es la excepción. Porque aunque, autores como Samuel Huntington se haya empeñado en enarbolando definiciones de "países escindidos" para definir a México,⁴ lo cierto es que no se puede enseñar a

1 Javier Lafuente, "La victoria de López Obrador lleva al poder a la izquierda en México," *El País*, July 2, 2018, https://elpais.com/internacional/2018/07/02/mexico/1530496335_470433.html.

2 "Mexico. Events of 2018," Human Rights Watch, accessed June 10, 2020, <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/mexico>.

3 Franco et al. 2007.

4 Huntington 1996, 139.

un perro viejo nuevos trucos. Los catálogos y caracterizaciones totalitarias o reductoras de la corriente realista de las relaciones internacionales no hacen más que un sincretismo que muchas veces peca de simplista para una realidad tan compleja como la latina.

Los países latinos son nacidos y engendrados de una lucha emancipadora que nunca terminó, antes con la metrópolis y luego como "backyard estadounidense". Ese siempre "despegar a medias" ha caracterizado la práctica vacilante pero a la vez extremista de las democracias latinoamericanas, que conlleva que ante cualquier cambio en el cargo presidencial, se baraje y se reparta de nuevo. La falta de continuidad en las presidencias deja a la vista aún un sistema de *caudillismo* que sobrevive. Ello, en gran parte debido a que los presidencialismos imponen su tinte personal a la política económica y exterior de los países de la región latinoamericana.

Dicho esto, cuando la OMS reconoció el estado pandémico global en marzo de 2020,¹ lo demás era esperable... la recesión económica de la región latina y el costo social se llevarían puesto todo intento endeble de desarrollo a nivel local. En éste punto, claramente la recesión estaría jalonada fuertemente por las economías más grandes: México, Brasil y Argentina.

Las estimaciones de la CEPAL, en torno a las consecuencias que la pandemia tendrá en México, anticipan en el mejor de los casos una caída del 6,5% del PBI, siendo que la región latinoamericana decaerá un 5,3%.² El panorama angustiante pone en una encrucijada al país azteca, donde las medidas de distanciamiento junto con la contracción económica y productiva de la región no favorecen el horizonte del día después.

Para que podamos ilustrar la magnitud de la caída de la actividad productiva en todos los sectores económicos, deberíamos retroceder hasta la época de la gran depresión de 1930 o al parate que significó el estallido de la Primera Guerra Mundial en 1914,³ para encontrar un ejemplo histórico similar.

Entre los detonantes de esta *olla a presión*, que es México en épocas del COVID-19, podemos citar:

- la interrupción en las cadenas de valor y de suministros;
- el hecho de que las economías más grandes de la región, como Brasil y México, se dedican casi exclusivamente al sector manufacturero de exportación como socios complementarios de países industrializados (como Estados Unidos en el caso mexicano);
- el impacto de la reducción de la actividad de Estados Unidos;
- desaceleración de la demanda de la economía china, principal compradora de productos del agro y materias primas extractivas latinoamericanas;
- la reducción del comercio exterior;
- caída de los precios en productos primarios;
- temores de inversión frente al riesgo potencial;
- peores condiciones de financiamiento internacional;
- caída del sector turístico;
- reducción de las remesas.

1 "WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19 – 11 March 2020," World Health Organization, accessed June 10, 2020, <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020>.

2 "Dimensionar los efectos del COVID-19 para pensar en la reactivación. Informe Especial COVID-19," *Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC)*, April 21, 2020, https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45445/4/S2000286_es.pdf.

3 "Coyuntura Laboral en América Latina y el Caribe. El trabajo en tiempos de pandemia: desafíos frente a la enfermedad por coronavirus (COVID-19)," *Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC)*, *International Labour Organization (ILO)*, May, 2020, <https://www.cepal.org/es/publicaciones/45557-coyuntura-laboral-america-latina-caribe-trabajo-tiempos-pandemia-desafios-frente>.

Los organismos supranacionales, tanto como el Banco Interamericano de Desarrollo (BID) y CEPAL, han advertido de la necesidad que en ésta coyuntura se genere el acceso a recursos financieros con características flexibles y donde la ayuda o cooperación multilateral para el desarrollo se intensifique.¹

Es precisa una visión interdisciplinaria para que el análisis de respuestas no se centre solo en el aspecto económico o financiero. Las propuestas de alivios y condonaciones para incentivar o sostener ciertos sectores productivos, son las aristas a tener en cuenta.

Asimismo, deberíamos preguntarnos si realmente las posibilidades de financiamiento son la respuesta adecuada para economías poco desarrolladas como las latinas... pero superando ese *pregón*, lo cierto es que México accedió recientemente a una línea de financiamiento del Banco Mundial (BM) que le otorgó un crédito por mil millones de dólares.² Aunque la administración de López Obrador se encargó de minimizar el monto, lo cierto es que la memoria reciente de la "Crisis del Tequila" y la crisis de deuda externa de la presidencia de Miguel de La Madrid, se mantienen presentes en el ideario colectivo.

Justamente el historial de endeudamiento de México no es diferente al resto de las deudas externas regionales (desde la Crisis de Deuda externa en 1982 hasta la Crisis del Tequila en los 90, por nombrar algunos acontecimientos). Sin embargo estamos siempre ante esta posibilidad de seducción en la que las naciones latinoamericanas acostumbran a caer: el continuo espiral hipnótico de creer que el endeudamiento crediticio es sine qua non de la generación de empleos y desarrollo, cuando lo importante es cuestionarse si el endeudamiento será para generar y sostener inversiones en el desarrollo a largo plazo o se conformarán en hacer de sostén al gasto público *asistencialista*.

Esta es una reflexión oportuna si consideramos los indicadores laborales que México afronta en esta pandemia. En toda la región latinoamericana el Observatorio Permanente del COVID-19 de la CELAC supone un nivel de desempleo que superará la cifra de 30 millones de habitantes,³ quienes serán víctimas del desempleo y pasarán a engrosar el índice de pobreza de la región, de entre las cuales las más afectadas serán las mujeres, ya que la desigualdad de género aumentará porque se incrementará la sobrecarga de trabajo doméstico no remunerado para con las ciudadanas latinas.

El impacto de las medidas de aislamiento y distanciamiento social se hace sentir fuertemente en los emprendimientos jóvenes de Centroamérica, principalmente en aquellos que no superan los 3 años en actividad.

Como bien exponen los redactores del informe de Perspectivas Globales del Banco Mundial 2020, las medidas adoptadas para detener el avance y la propagación del COVID-19. En palabras de Kantis y Angelelli estamos frente a "un costo del 75% de reducción de la actividad productiva; ello nos coloca como humanidad en un punto que retrocede 150 años en materia de crecimiento de la economía global."⁴

En el análisis de Kantis y Angelelli, los autores advierten que "para la región de México y el Caribe 2 de cada 3 emprendimientos han visto caer el ánimo del equipo de trabajo y 8 de cada 10 emprendimientos señalan que se consideran fuertemente afectados."⁵ Las empresas centroamericanas son las más afectadas, principalmente en México han reportado una disminución en el flujo de caja y una reducción de las ventas de hasta los dos tercios.

1 Castellani et al. 2020.

2 "Mexico takes out \$1 billion loan from World Bank: newspaper," *Reuters*, June 8, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-mexico-world-bank/mexico-takes-out-1-billion-loan-from-world-bank-newspaper-idUSKBN23E0UB>.

3 "Dimensionar los efectos del COVID-19 para pensar en la reactivación. Informe Especial COVID-19," Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC), accessed June 10, 2020, https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45445/4/S2000286_es.pdf.

4 Kantis and Angelelli 2020, 4.

5 Ibid.

Sin embargo, aun cuando la industria, el comercio y el turismo reportan una situación crítica; el sector tecnológico mexicano ha demostrado ser más dinámico: solo el 29% de facturación¹ se ha visto afectado, en comparación con sectores golpeados como el tiempo libre y el entretenimiento.

Ante esta circunstancia podemos advertir que los beneficiados serán indefectiblemente los sectores relacionados y aggiornados a los cambios que representa la revolución digital, representando estos a su vez posibilidades de desarrollo que países como México deberían fomentar.

La economía mexicana hasta aquí dependía fuertemente del valor del petróleo, pero los cuestionados contratos de Petróleos Mexicanos (PEMEX) pusieron en evidencia las problemáticas de un país que distaba mucho de tener *soberanía energética* aun cuando contaba con el recurso natural. De hecho, las *prácticas extractivistas* y las actividades primarias relacionadas a productos alimenticios tienen menos demanda a nivel global, de lo que tenían en el período 2008-2014. Esta situación debería poder servir a México para fomentar el conocimiento tecnológico y digital: ya que la existencia de apoyo del sector público, puede generar expectativas de recuperación y mayor resiliencia en un campo en el que la región aún continúa rezagada.

Estas políticas de fomento deberían aunarse con estrategias que en los próximos dos años contemplan la posibilidad de la prolongación de la pandemia. Sin embargo, para ello México deberá evitar tomar decisiones tardías en materia de coordinación y salud pública; si bien la medida de suspensión de actividades fue acertada, no fue oportuna y tampoco lo fue la implementación del proyecto *centinela*; ya que este último expuso a la población de manera innecesaria y evitó dar un mapa de testeos verídicos.²

Hoy día, al momento de la redacción de este trabajo, México ya suma más de 15 mil fallecidos y un tipo de comunicación oficial donde los estados se quejan de la inacción en materia de cifras reales por parte del gobierno federal. Entre tanto, la zona más afectada continúa siendo el D.F., y si bien sólo el 39% de las camas han sido ocupadas, el gobierno federal prevé un pico de contagio en junio y que los efectos se prolongarán hasta octubre de éste año.³

En este escenario, México deberá afrontar principalmente los siguientes problemas: el flujo migratorio, el comercio internacional, el peso de las remesas frente a la devaluación de la moneda local, la caída de las criptomonedas y el nivel de desconfianza de los inversores, además de la necesidad de reconvertir e impulsar el sector industrial.

En el aspecto migratorio, México tuvo siempre una política de “puertas abiertas”, como nos expone en reciente entrevista para este trabajo, el experto en Migraciones, Doctor Salvador Escobar.⁴ En el futuro próximo, de seguro López Obrador continuará por dicha senda ya que se ha pronunciado a favor de una política de derechos humanos; aunque el uso de los recursos federales para sostener la estancia de aquellos que solicitan asilo deberá ponerse a discusión en el marco del gasto y administración pública.

En el contexto de la pandemia recordemos las cifras que el último informe de la Organización Internacional de la Migración reveló: en el mundo hay 270 millones⁵ de

1 Kantis and Angelelli 2020, 5.

2 “Perspectivas Económicas Mundiales,” Banco Mundial, accessed June 10, 2020, <https://www.bancomundial.org/es/publication/global-economic-prospects>.

3 “Covid-19 México. Información General. Nacional (Confirmados),” Gobierno de México, accessed June 10, 2020, <https://coronavirus.gob.mx/datos/>.

4 Salvador Ignacio Escobar Villanueva es doctor y maestro en Administración Pública, con estudios de especialidad y maestría en Migración Internacional; es licenciado en Relaciones Internacionales. Sus líneas de investigación son: Migración México-E.U.A.; Relaciones México-China. Actualmente colabora como director de la Escuela de Relaciones Internacionales en la Universidad Anáhuac Querétaro.

5 “World Migration Report 2020,” International Organization for Migration, accessed June 10, 2020, <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020>.

personas migrantes, de las cuales la mayoría son desplazados económicos. Solo Turquía mantiene un paralelo con la problemática mexicana, por ser ambos países el paso obligado hacia los países centrales y desarrollados.

La pandemia puso de manifiesto también la permeabilidad de la frontera con Belice y Guatemala, además de las necesidades de infraestructura de países como Salvador y Honduras, los cuales son destinatarios de numerosas inversiones mexicanas en un intento de desestimar la migración y favorecer el arraigo de los naturales de dichas naciones. Asimismo y de acuerdo con los expertos en movimientos migratorios como el Dr. Salvador Escobar, la problemática de Venezuela continuará siendo una cuestión desestabilizante en la región, teniendo una presencia significativa en México como destino de los expatriados.

México, como Turquía, se ha convertido en país que expulsa población originaria, además de ser un punto de tránsito para migrantes de estados vecinos. En dicho panorama, la política de la cancillería mexicana en la actualidad, viene siendo la cooperación con gobiernos de la región y mayor grado de integración. Si bien la pandemia y el contexto de aislamiento deterioraron las relaciones diplomáticas, lo cierto es que la interacción posiblemente sea retomada en ese camino.

La política exterior mexicana continuará sobre sus ejes prioritarios:

- no intervención en política de los países soberanos;
- cooperación multilateral;
- solución pacífica de conflictos.

Es previsible que México retome la integración con Latinoamérica, ante un endurecimiento de la política estadounidense, aunque articular una postura de oposición al vecino del norte no será factible por el poco margen de acción de la economía mexicana, que depende tanto comercial como financieramente de la potencia estadounidense.

En lo inmediato y de acuerdo con el informe sobre el impacto del COVID-19 de la Organización Mundial del Comercio (OMC), el comercio exterior de México se resentirá hasta un 17% en consonancia con las cifras presentadas por el COMCE (Cámara de Comercio Exterior Mexicana) y conlleva a un millón de despedidos.¹

Asimismo, el replanteo de un impulso al comercio exterior mexicano dependerá tácitamente de las nuevas normativas que entran en vigencia en julio de 2020, conocidas como Tratado entre México, Estados Unidos y Canadá (T-MEC). El nuevo tratado, que suplantará al Tratado de Libre Comercio de Norteamérica (TLCAN), impondrá nuevas reglas de juego, aunque conserva casi un 70% de las normativas anteriores. Los roces derivarán de las normativas puertas adentro que cada país establezca y la manera en que regula administrativamente el cumplimiento del tratado.

Gran parte del sector automotriz estará en el foco del análisis de exportaciones e importaciones, siendo el artículo 5.16² el que puede generar mayores dificultades a la hora de que se implemente el Tratado, ya que no se trata de negociar de manera bilateral o multilateral, sino que la disposición libra a los países de regular a su parecer el cumplimiento en la práctica de la calidad de sustancias químicas, lo que puede afectar también a otro sector fundamental para México: el textil.

1 "Comercio internacional de México caerá 17% en 2020, estima el Comce," *El Informador*, April 26, 2020, <https://www.informador.mx/economia/Comercio-internacional-de-Mexico-caera-17-en-2020-estima-el-Comce-20200426-0002.html>.

2 Roberto Morales, "Las regulaciones uniformes del T-MEC se publicarán el 1 de julio: Secretaría de Economía," *El Economista*, June 3, 2020, <https://www.eleconomista.com.mx/empresas/Las-regulaciones-uniformes-del-T-MEC-se-publicaran-el-1-de-julio-Secretaria-de-Economia-20200603-0068.html>.

Conclusiones

El impacto de la pandemia de COVID-19 dejará al descubierto las debilidades de la economía mexicana y la fragilidad de posición en materia de negociación que el país ha sabido conservar en materia de política internacional. Los problemas pre-existentes agravaron y continuarán agravando la posibilidad de implementar políticas de desarrollo, además de que la situación de los países de la región también influye notoriamente en la estabilidad de México: la problemática migratoria centroamericana continuará siendo un factor, sumado a los condicionamientos en comercio exterior que impondrán Estados Unidos y Canadá.

México claramente estará limitado en su margen de acción y continuará agudizando su escasa performance si no reestructura su oferta, reconvirtiéndose hacia las posibilidades del sector digital. También la soberanía energética estará en juego, ya que 2025 es el plazo que el actual presidente se puso para generar el despegue de las fuentes energéticas alternativas. En ese sentido vemos como dos objetivos pueden coadyuvar en el logro de nuevas posibilidades.

Será central que México retome el diálogo de integración con los foros regionales latinoamericanos, de los cuales ha permanecido ausente debido a su integración con las economías del Norte del continente.

En definitiva, como auguraban tanto los desarrollistas de la década de 1950, México se encuentra en medio de la vorágine de la revolución digital y la industria del desarrollo tecnológico, puede aprovechar este tren... o dejarlo pasar nuevamente, eso ya dependerá de su dirigencia.

→ Referencias / References

- Castellani, Francesca, Jhonatan A. Astudillo, Jennifer Linares, Lucia Martin et al. *El impacto del COVID-19 en las economías de la región (Centroamérica)* [The impact of COVID-19 on the economies of the region (Central America)]. Washington, DC.: Banco Interamericano de Desarrollo, 2020. <https://publications.iadb.org/es/el-impacto-del-covid-19-en-las-economias-de-la-region-centroamerica>. [In Spanish]
- Franco, Rolando, Arturo León, and Raúl Atria. *Estratificación y movilidad social en América Latina. Transformaciones estructurales de un cuarto de siglo* [Stratification and social mobility in Latin America. Structural transformations of a quarter of a century]. Santiago de Chile: Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 2007. <https://www.cepal.org/es/publicaciones/1961-estratificacion-movilidad-social-america-latina-transformaciones-estructurales-un>. [In Spanish]
- Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.
- Kantis, Hugo, and Pablo Angelelli. *Los ecosistemas de emprendimiento de América Latina y el Caribe frente al COVID-19. Impactos, necesidades y recomendaciones* [Entrepreneurship ecosystems of Latin America and the Caribbean compared amid COVID-19. Impacts, needs and recommendations]. Washington, D.C.: Banco Interamericano de Desarrollo, 2020. <https://publications.iadb.org/publications/spanish/document/Los-ecosistemas-de-emprendimiento-de-America-Latina-y-el-Caribe-frente-al-COVID-19-Impactos-necesidades-y-recomendaciones.pdf>. [In Spanish]

Mexico: COVID-19 – a lethal virus for the Aztec economy or a possibility of generating antibodies to underdevelopment?

Aida C. Acosta

→ Abstract

The present article is devoted to the analysis of the effects of the COVID-19 pandemic on Mexico's international relations and the feasible consequences that may be tracked in the short and medium term of Andrés Manuel López Obrador's presidency. The current president's rise to power in 2018 meant a paradigm shift in Mexican domestic policy and was perceived by the countries of the region as a possibility for Mexico to resume its multilateral ties with the rest of the Latin American continent. Mexico is immersed in the COVID-19 pandemic after the storm of the migration crisis that unleashed the Central American caravan between 2017 and 2018. Devaluation of Mexican peso and the drop of oil prices are also pre-existing problems that have been undermining development possibilities that Lopez Obrador set forth in his campaign. Despite discouraging forecasts of socioeconomic indicators in the region, the article highlights the possibilities open for Mexico as one of the largest economies on the continent: it may find the way out of the storm, which could become a genesis of modifications towards development. In order to explain Mexican performance in the face of the containment measures of 2020 four axes were chosen: migration; international trade; regional cooperation; foreign policy and Latin American integration. In addressing the aforementioned items, the author conducts an interdisciplinary analysis of the factors that converge harming the economic and social indicators due to the fragility exposed by the global Coronavirus situation. The author also suggests some tools that the country could apply to strengthen its regional positioning.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-75-83>

Research article

Aida Cecilia Acosta, analyst, Catholic University of Salta (Argentina); founder, consulting agency "From Corrientes to the World"

E-mail: aceacostarrii@gmail.com

For citation: Acosta, Aida Cecilia. "México: COVID-19 ¿virus de letalidad sobre la economía azteca o la posibilidad de generar anticuerpos al subdesarrollo?" [Mexico: COVID-19 – a lethal virus for the Aztec economy or a possibility of generating antibodies to underdevelopment?]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 75–83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-75-83>. [In Spanish]

Received: 13.06.2020

Accepted: 08.07.2020

→ Keywords

Latin America, integration, Mexico, regionalism, migration processes, development, COVID-19

Мексика: COVID-19 – смертельный вирус для экономики ацтеков или возможность выработки антител против отсталости?

А.С. Акоста

→ Аннотация

Данная статья посвящена анализу воздействия пандемии COVID-19 на международные отношения Мексики, а также последствий, которые можно спрогнозировать в краткосрочной и среднесрочной перспективе в рамках президентства Андреса Мануэля Лопеса Обрадора. Приход к власти действующего президента в 2018 году ознаменовал смену парадигмы внутренней политики Мексики и был воспринят странами региона как шанс для Мексики возобновить свои многосторонние связи с остальной частью латиноамериканского континента. Пандемия COVID-19 последовала в Мексике за миграционным кризисом, который стал ключевой предпосылкой так называемого центральноамериканского каравана 2017-2018 годов. Девальвация мексиканского песо и падение цен на нефть также являются существенными проблемами, которые подрывают перспективы развития, акцентированные Лопесом Обрадором в своей предвыборной кампании. Несмотря на пессимистичные прогнозы социально-экономических показателей в регионе, в статье освещаются возможности, открывающиеся для Мексики сегодня как для одной из крупнейших экономик на континенте: страна может найти выход из кризиса и избрать курс трансформаций в направлении развития. Чтобы проанализировать мексиканскую деятельность в условиях мер по сдерживанию пандемии в 2020 году, были выбраны четыре направления: миграция; международная торговля; региональное сотрудничество; внешняя политика и латиноамериканская интеграция. Автор проводит междисциплинарный анализ факторов, которые в комплексе негативно сказываются на социально-экономическом состоянии страны на фоне глобальной ситуации с коронавирусом. В статье также предлагаются некоторые инструменты, которые Мексика могла бы использовать для укрепления своих позиций в регионе.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-75-83>

Исследовательская статья

Акоста Аида Сесилия, аналитик Католического университета Сальты (Аргентина); основатель консалтингового агентства «From Corrientes to the World»

E-mail: aceacostarrii@gmail.com

Для цитирования: Acosta, Aida Cecilia. "México: COVID-19 ¿virus de letalidad sobre la economía azteca o la posibilidad de generar anticuerpos al subdesarrollo?" [Mexico: COVID-19 – a lethal virus for the Aztec economy or a possibility of generating antibodies to underdevelopment?]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 75-83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-75-83>. [In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 13.06.2020

Принята к публикации: 08.07.2020

→ Ключевые слова

Латинская Америка, интеграция, Мексика, регионализм, миграционные процессы, развитие, COVID-19

Двусторонние отношения • Relaciones bilaterales

Россия и Мексика: 130 лет отношений сквозь призму дипломатии и русской поэзии

Р.О. Райнхардт

→ Аннотация

В статье, посвященной 130-летию установления дипломатических отношений между Россией и Мексикой, освещаются основные вехи эволюции двусторонних связей в контексте внешней политики, истории и культуры обеих стран. Автор делает акцент на вопросах дипломатических контактов, а также межкультурной коммуникации. Наряду с визитами первых лиц обоих государств и обменом дипломатическими представительствами, описываются поездки в Мексику классиков русской литературы – К.Д. Бальмонта, В.В. Маяковского и И.А. Бродского. Делается вывод о близости русской и мексиканской культур, а также схожести, местами синхронности циклов их исторического развития, дающих почву для развития взаимовыгодного межгосударственного диалога.

→ Ключевые слова

Российско-мексиканские отношения, внешняя политика, дипломатия, мягкая сила, культурное сотрудничество

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-84-96>

Исследовательская статья

Райнхардт Роман Отмарович, к.э.н., доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России; эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва (Россия)

E-mail: don.reinhardt@mail.ru

Для цитирования:

Райнхардт Р.О. Россия и Мексика: 130 лет отношений сквозь призму дипломатии и русской поэзии. *Ибероамериканские тетради*. 2020, 8(1): 84–96. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-84-96>

Статья поступила в редакцию: 21.04.2020

Принята к публикации: 22.05.2020

11 декабря 2020 г. Россия и Мексика отмечают 130-летний юбилей первого установления дипломатических отношений. На современном этапе они характеризуются положительной динамикой и многообразием форматов взаимодействия. В связи с этим, представляется интересным осветить некоторые ключевые вехи эволюции данных двусторонних связей в общем контексте внешней политики, истории и культуры обеих стран. Подчеркнем, что задача их всеобъемлющего анализа не соответствует ни формату, ни жанру научной статьи, поэтому в рамках настоящей работы мы ограничимся фрагментарным рассмотрением отдельных сюжетов, намеренно оставляя другие, требующие более подробного исследования (в частности, торгово-инвестиционное сотрудничество), за скобками.

История российско-мексиканских отношений находила достаточно исчерпывающее освещение в отечественном научном дискурсе. Прежде всего, следует назвать

труды одного из основоположников русской мексиканистики А.И. Сизоненко, посвященные истории советско-латиноамериканских связей¹, а также материалы Института Латинской Америки РАН (ИЛА РАН), регулярно публиковавшиеся начиная с 1980-х гг.² Для 1990-х гг. был характерен некоторый спад соответствующей публикационной и исследовательской активности, которая возобновилась уже в следующем десятилетии. Наряду с работами сотрудников ИЛА РАН, в 2007 г. была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Становление и развитие российско-мексиканских культурных связей (1890–1968 гг.)» Т.И. Чековой³, ранее работавшей учителем в школе при посольстве РФ в Мексике. Начиная со второй половины 2000-х гг. ощутимый интерес к проблематике стало проявлять не только собственно академическое сообщество, но также и экспертное. Так, к 125-й годовщине установления дипотношений вышел коллективный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) под редакцией бывшего Министра иностранных дел России И.С. Иванова «Российско-мексиканские отношения: традиционные основы и императивы обновления», посвященный как их исторической подоплеке, так и динамике развития на современном этапе⁴.

Таким образом, не видя необходимости в полном повторении уже известной информации, в настоящей работе предпринимаем попытку осветить основные вехи 130-летней истории российско-мексиканской межкультурной коммуникации сквозь призму дипломатии, с одной стороны, и русскоязычной изящной словесности, с другой.

Видный французский мыслитель Раймон Арон писал, что главными действующими лицами мировой политики выступают солдат и дипломат. Сменяя друг друга, они регулируют отношения между народами, помогая защищать национальные интересы и восстанавливать мир⁵. В современном понимании тематики, с учетом концепций «мягкой силы» и «публичной дипломатии», нелишним представляется добавить к данному тандему акторов еще и деятелей культуры. Вспоминая один известный всем со школьной скамьи заголовок Николая Некрасова, считаем уместным утверждать, что в развитии отношений между странами участвуют не только дипломаты и солдаты, но также, среди прочих, поэты и граждане. Отметим, что в другом стихотворении Некрасова «Толк с новым годом» (1841 г.) есть строки, косвенно относящиеся к Мексике: «В новый свет за кошенилью // Станем с выгодой летать»⁶.

Страна красных цветов

К счастью, сношения между двумя странами ни разу не были омрачены военными конфликтами и, стало быть, участием солдат. Тем не менее на предварительной стадии установления институциональных связей начиная с 1821 г., когда современная Мексика впервые стала независимым государством (доколониальный и колониальный периоды ее истории в настоящем контексте едва ли подлежат рассмотрению), военнополитический фактор все-таки играл определенную роль. Так, первые контакты официальных представителей Российской Империи и Мексиканской Республики (первая

1 Сизоненко 1969; Сизоненко 1971; Сизоненко 1981.

2 Глинкин, Сизоненко 1982; Микоян 1984; Глинкин 1988.

3 Чекова 2007.

4 Иванов 2015.

5 Бордачев, Т.В. Дипломатия только начинается... [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/568082> (дата обращения: 15.04.2020).

6 Некрасов, Н.Н. Толк с новым годом [Электронный ресурс]. URL: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/stihi/stih-436.htm> (дата обращения: 15.04.2020); Кошениль – насекомое, служившее до конца XIX в. сырьем для изготовления красной краски; особенно ценилась мексиканская кошениль.

империя просуществовала менее полутора лет) имели место в Лондоне при посредничестве британцев. В ходе них рассматривались перспективы установления дипломатических отношений и обмена представительствами, однако тогда этого не произошло. Среди тем двусторонней повестки важную роль играло русское присутствие в Северной Америке, в частности, Форт Росс, который русские поселенцы покинули в 1841 г., а также фактор США (война за независимость Техаса 1835–1836 гг. и американо-мексиканская война 1846–1848 гг.).

Вместе с тем с 1824 по 1857 г. в Мексике наблюдалась внутренняя политическая нестабильность. На фоне острой борьбы либералов и консерваторов, в ходе которой сменилось 40 президентов, внешняя политика, и особенно связи с далекой Россией, отошли на второй план. В свою очередь, николаевская Россия достигла кризиса отношений с рядом европейских великих держав, что привело к Крымской войне 1853–1856 гг. По мнению некоторых исследователей, именно это событие в контексте противостояния политических сил в Мексике стало важной вехой в возобновлении ее диалога с Россией¹. Впрочем, в 1857 г. внутренние противоречия мексиканцев вылились в гражданскую войну, за которой в 1861 г. последовала англо-франко-испанская военная интервенция. На первых ее порах Мехико было не до России, но уже в 1864 г. император Максимилиан I, о котором Иосиф Бродский спустя 110 лет напишет в двух замечательных стихотворениях из цикла «Мексиканский дивертисмент», назначил Франсиско Серапио Мора своим полномочным послом в Санкт-Петербурге. Однако падение второй империи в 1867 г., казнь габсбургского монарха и установление единовластия Бенито Хуареса вновь поставили на паузу сношения Мексики с Россией.

В результате, как уже было сказано, полноценное установление дипломатических связей произошло только в 1890 г. в эпоху т.н. порфириата (диктатура генерала Порфирио Диаса 1876–1911 гг.). Первым послом России в Мексике был назначен Роман Розен, Мексики в России – Педро Ринкон Гальярдо Террерос. В начале XX века действовали российские консульства в столице Мехико, а также городах Гвадалахара, Монтеррей и Веракрус. Мексика, в свою очередь, содержала консульские учреждения в Санкт-Петербурге (Петрограде), Москве, Гельсингфорсе и Риге. Были подписаны первые договоры о торговле и судоходстве.

К тому времени Россия уже продала США Аляску, кошениль перестала быть значимой позицией номенклатуры внешнеторговых обменов, зато важными факторами стали выступать эмиграция из России в Новый свет и активизация на континенте Русской православной церкви. В Америку, в т.ч. в Мексику, хлынули потоки этно-конфессиональных групп, в первую очередь – евреи (после погромов, начавшихся в 1881 г. и продолжавшихся на протяжении последующих двух десятилетий) и молокане-прыгуны² (начиная с 1905 г. – тоже после очередных притеснений). Молокане, с которыми позднее общались Илья Ильф и Евгений Петров на «Русской горке» (Рашен-Хилл) Сан-Франциско в ходе описанного ими путешествия по «одноэтажной Америке»³, обосновались компактно не только на западном побережье США, но и в некоторых штатах северо-запада Мексики. Потомки, идентифицирующие себя с ними, до сих пор составляют одно из этнических меньшинств страны.

Почти одновременно с первыми молоканами, но, разумеется, независимо от них, в 1904 г. Мексику посетил именитый русский поэт Константин Бальмонт. До него в первой половине 1890-х гг. по далекой стране путешествовали писатель, журналист

1 Редькина et al. 2016.

2 Представители близкого к ним течения (в рамках т.н. духовного христианства) духоборов предпочли Канаду.

3 Ильф, И.А., Петров, Е.П. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М.: Текст, 2016. 512 с.

и публицист С.Д. Протопопов¹, а также статистик и этнограф С.К. Патканов². Как и они, Бальмонт оставил после себя подробные путевые заметки, посвященные современным ему бытописаниям и сюжетам докортесовских цивилизаций. Более того, из-под пера поэта вышел ряд вольных переложений индейских космогонических мифов, которые вошли в сборник «Змеинные цветы» (1905 г.)³. Мексика, которую он назвал «*страной красных цветов*», поразила Бальмонта своей красотой, яркостью флоры, фауны и национального колорита. Важное место в соответствующих произведениях занимает цветовая символика. Подробно поездка поэта-первооткрывателя ацтеков и майя описана в работах отечественных ибероамериканистов и литературоведов⁴. Заметим, что благодаря творчеству одной из ключевых фигур Серебряного века у широкой русскоязычной публики впервые пробудился интерес к Мексике, а его публичные выступления сделали ее культуру модной в России.

Багровое знамя над арбузом

В течение следующих двух десятилетий интенсивность русско-мексиканского взаимодействия снизилась по объективным причинам. В России началась фаза, предшествовавшая распаду Империи: Русско-японская война (1904–1905 гг.), революция 1905 г., затем – Первая мировая и революции 1917 г. Параллельно с этим в Мексике также началась революционная гражданская война 1910–1917 гг. Что касается внешней политики, Мексиканские Соединенные Штаты сохраняли нейтралитет, при том, что большинство политических сил было сфокусировано на внутренних проблемах.

Тем не менее в период постреволюционного каудилизма, когда страну возглавляли Альваро Обрегон (1920–1924 гг.) и Плутарко Кальес (1924–1927 гг.), контакты уже с утвердившейся в стране Советов властью возобновились. Мексика была первой страной континента, признавшей СССР, а 4 августа 1924 г. были вновь установлены дипломатические отношения. Двумя годами ранее Владимир Ленин направлял своего специального представителя к губернатору мексиканского штата Юкатан Фелипе Пуэрто.

Первым полпредом советского правительства и одновременно представителем Коминтерна в Мехико был назначен видный революционер Станислав Пестковский⁵. В 1926 г. его сменила Александра Коллонтай – первая в истории отечественной дипломатии женщина, занимавшая посольскую должность. Однако не менее важным для укрепления межгосударственных и межкультурных связей стал визит Владимира Маяковского в 1925 г. Подобно Бальмонту, поэт посвятил стране замечательные строки в стихах и прозе, пропитанные революционным реализмом, отчасти романтикой, объединенные в очерк «Мое открытие Америки». Путь «полпреда стиха», как его назвал С.С. Кэмрад, подробно разработавший этот сюжет⁶, начался именно с Мексики, а не США, как в случае свадебного вояжа Сергея Есенина, который южнее их так и не побывал. Страна произвела на Маяковского неизгладимое впечатление, которое, разумеется, наложилось на революционное сознание литератора:

- 1 Протопопов, С.Д. Проездом по Мексике (Из записной книжки путешественника) // Русское богатство. 1896. №9. С. 82–108.
- 2 Патканов, С.К. По гаццендам и руинам Юкатана (путевые наброски) // Землеведение. 1896. Т.1. С. 79–110; Т.2. С. 93–130; Т.3–4. С. 111–143.
- 3 Бальмонт, К.Д. Змеинные цветы. М.: Скорпион, 1910. 248 с.
- 4 Рождественская, И.С. Письма К.Д. Бальмонта к Е.А. Ляцкому (с комментариями) // Русская литература. 1975. №2. С. 194–201; Земсков, В.Б. И Мексика возникла, виденье вдохновенное... К.Д. Бальмонт и поэзия индейцев // Латинская Америка. 1976. №3. С. 170–182.
- 5 Сизоненко 1969; Хейфец 1997.
- 6 Кэмрад, С.С. Полпред стиха (к 65-летию со дня рождения В.В. Маяковского) // Дружба народов. 1958. №7. С. 201–218.

«Скинъ
с горба
толстопузых обуз,
ацтек,
креол
и метис.

Скорее
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись.

«Арбузом» называется мексиканское знамя. Есть предание: отряд повстанцев, пожирая арбуз, думал о национальных цветах.

Необходимость быстрой переброски не дала долго задумываться.

– Сделаем знамя – арбуз, – решил выступающий отряд¹.

Впрочем, ожидания поэта не оправдались. В 1926 г. в стране вспыхнул очередной внутренний военный конфликт, вошедший в историю как «восстание кристерос». Последовательное проведение правительством с 1917 г. антиклерикальных реформ столкнулось с сопротивлением мятежников, симпатизировавших Римско-католической церкви. После трехлетних ожесточенных боев при посредничестве США и Ватикана был достигнут *modus vivendi*, предполагавший уступки как со стороны духовенства, так и светских властей. Тем не менее это привело к росту ультраправых и антикоммунистических настроений в обществе под знаменами движения «Текос». В результате, в том числе вследствие этого фактора, 26 января 1930 г. Мексика разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом.

На протяжении 1930-х гг. двусторонняя повестка складывалась главным образом вокруг другого апологета мировой революции – Льва Троцкого. Лишенный в 1932 г. советского гражданства, он сначала эмигрировал во Францию, затем в Норвегию. Скандинавское королевство не желало обострения отношений с советскими республиками и вынудило Троцкого покинуть свою территорию. Зато новое и последнее на своем долгом и тернистом пути пристанище революционер нашел именно в Мексике. В 1936 г. президент Ласаро Карденас фактически предоставил ему политическое убежище. Вплоть до своего резонансного убийства в 1940 г. агентом НКВД Рамоном Меркадером он вместе с супругой Натальей Седовой проживал в доме мексиканских живописцев Фриды Кало и Диего Риверы. Данный эпизод во многом осложнил и без того непростые отношения двух государств.

Их нормализации поспособствовала Вторая мировая война. В ее начале Мексика, как и в предыдущий раз, стремилась придерживаться политики нейтралитета. Однако наблюдая за трагическим развитием событий и осознавая угрозу миру, в декабре 1941 г. она разорвала дипломатические отношения со странами «оси». 22 мая 1942 г. Мехико объявил Берлину войну. В стране были созданы «Общество друзей СССР» и «Молодежный комитет помощи России». 10–12 ноября того же года были восстановлены дипотношения с Москвой. В 1943 г. последовал обмен посольствами и открытие корпункта ТАСС – первого в Латинской Америке. Импульс, данный развитию советско-мексиканских отношений в тяжелейших обстоятельствах, определил дальнейший вектор сотрудничества.

1 Маяковский В.В. Мое открытие Америки. Мексика [Электронный ресурс]. URL: <http://v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st099.shtml> (дата обращения: 15.04.2020). Примечательно, что склонный к экспериментам и каламбурам Маяковский не стал обыгрывать созвучие своей фамилии с народом майя.

Романсеро и заметка для энциклопедии

После окончания войны несмотря на конъюнктурные флуктуации позитивная динамика в целом сохранилась. В конце 1959 г. состоялся первый в истории двусторонних связей визит на высоком уровне: Мексику посетил Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Микоян. К приезду влиятельного советского политика была приурочена выставка достижений СССР в области науки, техники и культуры, прошедшая в столице. В то же время нельзя сказать, что развитие культурных и научных связей проходило «с чистого листа». Даже в период отсутствия официально-го общения на межгосударственном уровне работа по этим направлениям шла через таких корифеев с обеих сторон, как режиссер Сергей Эйзенштейн¹, академик Николай Вавилов, литератор Илья Эренбург, художник Давид Сикейрос, писатель Хосе Мансисидор и других менее известных широкой публике фигур². Важной вехой с точки зрения периодизации отношений стал официальный визит видного общественного деятеля и Министра иностранных дел Мексики Антонио Каррильо Флореса в Москву в 1968 г., в ходе которого было подписано первое межгосударственное соглашение о сотрудничестве стран в области культуры.

Данный сюжет нашел подробное описание в упомянутых выше работах российских специалистов А.И. Сизоненко, Т.И. Чековой и др. Собственно, на волне сближения СССР со странами Латинской Америки и роста интереса к ним в 1961 г. был создан ИЛА РАН. В период т.н. брежневского застоя, пришедшего на смену хрущевской оттепели, связи продолжали укрепляться. Работа по партийной и государственной линиям активизировалась за счет визитов на высшем уровне, организация которых предполагала масштабное сопровождение по каналам диппредставительств. В результате 12–19 апреля 1973 г. Москву посетил президент Луис Эчеверриа Альварес, а 17–25 мая 1978 г. – его преемник Хосе Лопес Портильо. Ответных визитов советское руководство не наносило.

По идеологическим причинам в историографии контактов изначально практически неосвещенным оставалось посещение Мексики в середине 1970–х гг. Иосифом Бродским. В протокольных терминах визит можно было бы охарактеризовать как частный. Вынужденно покинув Родину в 1972 г. и работая «приглашенным поэтом» (официальное наименование должности) Мичиганского университета, он приехал в Мексику на литературный конгресс по приглашению коллеги – Октавио Паса, в прошлом профессионального дипломата, а впоследствии тоже Нобелевского лауреата³. Поэту-путешественнику удалось осмотреть достопримечательности и проникнуться местным духом, что нашло отражение в цикле из семи стихотворений, озаглавленном «Мексиканский дивертисмент» и вошедшем в сборник «Часть речи»⁴.

Первое из них озаглавлено «Гуернавака» (искаженное название города Куэрнавака, столицы штата Морелос) и посвящено Пасу. В нем, как и в большинстве последующих, Бродский, окончивший всего восемь классов ленинградской средней школы,

1 В фильмографии знаменитого режиссера особое место занимает неоконченная картина «Да здравствует Мексика!», работа над которой началась на рубеже 1920–1930–х гг., но в силу описанных выше причин не была завершена. Тем не менее, в 1979 г. фильм получил почетную золотую премию XI Московского международного кинофестиваля, чего его создатель, скончавшийся в 1948 г., естественно, уже не застал.

2 Например, Юрия Кнорозова – историка, этнографа и основателя отечественной школы майянистики, достижения которого по дешифровке письменности доколумбовых цивилизаций имели мировое значение и были удостоены множества государственных премий.

3 Бродский получил Нобелевскую премию по литературе в 1987 г., Пас – в 1990 г. Что касается дипломатической карьеры, в 1952 г. Пас был поверенным в делах посольства Мексики в Японии, с 1962 г. по 1968 г. – послом в Индии. В промежутке между занятием этих постов также же работал в диппредставительствах в Женеве и Париже.

4 Бродский, И.А. Мексиканский дивертисмент [Электронный ресурс]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/brodskiy/8/j11.html (дата обращения: 15.04.2020).

однако обладавший фантастической эрудицией, обращается, в основном, к историческим темам¹. Как отмечалось выше, особое место в стихах занимают фигура императора Максимилиана I и события 1867 г. С другой стороны, достаточно оригинальным видится сопоставление завоевания древней Мексики испанцами и Руси – татаро-монголами («местный комплекс Золотой Орды»). Однако в свойственном ему неповторимом, в чем-то напоминающем фотографию и импрессионизм стиле, ленинградец фиксирует и наблюдаемые им воочию картины:

*«Вечерний Мехико-Сити.
Лень и слепая сила
в нем смешаны, как в сосуде.
И жизнь течет, как текила.*

*Улицы, лица, фары.
Каждый второй – усатый.
На Авениде Реформы –
масса бронзовых статуй».*

Стилизованное по форме под романсеро (восьмисложник с ассонансом в каждой четной строке), это стихотворение по содержанию начисто лишено восторгов и восхищений. Бытовым зарисовкам присуща легкая меланхолия и натурализм. Та же линия выдерживается в посвящении Евгению Рейну, где вновь затрагиваются исторические темы, и увенчивается «Заметкой для энциклопедии». В ней Бродский обобщает прошлое, настоящее и видимое им будущее Мексики, которую в первой же строке емко и жестко называет «прекрасной и нищей страной». Таким образом, допустимо в некотором смысле говорить о преемственности в ее восприятии на основе первых, отчасти поверхностных впечатлений трех названных классиков русской изящной словесности.

Впрочем, подобную характеристику едва ли можно счесть оскорбительной или необъективной. В новейшей мексиканской истории было действительно много тяжелых и даже трагических моментов: и энергетический кризис, для борьбы с которым были предприняты неолиберальные реформы, поставившие страну на грань банкротства, и рост влияния наркомафии, и землетрясение 1985 г., унесшее жизни десятков тысяч человек². Иными словами, 1980-е гг. в Мексике, иногда называемые «потерянным десятилетием», имели много общего с тем же периодом в Советском Союзе. Более того, проводя параллели, стоит обратить внимание даже на сходство отдельных мер, предпринятых властями для спасения агонизировавших политической и экономической систем³. Так, реформы президента Карлоса Салинаса де Гортари на рубеже предпоследнего и последнего десятилетий XX века получили прозвище «салинастройка» по аналогии с перестройкой Михаила Горбачева⁴. В 1991 г. два президента даже встретились в Москве, что стало третьим визитом на высшем уровне в истории мексикано-российских отношений.

После распада СССР Мексика сразу признала Российскую Федерацию преемницей первого, дипотношения не прерывались, и даже «пересменка» послов

1 Гаврилова 2005.

2 Аналогичная по своей природе и разрушительности трагедия – Спитакское (Ленинканское) землетрясение – случилась в Армянской ССР в декабре 1988 г.

3 Боровков, Шереметьев 1999.

4 Там же. К тому же периоду относится еще один замечательный совместный кинопроект – «Эсперанса», художественный фильм 1988 г. о судьбе Владимира Ольховского (настоящая фамилия – Ольхович), мексиканского инженера русского происхождения. Режиссером картины выступил родной сын Ольховича Серхио, а главные роли исполнили такие звезды кино, как Дмитрий Харатьян, Лев Дуров, Леонид Куравлев, а также другие советские и мексиканские актеры.

произошла не сразу. 1990-е гг. также были непростыми и в чем-то схожими для Мехико и Москвы: затяжным социально-экономическим кризисам сопутствовали внутренние военные конфликты (в России – чеченская война, в Мексике – восстание сапатистов). В середине десятилетия состоялись важные официальные визиты глав внешнеполитических ведомств: в 1996 г. Евгений Примаков посетил Мехико, а в 1997 г. в Москву приехал Министр иностранных дел Хосе Анхель Гурриа (с 2005 г. по настоящее время – генеральный секретарь ОЭСР). Следствием стало подписание в 1997 г. базового политического документа – Декларации о принципах отношений и сотрудничества между Россией и Мексикой. Отметив достаточно скромно в силу перечисленных причин – главным образом из-за дефицита ресурсов – две круглые годовщины (100 и 110 лет) установления дипломатического общения, государства вступили в новое тысячелетие.

От легенд к прагматизму

Начало XXI века в обеих странах ознаменовалось значимыми изменениями политических систем. На президентских выборах, прошедших в 2000 г., в России уверенную победу одержал Владимир Путин, а в Мексике – с меньшим отрывом от оппонентов Висенте Фокс Кесада, представитель Партии национального действия. Триумф правоконсервативного кандидата завершил период многолетнего нахождения у власти Институционно-революционной партии. Впервые президенты встретились на форуме АТЭС в Шанхае (2001 г.), затем во время эвианского саммита «Группы восьми» (2003 г.).

7 июня 2004 г., в самом начале второго президентского срока¹, Путин стал первым главой российского государства, посетившим Мексику. В ходе двухдневного официального визита он встретился с Фоксом. Стороны обсудили субстантивную повестку двустороннего сотрудничества, а также актуальные международные вопросы, в частности, ситуацию в Ираке. Были отмечены близость и частичное совпадение позиций по многим направлениям. 21 июня 2005 г. последовал ответный визит мексиканского лидера. Помимо переговоров с первыми лицами государства, Фокс посетил МГИМО, где выступил с лекцией перед преподавателями и студентами, затронув вопросы демократической эволюции Мексики, а также оценив влияние этого процесса на изменение роли страны в международных отношениях². С точки зрения норм дипломатического протокола, это был первый *государственный* визит мексиканского президента, поскольку такое понятие в отечественной практике появилось лишь в 1997 г. (таким образом, визиты предшественников Фокса попадают в категорию *официальных*)³.

Год спустя, после истечения полномочий Фокса и очередных выборов, в Мексике разразился политический кризис, получивший в российской прессе название «революция кактусов». Победителем был объявлен кандидат от Партии национального действия Фелипе Кальдерон. Это вызвало недовольство сторонников представителя Партии демократической революции Андреса Мануэля Лопеса Обрадора,

1 В Мексике срок президентских полномочий составляет шесть лет без возможности переизбрания. В России решение о продлении срока полномочий с четырех до шести лет было принято в 2008 г.

2 Президент Мексики Висенте Фокс [Электронный ресурс] // МГИМО-Университет. URL: <https://mgimo.ru/about/news/visits/142462/> (дата обращения: 17.04.2020).

3 Принципиальное отличие государственного от официального визита состоит в том, что первый может быть нанесен только один раз за время непрерывного нахождения главы государства в своей должности. Это самый почетный тип зарубежных поездок на высшем уровне (на высоком уровне могут наноситься только официальные, рабочие и частные визиты, а также визиты проездом). Различия в национальных протокольных практиках иногда вносят путаницу в терминологию и классификацию. Подробнее о принципах и формах протокольного сопровождения визитов см.: Райнхардт 2019.

которое вылилось в массовые акции протеста. Тем не менее в конце 2006 г. Кальдерон все-таки вступил в должность, а в 2012 г. посетил Россию. Лопес Обрадор, в свою очередь, возглавил страну в конце 2018 г. и за первый год своего правления визитов в Москву еще не наносил. Начиная с 2020 г. практика зарубежных поездок первых лиц приостановилась в связи с пандемией. Скорее всего, после преодоления ее последствий она возобновится, и лидеры двух стран встретятся либо на российской, либо на мексиканской земле.

Помимо двустороннего формата, еще одним поводом и местом для подобных встреч становятся многосторонние переговорные площадки. В частности, «Большая двадцатка». В рамках данного формата президент Путин принял участие в 7-м саммите лидеров группы в мексиканском Лос-Кабосе (2012 г.), а президент Энрике Пенья Ньето – в 8-м, который прошел в Санкт-Петербурге (2013 г.). На современном этапе развития дипломатии такой формат представляется одним из наиболее перспективных. Саммиты последовательно вытесняют конференции, совещания и все остальные классические дипломатические переговоры. Министр иностранных дел СССР Андрей Громыко говорил, что «лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Перефразируя эту знаменитую максиму, можно утверждать, что сейчас десять минут разговора двух президентов эффективнее нескольких встреч на уровне министров иностранных дел или заседаний специальных комиссий. В современных условиях сложно представить себе Хельсинкскую конференцию: она просто не дала бы результатов. А вот «Большая семерка», «Двадцатка», БРИКС, Давосский и Петербургский форумы дают.

Что касается Мексики, то во второй половине 2000-х гг. определенная напряженность внутри страны, а также мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., привели к временному замедлению развития отношений с Россией. Однако по мере стабилизации обстановки на национальном и международном уровнях они вновь динамично развивались. Культурному же и научно-техническому сотрудничеству всегда были свойственны стабильность и прагматизм. В рамках этой логики на уровне правительств была создана и работает Российско-мексиканская смешанная комиссия по экономическому, торговому, научно-техническому сотрудничеству и морскому судоходству (МПК). Наряду с ней функционирует Смешанная комиссия по культурному сотрудничеству. На регулярной основе проводятся Дни Мексики в России и Дни России в Мексике.

Страны сотрудничают по многим направлениям: взаимодействие на уровне всех трех ветвей власти (обмен опытом на уровне Верховных судов, межпарламентские связи, совместная работа органов исполнительной власти и, в частности, силовых ведомств и др.); парадипломатические связи субнациональных регионов и городов (с российской стороны наибольшую активность по этому треку проявляют Москва, Санкт-Петербург, Казань и Ульяновск, с мексиканской – штаты Халиско и Пуэбла, город Гвадалахара); церковные связи (в 2007 г. в Мехико открыт Русский Православный Свято-Троицкий монастырь¹; активно ведется работа по линии Отдела внешних церковных связей Московского патриархата); экономическое сотрудничество (прежде всего, в сферах энергетики и продукции ВПК²); образовательные и культурные обмены (стипендиальные программы, гастроли артистов, творческих коллективов, выставки

1 Русская Православная Церковь в Мексике. Сан-Францисская и Западно-Американская Епархия. Благочиние в Мексике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravoslavie.mx/> (дата обращения: 17.04.2020).

2 В 2019 г. внешнеторговый оборот двух стран резко снизился по отношению к предыдущему отчетному периоду (1,2 млрд долл. США против 2,9 млрд долл. США в 2018 г.). См.: Внешняя торговля Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. URL: <http://customs.ru/statistic/vneshn-torg> (дата обращения: 17.04.2020). Анализ причин и последствий такого явления, как было сказано во введении, требует отдельного рассматривания, выходящего за рамки настоящей статьи.

и др.); туризм (с 1 ноября 2010 г. туристические визы сроком до 180 дней могут быть оформлены через Интернет, без взимания консульских сборов).

Помимо официальных контактов и мероприятий, поступательно развивается и т.н. народная дипломатия, в том числе в части культурной коммуникации. Так, в 2007 г. старейшая российская хип-хоп группа Bad Balance выпустила альбом «Легенды гангстеров», одна из композиций которого называется «Дон Хосе» и посвящена мексиканской жизни и эмиграции в начале XX века¹. В ней обыгрывается большинство стереотипов и понятий о Мексике, известных русскоязычному слушателю (сомбреро, текила, буррито и т.п.), но затрагиваются и исторические аспекты:

*«В огне революций вместе с Панчо Вилья
Жестоким рубилом заработал себе имя...».*

Речь в строке идет о Хосе Доротео Аранго Арамбула, более известном как Франсиско или Панчо Вилья, – революционном генерале и лидере крестьянских повстанцев во время революции 1910–1917 гг., под началом которого воевал лирический герой, младший брат из Сан-Мигель-де-Альенде. Клип, снятый совместно с американским рэпером DJ Charm, стал одной из визитных карточек альбома и свидетельством интереса к мексиканской истории не только у ценителей классики, но и любителей более легких современных музыкально-поэтических жанров².

* * *

Подводить итоги развития российско-мексиканских отношений даже по случаю их юбилея едва ли имеет смысл. Прогнозировать их будущее в условиях продолжающейся пандемии тоже видится затруднительным и преждевременным. В то же время следует отметить, что несмотря ни на что, история продолжается, причем о положительной динамике связей неоднократно говорили действующие послы обеих стран³. В Концепциях внешней политики Российской Федерации 2008 и 2013 гг. Мексика упоминается отдельно как один из приоритетных партнеров, в Концепциях 2000 г. и действующей 2016 г. – без спецификации в рамках латиноамериканского направления⁴.

С точки зрения статистики, имеет смысл привести цифры, характеризующие собственно дипломатическое взаимодействие: три визита мексиканских президентов в СССР (1973, 1978, 1991 гг.) и три визита в Россию (2005, 2012, 2013 гг.); один визит

1 Bad Balance feat. DJ Charm – Дон Хосе [Электронный ресурс] // Youtube.

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xccAdlifsPg> (дата обращения: 17.04.2020).

2 Мексиканские народные напевы как часть массовой культуры были также всегда популярны в Советском Союзе и России. В частности, песня «Кукарача» в переложении на русский язык часто исполнялась звездами эстрады, такими как Клавдия Новикова, Эдуард Хиль, Ирина Богущевская и другими. То же можно сказать и о русской музыке в Мексике.

3 Интервью Посла [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Мексиканских Соединенных Штатах. URL: <https://mexico.mid.ru/interv-u-posla> (дата обращения: 17.04.2020); Посол Мексики в России: «Наши связи будут активно развиваться» [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21808> (дата обращения: 17.04.2020).

4 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28.06.2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=27822&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6474498570609946#043228044105300056> (дата обращения: 18.04.2020); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.М. Медведевым 15.07.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 18.04.2020); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 18.04.2020); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 18.04.2020).

заместителя председателя советского правительства в Мексику (1959 г.) и два визита российского президента (2004 и 2012 гг.); на новейшем этапе – по четыре визита на уровне министров иностранных дел (официальные визиты глав МИД России в Мехико в 1996, 2005, 2010, 2020 гг.; глав Секретариата иностранных дел Мексики в Москву в 1997, 2000, 2008, 2011 гг.); многочисленные контакты других высших должностных лиц с обеих сторон. До сегодняшнего дня Россия направила в Мексику 24 посла, Мексика в Россию – 38¹.

Диалог развивается по всем направлениям. Немаловажное место в нем занимает культура. Мексика издавна привлекает отечественных литераторов, ученых, артистов и других общественных деятелей, а Россия – их мексиканских коллег. В словаре языка Пушкина Мексика не фигурирует. Насколько нам известно, среди его ближайшего окружения в стране, получившей независимость при жизни поэта (1821 г.), никто не бывал – в отличие, например, от Бразилии, где его одноклассник Сергей Ломоносов занимал должность посла². Мексика осталась одной из немногих стран, которые не попали в поле зрения «невыездного» поэта, активно интересовавшегося международной проблематикой. Однако этого нельзя сказать о других классиках русской литературы, упомянутых выше. В первую очередь, Бальмонте, Маяковском и Бродском. Сохраняется такой интерес и у современных продолжателей их традиций.

В заключении остается выразить надежду на то, что нормализация эпидемиологической ситуации позволит провести полноценное празднование юбилея в конце текущего года в столицах, а также других городах не только в онлайн-формате, для которого уже появился термин «зумпломатия»³, но и так, как это всегда было принято.

→ Список литературы / References

Боровков, А.Н., Шереметьев, И.К. *Мексика на новом повороте экономического и политического развития*. – М.: ИЛА РАН, 1999. – 288 с. [Borovkov, A.N., Sheremet'ev, I.K. *Meksika na novom povorote ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya* [Mexico at a New Turn of Economic and Political Development]. – Moscow: ILA RAS, 1999. – 288 p.] [In Russian]

Внешняя политика стран Латинской Америки / отв. ред. А.Н. Глинкин, А.И. Сизоненко – М.: Международные отношения, 1982. – 304 с. [Vneshnyaya politika stran Latinskoi Ameriki [Foreign Policy of Latin American States] / ed. by A.N. Glinkin, A.I. Sizonenko. – Moscow: International Relations, 1982. – 304 p.] [In Russian]

Гаврилова, Н.С. *История Америки в поэзии И. Бродского* // *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог*. – 2005. – №7. – С. 102–122. [Gavrilova, N.S. Istoriya Ameriki v poezii I. Brodskogo [History of America in the Poetry of I. Brodsky] // *Russian Literature in the 21st Century: Names, Problems, Cultural Dialogue*. – 2005. – No. 7. – P. 102–122.] [In Russian]

Латинская Америка в международных отношениях XX века: в 2 ч. / отв. ред. А.Н. Глинкин – М.: Наука, 1988. [Latinskaya Amerika v mezhdunarodnykh otnosheniyakh XX veka [Latin America in International Relations of the 20th Century]: in 2 books / ed. by A.N. Glinkin. – Moscow: Nauka, 1988.] [In Russian]

Микоян, С.А. *СССР – Мексика: 60 лет сотрудничества*. – М.: Международные отношения, 1984. – 120 с. [Mikoyan, S.A. SSSR – Meksika: 60 let sotrudnichestva [USSR – Mexico: 60 Years of Cooperation]. – Moscow: International Relations. – 120 p.] [In Russian]

Райнхардт, Р.О. *Дипломатический протокол и протокольная служба* // *Дипломатическая служба Российской Федерации: учебник для студентов вузов* / под ред. А.В. Торкунова. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 145–159. [Rainkhardt, R.O. Diplomaticheskii protokol i protokol'naya sluzhba [Diplomatic Protocol and Protocol Service] // *Diplomaticheskaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii* [Diplomatic Service of the Russian Federation] / ed. by A.V. Torkunov. – Moscow: Aspect Press, 2019. – P. 145–159.] [In Russian]

1 Полный список послов приведен на сайте российского посольства (URL: <https://mexico.mid.ru/spisok-poslov>). Что примечательно, с каждой стороны было по одной женщине – Александра Коллонтай (1926–1927 гг.) и действующая посол Норма Пенсадо Морено (с 2017 г.).

2 Райнхардт 2019.

3 Daniel B. Shapiro and Daniel Rakov, "Will Zoomplomacy Last?," *Foreign Policy*, May 18, 2020, <https://foreignpolicy.com/2020/05/18/will-zoomplomacy-last/>.

Райнхардт, Р.О. Дипломаты – лицейские друзья А.С. Пушкина // *Научно-аналитический журнал «Обозреватель» – Observer*. – 2019. – №10(357). – С. 79–96. [Rainkhardt, R.O. Diplomaty – litseiskie друз'ya A.S. Pushkina [Diplomats – Lyceum Friends of A.S. Pushkin] // *Scientific-analytical journal «Обозреватель» – Observer*. – 2019. – No. 10 (357). – P. 79–96.] [In Russian]

Редькина, О.Ю., Пискунов, Н.В., Бустаманте, В.К.А. Россия и Мексика в конце XIX – начале XX века: к вопросу о влиянии Крымской войны на российско-мексиканские отношения // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2016. – Т. 21, №6. – С. 46–55. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.5>. [Red'kina, O.Yu., Piskunov, N.V., Bustamante, V.K.A. Rossiya i Meksika v kontse XIX – nachale XX veka: k voprosu o vliyaniy Krymskoi voyny na rossiisko-meksikanskije otnosheniya [Russia and Mexico in the 19th – Beginning of the 20th Century: On the Crimean War's Influence on Russia-Mexico Relations] // *Science Journal of Volgograd State University: History. Area Studies. International Relations*. – Vol. 21, no. 4. – P. 46–55.] [In Russian]

Российско-мексиканские отношения: традиционные основы и императивы обновления. №19/2015 / гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – 48 с. [Rossiisko-meksikanskije otnosheniya: traditsionnye osnovy i imperativy obnoveniya [Russian-Mexican Relations: Traditional Foundations and Imperatives of Renewal]. No. 19/2015 / ed. by I.S. Ivanov; The Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: Spetskniga, 2015. – 48 p.] [In Russian]

Сизоненко, А.И. В стране ацтекского орла: первые советские полпреды в Мексике. – М.: Международные отношения, 1969. – 98 с. [Sizonenko, A.I. V strane atstekskogo orla: pervye sovetskie polpredy v Meksike [In the Country of the Aztec Eagle: the First Soviet Plenipotentiaries in Mexico]. – Moscow: International Relations, 1969. – 98 p.] [In Russian]

Сизоненко, А.И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений (1924–1970 гг.). – М.: Наука, 1971. – 205 с. [Sizonenko, A.I. Ocherki istorii sovetsko-latinoamerikanskikh otnoshenii (1924–1970 gg.) [Essays on the History of Soviet-Latin American relations (1924–1970)]. – Moscow: Nauka, 1971. – 205 p.] [In Russian]

Сизоненко, А.И. Станислав Пестковский – первый советский полпред в Мексике // *Новая и новейшая история*. – 1969. – №5. – С. 59–68. [Sizonenko, A.I. Stanislav Pestkovskii – pervyi sovetskii polpred v Meksike [Stanislav Pestkovsky – the First Soviet Plenipotentiary in Mexico] // *Modern and Current History Journal*. – 1969. – No. 5. – P. 59–68.] [In Russian]

Сизоненко, А.И. Становление отношений СССР со странами Латинской Америки (1917–1945 гг.). – М.: Наука, 1981. – 198 с. [Sizonenko, A.I. Stanovlenie otnoshenii SSSR so stranami Latinskoi Ameriki (1917–1945 gg.) [Formation of Relations of the USSR with the Countries of Latin America (1917–1945)]. – Moscow: Nauka, 1981. – 198 p.] [In Russian]

Хейфец, В.Л., Хейфец, Л.С. «Товарищ Андрей... не только как посол, но и как старый член русской партии...» // *Латинская Америка*. – 1997. – №6. – С. 74–87. [Kheifets, V.L., Kheifets, L.S. «Tovarishch Andrei... ne tol'ko kak posol, no i kak staryi chlen russkoi partii...» [«Comrade Andrei... not Only as an Ambassador, but Also as an Old Member of the Russian Party...»] // *Latin America*. – 1997. – No. 6. – P. 74–87.] [In Russian]

Чекова, Т.И. Становление и развитие российско-мексиканских культурных связей: 1890–1968 гг.: дис. ... канд. ист. н.: 07.00.03: защищена 21.09.2007. – Самара, 2007. – 209 с. [Chekova, T.I. Stanovlenie i razvitie rossiisko-meksikanskikh kul'turnykh svyazei: 1890–1968 gg. [Formation and Development of Russian-Mexican Cultural Relations: 1890–1968]: thesis of a Candidate of History Sciences: 07.00.03: defended on 21.09.2007. – Samara, 2007. – 209 p.] [In Russian]

Russia – Mexico: 130 years of relations through the lens of diplomacy and Russian poetry

R.O. Reinhardt

→ Abstract

The article dedicated to the 130th anniversary of diplomatic relations establishment between Russia and Mexico casts a light upon the key turning points of their evolution within the context of foreign policy, history and culture of both countries. The author focuses on diplomatic contacts and intercultural communication. Alongside Heads of States' visits and exchange of diplomatic representatives, he elaborates on Russian literature classics, i.e. Konstantin Balmont, Vladimir Mayakovsky and Joseph Brodsky, visiting Mexico. It is implied in the conclusion that 'proximity' of the countries' cultures, similarity and sometimes even synchronicity of respective historical development cycles give grounds for a mutually beneficial interstate dialogue.

→ Keywords

Russia–Mexico relations, foreign policy, diplomacy, soft power, cultural cooperation

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-84-96>

Research article

Roman O. Reinhardt, PhD (World Economy), Associate Professor, Department of Diplomatic Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); Expert, the Valdai Discussion Club, Moscow (Russia)

E-mail: don.reinhardt@mail.ru

For citation: Reinhardt R.O. Russia and Mexico: 130 years of relations through the lens of diplomacy and Russian poetry. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 84–96. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-84-96>.

Received: 21.04.2020

Accepted: 22.05.2020

Двусторонние отношения • Relaciones bilaterales

• Отношения между Турцией и Мексикой: сравнительный анализ, история и современность

А.Н. Пятаков

→ Аннотация

В статье проанализирована история формирования и актуальное состояние политических и экономических отношений между Турцией и Мексикой в контексте межконтинентальных связей Анкары с латиноамериканским регионом. Проведен сравнительный анализ двух держав по их геоэкономическому «весу», международной активности и другим аспектам. Специальный акцент сделан на проработку исторического аспекта двусторонних отношений. Впервые в отечественной латиноамериканистике поэтапно прослежена эволюция дипломатических отношений Турции и Мексики в XX веке и динамика политических контактов на рубеже XX и XXI веков. Проанализировано актуальное состояние торгово-экономических связей, а также взаимодействие двух стран на международной арене.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-97-107>

Исследовательская статья

Пятаков Андрей Николаевич,
к. полит. н., ведущий научный
сотрудник Института Латинской
Америки РАН, Москва (Россия)

E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Для цитирования:

Пятаков А.Н. Отношения
между Турцией и Мексикой:
сравнительный анализ,
история и современность.
Иberoамериканские тетради.
2020, 8(1): 97-107.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-97-107>.

Статья поступила в редакцию:
15.04.2020

Принята к публикации:
15.05.2020

→ Ключевые слова

Мексика, Турция, межконтинентальные связи, Латинская Америка, дипломатические отношения, товарооборот, МІКТА, Эрдоган, Пенья Ньето, интеграция

До последнего времени Турция проводила в отношении Латинской Америки весьма последовательную, подчас напористую политику проникновения, планомерно реализуя свои геополитические и экономические интересы. Наиболее концентрированно и артикулированно политика сближения проводилась в отношении экономических флагманов региона: Бразилии, Колумбии, Аргентины и Мексики. Вопреки попыткам определенных сил идеологизировать международные связи, тесное сотрудничество развивалось с Венесуэлой и Кубой. Интенсивность выстраивания межконтинентальных связей между Турцией и латиноамериканскими странами стала примером эффективного сотрудничества вопреки географической удаленности.

К сожалению, глобальная пандемия COVID-19 может обернуться непредсказуемыми последствиями для всей системы международных отношений и связей. Некогда казавшиеся устойчивыми и стабильными стратегии взаимодействия между государствами и регионами могут быть поставлены на паузу или даже испытать риск «сворачивания»

и минимизации. Нельзя исключать, что подобной трансформации подвергнутся и динамично развивавшиеся турецко-латиноамериканские связи. В этом контексте возникает новая гносеологическая ситуация, актуализирующая детальное рассмотрение долгосрочных аспектов становления международных отношений.

Актуальность исследования отношений Турции и Мексики обусловлена также тем, что в отечественной латиноамериканистике фактически отсутствуют исследования, посвященные современному состоянию двусторонних связей между ними. До последнего времени приоритет в изучении внерегиональных связей Мексики отдавался двум крупным «игрокам»: Европейскому союзу¹ и Китаю², причем анализ мексикано-европейских отношений проводился преимущественно в контексте отношений ЕС с Латинской Америкой в целом³. Стоит отметить, что и роль Мексики в развитии внерегиональных связей Латинской Америки пока остается недостаточно освещенной⁴. По понятным причинам, имеется обширный массив исследований, посвященный такому внерегиональному партнеру Мексики, как Россия⁵. Есть на этом направлении и исследования, основанные на сравнительном анализе⁶, элементы которого присутствуют также в настоящей статье. Весь спектр рассмотрения внеконтинентальных связей Мексики, пожалуй, ограничивается данными четырьмя партнерами. Политические и экономические отношения Мехико с другими странами Дальнего и Ближнего Востока остаются пока в тени.

Цель настоящей статьи – комплексно рассмотреть турецко-мексиканские отношения с учетом истории становления их политических контактов. Для анализа становления и эволюции двусторонних отношений, рассматриваемых в контексте межконтинентальных связей как особого формата международных отношений, представляется необходимым общее сопоставление путей их развития в данный исторический период.

Мексика и Турция: общее и особенное

Сравнительный анализ Турции и Мексики позволяет выявить ряд существенных типологических сходств между этими государствами. В первую очередь следует обратить внимание на схожие экономико-географические позиции. Как Мексика, так и Турция расположены на периферии двух крупных региональных конгломератов и геоэкономически играют роль «промежуточного звена» между более развитыми метропольными регионами и субрегионами, находившимися долгое время на положении зависимой периферии. Подобно тому, как Мексика связывает Северную Америку с латиноамериканским регионом, Турция является «мостом» между Европой и регионом Ближнего и Среднего Востока. Да и сама Турция, как специфическая евроазиатская держава, совмещает в себе два крупных региона: лишь 3% ее территории находится в «европейской зоне», а 97% – в азиатской. Такое же промежуточное положение занимает и Мексика: будучи культурно и цивилизационно латиноамериканским государством, в аспекте экономической интеграции она находится, особенно последние 30 лет, в «североамериканской зоне». В этом качестве оба государства выполняют идентичные роли «транзитных миграционных зон» и геоэкономические функции трансрегиональных транспортных и торгово-экономических «хабов».

Такие «связующие» позиции, в известном смысле привилегированные, определяют статус обеих стран как весьма важных экономических союзников для США

1 Тайар 2012; Тайар 2015.

2 Косевич 2018; Роблес, Трухин 2019.

3 Tayar 2019.

4 Разумовский 2016.

5 Школяр 2018.

6 Боровков 2015; Borovkov 2015.

и Канады в первом случае и для Европейского союза – во втором. Тем самым географический фактор оказывает сильное влияние на специфику экономического развития обоих государств и одновременно обуславливает их сравнительно выгодное положение среди массива стран, к которому они относятся культурно-исторически. Существенным благоприятствующим фактором традиционно выступает и важное геополитическое положение обоих государств, вынуждавшее великие державы считаться с ними как с суверенными партнерами. И Турция, и Мексика смогли уже в 1920-е гг., значительно раньше большинства стран так называемого «третьего мира», отстоять политический суверенитет и, создав на революционно-националистической основе довольно сходные системы государственного капитализма, продвинуться по пути модернизации обоих обществ.

Бурное развитие экономик и в особенности индустриального сектора, а также геополитическое значение определили вхождение обеих стран в созданную в 1948 г. Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Мексика стала ее членом в 1994 г., Турция – еще в 1961 г. О том, что Мехико пользуется в этой престижной международной организации доверием, свидетельствовал факт избрания в 2005 г. пятым генеральным секретарем ОЭСР мексиканца Хосе Анхеля Гурриа. Он был переизбран дважды и останется на высоком посту до 2021 г. Вместе с тем представляется очевидным, что на момент вступления в «клуб высокоразвитых стран» обе региональные державы были еще далеки от макроэкономических и особенно социальных показателей, обычно учитываемых при вступлении; явный «аванс», выданный Турции после военного переворота 1960 г. как форпосту НАТО, а Мексике – в год вступления в силу договора НАФТА, имел в обоих случаях геополитическую мотивировку.

Активная внешнеполитическая деятельность на международной арене, претензии на субрегиональное лидерство и интенсивное участие в региональных интеграционных группировках как Мексики¹, так и Турции, стали решающими факторами для их вступления в G-20. Членство в «Большой двадцатке» является достаточно престижным, свидетельствует о влиятельном геополитическом статусе государств и позитивно «работает» на улучшение международного имиджа как Мексики, так и Турции. В последнее время оба государства стремятся развивать совместные интеграционные инициативы. В сентябре 2013 г. на Генеральной ассамблее ООН в Нью-Йорке по предложению Мехико и Сеула было создано объединение пяти стран: Мексики, Индонезии, Республики Корея, Турции и Австралии (англоязычный акроним – МІКТА)². По замыслу, новую международную группу должны составить «восходящие» страны средней величины в отличие от «восходящих стран-гигантов» БРИКС. Хотя четыре из пяти ее членов (кроме Турции) имеют комплекс общих интересов как страны Азиатско-Тихоокеанского региона, МІКТА нельзя назвать полноценным межгосударственным образованием, это скорее внешнеполитический «клуб». Взаимодействие пяти стран еще ни разу не осуществлялось на уровне саммитов, а только в формате встреч министров иностранных дел³. Фактически новое объединение стало международной «лоббистской» фракцией внутри G-20. Сеул, выступая главным организатором встреч, зачастую использовал голос Мексики, вместе с остальными, для достижения своих внешнеполитических целей. В 2020 г. Мексика стала координатором группы МІКТА. Для Турции и Мексики данная организация выступает эффективным инструментом внешнеполитического взаимодействия. В частности, на ее полях активно обсуждаются такие международные проблемы, как миграция, организованная преступность, терроризм и др.

1 Ивановский, Лавут 2012.

2 Шлыков 2017.

3 Сударев, Симонова 2017, 186.

Сближает оба государства и их стремление присоединиться к группе БРИКС. Турцией в последнее время взят курс на вступление в этот альянс «восходящих экономик». Анкара была приглашена в статусе наблюдателя на X саммит группы, прошедший в июле 2018 г. в Йоханнесбурге. На нем Р. Эрдоган озвучил идею потенциального расширения БРИКС путем включения в него Турции. Нельзя исключать, что активная внешняя политика Анкары на латиноамериканском направлении является не в последнюю очередь «подготовкой почвы» для претворения этих планов в жизнь. Мексика, как и ее южноамериканский партнер – Аргентина¹ – также вынашивает планы присоединения к БРИКС, однако реализовать их пока не удается.

Следует обратить внимание и на сопоставимость геополитического и геоэкономического веса обеих стран. В мировом рейтинге экономик, составленном на основе объема ВВП, они занимают близкие позиции. Так, по данным 2018 г., согласно оценкам Международного валютного фонда, Мексика находилась на 15-й позиции (с ВВП в 1,241 трлн долл.), а Турция занимала 20-е место (706 млрд долл.)². По оценкам других международных организаций, недавно позиции двух стран находились еще ближе. Так, Всемирный банк в 2016 г. расположил Мексику и Турцию соответственно на 15-й и 17-й позициях в мировом рейтинге экономик. Сопоставимы оба государства и по населению: в Мексике проживает 124 млн человек (2018), а в Турции – 82 млн³.

Таким образом, оба рассматриваемые государства имеют ряд сходных черт, что содействует активному внешнеполитическому диалогу и служит неплохой базой для взаимопонимания и сотрудничества.

Из истории двусторонних отношений XIX и XX века

Первый контакт между Турцией (тогда – Османской империей) и Мексикой имел место в середине XIX века. В 1864 г. эрцгерцог Австрийский Максимилиан I, продержавшийся на троне Мексиканской империи всего три года, отправил своих эмиссаров в различные страны, включая и Османскую империю, в поисках признания собственной легитимности. Известно также, что в ходе военных действий им были наняты египетские войска, находившиеся тогда под османской юрисдикцией. Дипломатические архивы свидетельствуют, что данный шаг вызвал сильный протест со стороны США⁴. Попытки установления дипломатических отношений, также предпринятые Максимилианом I, встретили сильный отпор со стороны северного соседа, поэтому им тогда не было суждено осуществиться.

Период правления мексиканского президента Плутарко Элиаса Кальеса (1924–1928) занял весьма важное место в истории отношений. 25 мая 1927 г. в Риме на встрече официальных представителей два государства подписали Договор о дружбе. Этот акт был особенно важен для Мексики, с трудом выходившей из острого конфликта с Ватиканом и США. В том же году Турция установила дипотношения с США, и первый турецкий посол Ахмет Мухтар выполнял также функции представителя в Мексике. Полноценное установление дипломатических отношений произошло через пять лет после основания Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком в 1923 г. 12 июля 1928 г. вступил в силу Договор о дружбе: произошло историческое

1 Yakovleva 2018.

2 "World Economic Outlook Database," International Monetary Fund, accessed March 29, 2020, <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>.

3 "Comparar economía países: México vs Turquía. Expansión," Datosmacro, accessed March 29, 2020, <https://datosmacro.expansion.com/paises/comparar/mexico/turquia>.

4 "Ver Turquía desde México," El Universal, accessed March 29, 2020, <https://confabulario.eluniversal.com.mx/turquia-mexico/>.

событие, касающееся дипотношений. Спустя несколько лет в обеих столицах заработали дипломатические миссии, однако первое вручение верительных грамот произошло только в 1933 г. 17 октября 1933 г. Кемаль Ататюрк принял Хенаро Эстрада для вручения ему официальных дипломатических подтверждений. Любопытно, что рабочим языком на встрече был французский. В марте 1935 г. Турцией был направлен в Мексику официальный представитель по делам торговли. Именно эту дату можно рассматривать в качестве «стартовой точки» экономических отношений между двумя государствами. В плане культурного сближения в этот период имели место анекдотичные казусы. Например, во время посещения архитектурных памятников цивилизации майя на полуострове Юкатан первый посол Анкары высказал смелую гипотезу о том, что языки майя и турецкий являются родственными.

Мексика и Турция находили общие позиции и пользовались взаимной поддержкой и на международной арене. Ярким примером может служить вступление Турции в Лигу Наций. Данный вопрос был поставлен на голосование в 1932 г.; среди государств, проголосовавших за принятие этого решения, была Мексика, вошедшая в состав организации годом ранее.

В конце 1930-х гг. турецко-мексиканские дипотношения были временно заморожены. Причиной послужило не ухудшение межгосударственных отношений, а довольно косвенный фактор. Дело в том, что посол Мексики в Турции одновременно выполнял функции посла в Испании с резиденцией в Мадриде. Но Мексика, поддерживавшая Испанскую Республику и после ее падения принявшая у себя эмигрантское правительство республиканцев, разорвала отношения с режимом Ф. Франко и отозвала из Мадрида своего представителя. Более десятилетия Мексика не имела дипломатического представителя в Анкаре, однако сами отношения не подверглись пересмотру. Нормальный порядок установился только в 1951 г., когда посол был отправлен непосредственно в Анкару. Именно эту дату считают полноценным началом собственно дипломатических отношений – без посредничества и зависимости от третьих стран.

В 1962 г. уровень отношений был повышен, и стороны обменялись послами (до этого представительство осуществлялось на уровне посланников), а вместо миссий стали функционировать официальные посольства. Однако, по мнению политолога А.В. Сулейманова, впервые в отечественной латиноамериканистике исследовавшего проблематику турецко-латиноамериканских отношений в целом и турецко-мексиканских в частности, «торгово-экономические связи оставались незначительными вплоть до 1974 года»¹.

В июне 1992 г. секретарь Министерства иностранных дел Мексики Фернандо Солана осуществил официальный визит, став первым высокопоставленным представителем Мексики, посетившим Турцию. В ходе переговоров с его турецким коллегой Сулейманом Демирелем удалось прийти к заключению договоров о культурном сотрудничестве и о снятии визового режима для обладателей дипломатических паспортов обеих государств. Стороны также договорились ввести в действие совместный Консультационный политический совет на министерском уровне с целью обсуждения и поиска общих позиций по различным международным вопросам.

1998 г. стал предвестником крупных сдвигов в двусторонних отношениях. В марте Мексику посетил турецкий Вице-министр иностранных дел Коркмаз Хактанир. Он провел подготовку к последующему визиту более высокого уровня. В сентябре Премьер-министр Месут Йылмаз стал первым турецким политиком высшего ранга, по-

сетившим с официальным визитом мексиканскую столицу. Таким образом, XX век завершился для отношений двух стран весьма оптимистично; все предвещало подъем и укрепление как политических, так и экономических контактов.

Мексикано-турецкие связи в XXI веке: политика, экономика, культура

На рубеже столетий и в первое десятилетие нового века основным механизмом взаимодействия стал упомянутый выше Консультационный политический совет, который в совокупности созывался четыре раза. Два заседания данного межгосударственного органа (в 1998 и 2000 гг.) были проведены до прихода в 2002 г. к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), а два – после этого (в ноябре 2005 и в марте 2008 гг.). Впоследствии стороны отказались от подобного формата, но его пусть и не очень длительное функционирование показало, что Мексика и Турция готовы к проведению диалога в режиме открытости и доверия. После первого визита турецкого лидера в 1998 г. последовала большая пауза в динамике политических контактов между высшими этажами власти.

На новый уровень отношения двух стран вышли после прихода к власти ПСР, обозначившей латиноамериканский вектор внешней политики Турции более четко и артикулированно.

Небезынтересно, что на рубеже XXI века обе страны переживали довольно сходные моменты внутривнутриполитического развития. Почти синхронно (в 2000 и 2002 гг.) в них завершилась открытая революциями начала XX века эпоха безраздельного доминирования светских националистов (в Мексике – Институционно-революционной партии (ИРП), в Турции – кемалистов и неокемалистов, тесно связанных с армией). К власти в обеих странах пришли партии бывшей правоцентристской оппозиции, ранее позиционировавшей себя в качестве клерикальной, но не враждебной в принципе по отношению к национальным революциям, а восходившей к их умеренному крылу (в Мексике – Партия национального действия, в Турции – ПСР). Данный фактор должен был идеологически благоприятствовать намерениям открыть в двусторонних отношениях новую страницу.

Пауза в отношениях завершилась в декабре 2009 г. первым двухдневным визитом в Мексику лидера ПСР и одновременно Премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана. В этот период обе страны начинают тесно взаимодействовать на полях ООН. Так, Турция и Мексика были избраны в состав непостоянных членов Совета безопасности ООН на период 2009-2010 гг. (К слову, кандидатуры обеих стран выдвигались и на двухлетнее членство 2015-2016 г., но не прошли процедуру голосования). Визит Р. Эрдогана стал политическим продолжением обоюдной работы в рамках международной организации. Затем в августе 2010 г. турецкую столицу с ответным визитом посетила Министр иностранных дел Мексики Патрисия Эспиноса. Помимо общих межгосударственных переговоров ею был открыт «Мексиканский парк» в пригороде Анкары, возведенный в честь двухсотлетнего юбилея независимости Мексики и столетия Мексиканской революции. Активнее стали развиваться контакты по парламентской линии: в январе 2007 г. делегация депутатов ПСР посетила Мексику и провела серию встреч с коллегами. С этого момента проведение регулярных конференций между парламентскими лидерами становится нормой для межгосударственных отношений.

Интенсификация политических связей не замедлила отразиться на экономических отношениях. Так, в октябре 2012 г. в Международном торговом центре Мехико проводится бизнес-выставка «Экспо-Турция», привлекающая внимание большого числа мексиканских и латиноамериканских предпринимателей. На ней было представлено около 80 экспозиций крупных турецких фирм и компаний машиностроительной, текстильной, косметической и других отраслей, заинтересованных в выходе на латиноамериканские рынки.

Спустя четыре года после турне Р. Эрдогана с ответным визитом Анкару посетил мексиканский президент Энрике Пенья Ньето, став первым мексиканским лидером, отправившимся в Турецкую Республику. Важность визита не в последнюю очередь определялась непростой внутренней ситуацией в Мексике, где на фоне эскалации «нарковойны» к власти вернулась ИРП; преемственность внешнеполитического курса нуждалась в подтверждении.

Событие оказалось знаковым для динамики двусторонних отношений. Пенья Ньето прибыл в Турцию 16 декабря 2013 г., затем последовала серия встреч с Министром иностранных дел Ахметом Давутоглу, Премьер-министром Р. Эрдоганом и Президентом Абдуллахом Гюлем. Уровень и представительность приема свидетельствовали о высокой заинтересованности Анкары в развитии отношений с латиноамериканским гигантом. Задачи визита Пенья Ньето сформулировал следующим образом: «объединить наши потенциалы и определить общие цели; Турция и Мексика могут идти вместе к процветающему будущему»¹. По итогам визита был подписан целый ряд двусторонних соглашений, сделавших его беспрецедентной вехой в истории межгосударственных контактов. Можно констатировать, что поставленные президентом Мексики цели были успешно достигнуты. В число подписанных соглашений, в частности, вошли: Договор о снятии режима двойного налогообложения, Договор о транспортном авиасообщении, Соглашение о привлечении и защите инвестиций, Договор о кооперации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, Соглашение о взаимодействии в борьбе против организованной преступности и терроризма, Соглашение о кооперации в сфере науки и технологии. Кроме того, по итогам визита Пеньи Ньето была введена в действие Двусторонняя комиссия на высшем уровне для развития диалога между двумя государствами, функционирующая до сих пор. Также важным результатом визита стало поднятие уровня отношений до стратегических.

Ответная реакция турецкой стороны не заставила себя долго ждать. В феврале 2015 г. Р. Эрдоган вновь посетил столицу Мексики во время латиноамериканского турне (он посетил также Колумбию и Кубу). Его сопровождала большая группа предпринимателей в составе 25 глав влиятельных корпораций и компаний. Частота контактов на высшем уровне свидетельствовала о том, что отношения достигли качественно нового уровня. В пользу этого говорил и тот факт, что повестка двустороннего диалога была расширена постановкой вопроса о создании двусторонней зоны свободной торговли (ЗСТ), что говорило о готовности сторон выйти на уровень институциональной экономической интеграции, а не ограничиваться торговлей и туризмом. В определенном смысле инициатива создания ЗСТ говорила о геополитической смелости и масштабе намерений. Действительно, одним из препятствий в развитии торговли было наличие договора о ЗСТ между Мексикой, США и Канадой (НАФТА). Не оспаривая стратегических интересов Вашингтона, Анкара стремилась, подобно ряду других международных акторов, приоткрыть через Мексику «окно» на североамериканский супер-рынок.

Характеризуя эволюцию экономических отношений между Турцией и Мексикой, следует отметить их последовательное развитие начиная с 2000-х гг. До этого рубежа они находились на минимальном уровне, но, благодаря налаживанию политического диалога, изменения коснулись и торгово-экономической сферы. В десятилетие 2003–2013 гг. товарооборот стабильно рос с ежегодными темпами в 19%. К его концу данный показатель составлял 886 млн долл. Из этого объема на мексиканский экспорт приходилось 358 млн. В результате к 2015 г. Мексика стала вторым по значимости после Бразилии латиноамериканским партнером Турции.

На рубеже 2016–2017 гг. товарооборот двух стран превысил 1 млрд долл. и в дальнейшем уже не опускался ниже этого уровня. Так, в 2019 г. совокупный объем торговли составил 1,27 млрд долл.¹ Вместе с тем стоит обратить внимание на ухудшение позиций Мексики в структуре общих внешнеэкономических связей Турции. Если в 2015 г. она занимала 47-е место в списке ключевых партнеров, то к 2019 г. «опустилась» на 50-е место, пропустив вперед не только Бразилию (22-е место), но и Колумбию (32-е место). Для сравнения, в 2019 г. товарооборот с двумя крупнейшими для Турции латиноамериканскими рынками составил 3 млрд долл. для Бразилии и 1,9 млрд долл. для Колумбии. Снижение показателя Мексики связано не столько с состоянием двусторонней торговли как таковой, сколько со значительным ростом общемировой торговой активности Турции и других ее партнеров в регионе.

Торговый баланс выглядит достаточно равновесным: на мексиканский экспорт в Турцию приходится 677,9 млн долл., на импорт из Турции в Мексику – 601 млн долл. Латиноамериканский гигант поставляет в Турцию промышленные товары, произведенные на сборочных предприятиях (грузовой транспорт, сотовые телефоны, электроприборы, медицинское оборудование и др.), а также продукцию химической промышленности (полимеры и др.). Данные статьи составляют 50% мексиканского экспорта. 30% приходится на сельскохозяйственную продукцию (овощи, куриное мясо, пшеница и пр.). Экспорт золота для использования в промышленности составляет 11%. Два внешнеэкономических ведомства – Мексиканский совет по внешней торговле (COMCE) и его турецкий институциональный «коллега», Совет по внешнеэкономическим отношениям (DEIK), наладили и ведут активный регулярный диалог.

Турция поставляет в Мексику детали и расходники для ремонта автомобилей, машинное масло, цемент, продукцию текстильной промышленности, одежду, производственное оборудование (например, печатные станки), драгоценности и др. Мексика размещает в Турции филиалы своих компаний: филиал автомобильного концерна «Metalsa» локализован в пригороде Стамбула; «KidZania», специализирующаяся на сфере развлечений, владеет сетью парков. На территории Мексики успешно функционирует более 50 турецких компаний, связанных со строительной деятельностью, машиностроением и пр. Стимулирующее влияние на торговлю оказало открытие прямого грузового авиасообщения между Стамбулом и Мехико в октябре 2018 г.

Во взаимодействии на международной арене Турция и Мексика обнаруживают как общие моменты, когда их позиции полностью совпадают, так и расхождения по политическим вопросам. В разгар сирийского кризиса Мексика политически и экономически поддерживала Турцию. Так, в 2013 г. она ассигновала Анкаре 1 млн долл. – достаточно значительную сумму для переживавшей внутренние трудности страны, – на цели поддержки миллиона сирийских беженцев, нашедших убежище на территории Турции².

1 "Bilateral trade between Turkey and Mexico, 2019," Trade Map, accessed March 29, 2020, <https://www.trademap.org/Index.aspx?proceed=true&outputtype=Tl&outputoption=bycountry&outputmode=M&maptype=worldshare&product=TOTAL&tradetype=I>.

2 "México donará un mdd a Turquía para apoyar a sirios," Milenio, accessed March 29, 2020, <https://www.milenio.com/politica/mexico-donara-mdd-turquia-apoyar-sirios>.

Вместе с тем не все турецкие внешнеполитические инициативы находили поддержку мексиканской стороны. В частности, это касается «кипрского конфликта». Мексика всегда выступала за территориальную целостность островного государства и не признавала самопровозглашенную Турецкую Республику Северного Кипра. Однако спорные моменты не отражаются деструктивно на состоянии межгосударственных отношений.

В июне 2013 г. Турция приняла решение о присоединении в статусе наблюдателя к Тихоокеанскому альянсу – интеграционному механизму, созданному в 2011 г.¹ Инициаторами Альянса были Мексика и Перу, и его следует рассматривать как попытку обозначить и институционализировать региональное влияние Мехико. Турция – далеко не единственное внерегиональное государство, проявившее интерес к Альянсу: статусом наблюдателя в нем обладают также Австралия, Новая Зеландия, Япония, Франция и др. Анкара рассматривает Тихоокеанский альянс в качестве эффективной платформы для расширения торгово-экономического взаимодействия не только с Мексикой, но и со всем регионом.

После прихода к власти в Мексике левоцентристского правительства А.М. Лопеса Обрадора турецко-мексиканские отношения получили шанс продвинуться в своем развитии еще дальше². Незадолго до инаугурации 1 декабря 2018 г. нового мексиканского лидера, турецкий посол Тахсин Тимур Сулеймез дал обширное интервью агентству «Анадолу»³, в котором зафиксировал у избранного президента широкую внешнеполитическую повестку и стремление теснее развивать отношения с Азией, Ближним и Средним Востоком, по возможности дистанцировавшись от традиционного партнера – США. Пока рано подводить итоги курса внешней политики нового правительства Мексики, но в отношениях с Анкарой явно прослеживались признаки дальнейшего сближения. Так, в президентство Обрадора вступили в активную фазу переговоры о заключении договора о ЗСТ, подписание которого ожидалось в среднесрочной перспективе. В августе 2019 г. в Мехико состоялся научно-практический семинар по оценке шансов ускорения данного процесса. На начало 2020 г. был запланирован визит Министра торговли Турции с целью обсуждения проекта ЗСТ, однако пандемия COVID-19 временно остановила подвижки в этом направлении.

Динамика внешнеполитических контактов по-прежнему находится на достаточно высоком уровне. Так, в мае 2019 г. Мехико посетил турецкий Министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу, побывавший в ходе центральноамериканского турне также в Гватемале, Сальвадоре и Гондурасе. Прекрасно владеющий испанским языком дипломат заверил, что интерес Турции к Мексике остается на очень высоком уровне⁴. С августа 2019 г. между Мехико и Стамбулом стали регулярно (с периодичностью три раза в неделю) курсировать прямые авиарейсы, что может значительно увеличить туристические потоки и способствовать интенсификации бизнес-контактов. В 2019 г. открылось консульство Мексики в Стамбуле. Планировалось создание совместного межгосударственного фонда по финансированию научно-технических проектов.

Перспективы дальнейшего углубления отношений действительно имеют реальные основания. В немалой степени этому могут способствовать положительные образы стран-партнеров, которые сформировались в общественном сознании как турок, так и мексиканцев. Так, сам Т. Сулеймез отмечал: «В Турции, когда говоришь о Мексике, народ думает о чем-то положительном; в точности то же самое происходит, когда здесь говорят

1 Хмелевская 2014.

2 Манухин 2019.

3 Alejandro Melgoza Rocha, "Es hora de que Turquía y México descubran sus potenciales", *Agencia Anadolu*, November 23, 2018, <https://www.aa.com.tr/es/mundo/-es-hora-de-que-turqu%C3%ADa-y-m%C3%A9xico-descubran-sus-potenciales-/1319606>.

4 José Carreño Figueras, "México, clave para Turquía," *El Heraldo de México*, May 21, 2019, <https://heraldodemexico.com.mx/orbe/mexico-clave-para-turquia/>.

о турках». В 2018 г. обе страны отметили 90-летие с момента установления дипломатических отношений: в Анкаре и Мехико прошел ряд юбилейных культурно-просветительских мероприятий, также способствовавших укреплению положительного имиджа двух стран в глазах как гражданского общества, так и бизнес-сообщества. Государства преследовали амбициозную цель – довести объем товарооборота к 2023 г. до 5 млрд долл. Пока она выглядит труднодостижимой, однако налицо наличие важного фактора политической воли, который поможет если не достичь, то по крайней мере приблизиться к этой стратегической цели. Есть основания полагать, что какой бы оборот ни приняли драматические события последнего времени, долгосрочные основы отношений двух стран проявят себя и в будущем.

→ Список литературы / References

- Боровков, А.Н. Мексика–Россия: эволюция избирательных систем. Сравнительный анализ // *Латинская Америка*. – 2015. – №4. – С. 73–85. [Borovkov, A.N. Meksika-Rossiya: evolyuciya izbiratel'nyh sistem. Sravnitel'nyy analiz [Mexico–Russia: the Evolution of Electoral Systems. Comparative Analysis] // *Latinskaya Amerika*. – 2015. – No. 4. – P. 73–85.] [In Russian]
- Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы / отв. ред. З.В. Ивановский, А.А. Лавут. – М.: ИЛА РАН, 2012. – 120 с. [*Integracionnye processy v Latinskoj Amerike: sostoyaniye i perspektivy* [Integration Processes in Latin America: Status and Prospects] / ed. by Z.V. Ivanovskii, A.A. Lavut. – Moscow: ILA RAS, 2012. – 120 p.] [In Russian]
- Косевич, Е.Ю. Место Китая во внешнеэкономических приоритетах Мексики // *Восток (Oriens)*. – 2018. – №1. – С. 167–179. <https://doi.org/10.31857/S086919080003966-9>. [Kosevich, E.Yu. Mesto Kitaya vo vneshneekonomicheskikh prioritetakh Meksiki [China's Place in Mexico's Foreign Economic Priorities] // *VVostok (Oriens)*. – 2018. – No. 1. – P. 167–179.] [In Russian]
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов / отв. ред. В.П. Сударев, Л.Н. Симонова. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 208 с. [*Latinskaya Amerika na perelome global'nyh i regional'nyh trendov* [Latin America on Fracture of Global and Regional Trends] / ed. by V.P. Sudarev, L.N. Simonova. – Moscow: ILA RAS, 2017. – 208 p.] [In Russian]
- Манухин, А.А. MORENA как новая ведущая политическая сила Мексики // *Латинская Америка*. – 2019. – №2. – С. 17–30. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003709-8>. [Manukhin, A.A. MORENA kak novaya vedushchaya politicheskaya sila Meksiki [MORENA as a New Leading Political Force in Mexico] // *Latinskaya Amerika*. – 2019. – No. 2. – P. 17–30.] [In Russian]
- Разумовский, Д.В. Торговое сотрудничество Латинской Америки с внерегиональными партнерами // *Латинская Америка*. – 2016. – №3. – С. 5–21. [Razumovskii, D.V. Torgovoe sotrudnichestvo Latinskoj Ameriki s vneregional'nymi partnerami [Trade Cooperation between Latin America and Extraregional Partners] // *Latinskaya Amerika*. – 2016. – No. 3. – P. 5–21.] [In Russian]
- Роблес, Э.А., Трухин, Ю.Н. Китай и Мексика в новой реальности XXI века // *Актуальные проблемы экономики и управления*. – 2019. – №1(21). – С. 129–136. [Robles, E.A., Trukhin, Yu.N. Kitaj i Meksika v novoj real'nosti XXI veka [China and Mexico in the New Reality of the 21st Century] // *Aktual'nye Problemy Ekonomiki i Upravleniya*. – 2019. – No. 1(21). – P. 129–136.] [In Russian]
- Сулейманов, А.В. Новейшая эпоха отношений Турции и Латинской Америки // *Латинская Америка*. – 2014. – №10. – С. 59–71. [Suleimanov, A.V. Novejshaya epoha otnoshenij Turcii i Latinskoj Ameriki [The Latest Era of Relations between Turkey and Latin America] // *Latinskaya Amerika*. – 2014. – No. 10. – P. 59–71.] [In Russian]
- Тайар, В.М. Европа – Латинская Америка: становление и развитие диалога // *Латинская Америка*. – 2015. – №12. – С. 94–97. [Taiar, V.M. Evropa – Latinskaya Amerika: stanovlenie i razvitie dialoga [Europe – Latin America: Formation of Dialogue and Its Development] // *Latinskaya Amerika*. – 2015. – No. 12. – P. 94–97.] [In Russian]
- Тайар, В.М. Евросоюз – Латинская Америка: новый виток взаимодействия // *Латинская Америка*. – 2012. – №3. – С. 96–101. [Taiar, V.M. Evrosoyuz – Latinskaya Amerika: novyj vitok vzaimodejstviya [European Union – Latin America: a New Stage of Cooperation] // *Latinskaya Amerika*. – 2012. – No. 3. – P. 96–101.] [In Russian]

Хмелевская, Н.Г. Интеграционные процессы в Латинской Америке через призму региональной торговли (на примере МЕРКОСУР и Тихоокеанского альянса) // *Ибероамериканские тетради*. – 2014. – №3(5). – С. 131-141. [Khmelevskaya, N.G. Integratsionnyye protsessy v Latinskoi Amerike cherez prizmu regional'noi trgovli (na primere MERKOSUR i Tikhookeanskogo al'yansa) [Integration Processes in Latin America through the Prism of Regional Trade (in the Context of MERCOSUR and the Pacific Alliance)] // *Cuadernos Iberoamericanos*. – 2014. – No. 3(5). – P. 131-141.] [In Russian]

Шлыков, П.В. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: феномен МИКТА // *Сравнительная политика*. – 2017. – Т. 8, №4. – С.127-144. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-127-144>. [Shlykov, P.V. Poisk transregional'nykh al'ternativ v Evrazii: fenomen MIKTA [In Search for Transregional Alternatives in Eurasia: the Phenomenon of MIKTA] // *Comparative Politics Russia*. – 2017. – Vol. 8, no. 4. – P. 127-144.] [In Russian]

Школяр, Н.А. Мексика: к новой повестке внешнеэкономических отношений // *Латинская Америка*. – 2018. – №10. – С. 25-32. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0001038-0>. [Shkolyar, N.A. Meksika: k novoi povestke vneshneekonomicheskikh otnoshenii [Mexico: Towards a New Agenda in Foreign Economic Relations] // *Latinskaya Amerika*. – 2018. – No. 10. – P. 25-32.] [In Russian]

Borovkov, Anatoly. "Mexico-Rusia: evolución de los sistemas electorales" [Mexico-Russia: Evolution of Electoral Systems]. *Iberoamerica* 2 (2015): 67-92. [In Spanish]

González Levaggi, Ariel, and Manuel Ferez, eds. *Turquía – América Latina y el Caribe. Una asociación emergente* [Turkey – Latin America and the Caribbean. An Emerging Partnership]. Istanbul: Bahcesehir University Press, 2016. [In Spanish]

Tayar, Violetta. "La Unión Europea y America Latina: 20 años de cooperación renovada" [The European Union and Latin America: 20 Years of Renewed Cooperation]. *Iberoamerica* 3 (2019): 52-79. [In Spanish]

Yakovleva, Nailya. "Argentina-BRICS: rumbo hacia convergencia" [Argentina-BRICS: Towards Convergence]. *Iberoamerica* 3 (2018): 89-112. [In Spanish]

The relations between Turkey and Mexico: a comparative analysis, history and modernity

A.N. Piatakov

→ Abstract

The author analyzes the history of formation and current state of Turkey-Mexico political and economic relations in the context of Ankara intercontinental relations with the Latin American region. Comparative analysis of the two powers in their geo-economic 'weight', international activity, and other aspects is carried out. Evaluation of historical aspect of bilateral relations is specially emphasized. For the first time in Russian Latin American studies the evolution of Turkey-Mexico diplomatic relations in the 20th century is studied in their phases, including political contacts dynamics at the turn of the 20th and 21st century. The author also analyzes current state of countries' trade and economic relations, as well as their interaction at the international arena.

→ Keywords

Mexico, Turkey, intercontinental relations, Latin America, diplomatic relations, trade, MIKTA, Erdogan, Peña Nieto, integration

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-97-107>

Research article

Piatakov Andrei Nikolaevich, PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Center of Political Studies, Institute of Latin America, the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: anpyatakov@yandex.ru

For citation: Piatakov A.N. The relations between Turkey and Mexico: a comparative analysis, history and modernity. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 97-107.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-97-107>

Received: 15.04.2020

Accepted: 15.05.2020

• Для авторов

Уважаемые коллеги! Подробная информация о журнале, требованиях к предоставляемым материалам, о редакционной политике и этических принципах доступна на официальном сайте по адресу: www.iberpapers.org. Рекомендуем внимательно ознакомиться с разделом «Прием статей». При оформлении списка литературы обязательно указывайте DOI цитируемых материалов. Подать рукопись статьи на рассмотрение можно через специальную форму на сайте.

Приветствуется указание идентификаторов автора: PИНЦ Author ID, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

Точка зрения авторов, материалы которых публикуются в журнале «Ибероамериканские тетради», может не совпадать с мнением редакции.

→ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Адрес редакции:

119454, г. Москва,
пр. Вернадского, д. 76
Тел./факс: +7 (495) 225-33-13
E-mail: submissions@iberpapers.org

Подписано в печать 14.08.2020.
Объем: 11 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз.
Издательство ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

• Para los autores

¡Estimados colegas!

La información detallada sobre la revista, los lineamientos para los autores, la política editorial y los principios de la ética e integridad académicas están disponibles a través del siguiente enlace: www.iberpapers.org. Recomendamos examinar la sección sobre el envío de los documentos.

Al dar formato a la lista de referencias, por favor, indiquen el DOI de los materiales citados. Como parte del envío de un manuscrito para que sea considerado para su publicación, se debe completar un formulario especial que se encuentra en el sitio web oficial de la revista. Se recomienda a los autores a proporcionar la siguiente información: el ID del autor del Índice de Citación Científica de Rusia, el ID del autor del Scopus, el ID del investigador, ORCID.

El punto de vista de los autores cuyos materiales se publican en la revista «Cuadernos Iberoamericanos» puede no coincidir con la opinión de los editores de la revista.

→ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

Fundador:

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia (Universidad MGIMO)

Registrado

por el Servicio Federal de Supervisión de las Telecomunicaciones,
Tecnologías de la Información y Medios de Comunicación (Roskomnadzor).
Certificado de Registro de Medios de Comunicación
ПИ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

Datos de contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú
Rusia, 119454
Tel/Fax: +7 (495) 225-33-13
E-mail: submissions@iberpapers.org

Firmado para imprimir el 14.08.2020.
Volumen: 11 pliegos editoriales. Tiraje: 200 ejemplares
Publicado por el Instituto de Estudios Internacionales
de la Universidad MGIMO
76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Imprimido en el Departamento de la impresión
instantánea y equipamiento de multiplicación
de la Universidad MGIMO
76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

• For authors

Dear colleagues! Detailed information on the journal, guidelines for authors, editorial policy and principles of academic ethics and integrity is available at the following link: www.iberpapers.org. We recommend examining the submission section of the website. When formatting the reference list please indicate DOI of the cited materials. In order to submit a manuscript to be considered for publication please fill in a special form on the official website of the journal.

Authors are encouraged to supply the following indicators: Author ID of the Russian Science Citation Index, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

The opinions of the authors whose materials are published in the *Iberoamerican Papers* journal may differ from the point of view of the editorial board.

→ IBEROAMERICAN PAPERS

Founder:

Federal State Autonomous Institution of Higher Education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

Registered

by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
Mass Media Registration Certificate
ПИ No. FS77–78906 of August 7, 2020

Contacts of the Editorial Staff:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
Russia, 119454
Ph./fax: +7 (495) 225-33-13
E-mail: submissions@iberpapers.org

Signed to print on 14.08.2020.
Volume: 11 printer's sheets. Circulation: 200 copies
Published by the Institute for International Studies,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in the Department
of Instant Printing and Multiplying Equipment,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454